

Д.М. Исхаков

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ДАСТАНАХ

Российская академия наук
Уральское отделение
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Д.М. Исхаков

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ДАСТАНАХ

Екатеринбург – 2025

УДК 39(=512.1)
ББК 63.5(2Рос=Тат)
И 91

Ответственный редактор:
Зайтуна Аптарашитовна Тычинских,
кандидат исторических наук

Рецензенты
Лилия Хатиповна Мухаметзянова,
доктор филологических наук
Ильсаяр Гамиловна Закирова,
доктор филологических наук

Исхаков Д.М.

И91 Исторические реалии в тюрко-татарских дастанах («Ак Кубэк», «Туляк и Сусылу», «Идегей», «Чура батыр») – Екатеринбург : УрО РАН, 2025. – 208 с.

ISBN 978-5-7691-2596-6

Представленный труд является первой попыткой в историографии изучить тюрко-татарские дастаны и связанные с ними легенды и риваяты в рамках исторической этногенеза. В произведении анализируются четыре известных дастана нашего народа («Туляк и Сусылу», «Ак Кубэк», «Идегей», «Чура батыр») и связанная с ними легендарная информация. В результате выявляются ранее недостаточно изученные аспекты истории татарского народа, что позволяет сформировать новые взгляды на многие аспекты жизни татарского общества в период с XIV по XVI века. Эта книга, обладая научной значимостью, будет полезна не только ученым, но и широкой аудитории читателей.

*В оформлении издания использованы работы
Алибека Койлакаева*

ISBN 978-5-7691-2596-6

© Уральское отделение РАН, 2025
© Исхаков Д.М., 2025
© Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
----------------------	----------

Глава I

Дастан «Ак Кубэк» и его глубокие исторические корни

§ 1. Изучение дастана, его содержание и главные герои.....	12
§ 2. Историческое содержание дастана «Ак Кубэк» и его анализ.....	17
§ 3. По следам двух племен	26
§ 4. Татары в кыпчакском мире: на пути к восстановлению исторической правды.....	30

Глава II

История татар в дастане «Туляк и Сусылу» и в источниках, касающихся Старой Казани

§ 1. Основной сюжет дастана и вопрос о Туляке	36
§ 2. Социальный статус Туляка	45
§ 3. Вопрос о переселении из Болгара в Старую Казань в дастане и исторических риваятах, летописях.....	53

Глава III

Тайны дастана «Идегей»

§ 1. Введение в дастан	82
§ 2. Что такое «ал тахет»?	88
§ 3. О «государственной птице».....	92
§ 4. «Эра Тохтамыша»: вопрос о благородных татарах	100
§ 5. Золотая Орда, Белая Орда и Серая Орда	119

Глава IV	
Дастан «Чура батыр» и содержащееся в нем «предостережение для будущих поколений»	
§ 1. Изучение дастана «Чура батыр» и его краткое содержание.....	132
§ 2. Кто такой Чора (Шора) – Чура батыр?.....	139
§ 3. Чура Нарыков – «волостель», «воевода», «большой князь»	166
§ 4. Смерть Чура батыра и предостережение будущих поколений	177
§ 5. Неизученные аспекты дастана «Чура батыр».....	185
Заключение	191
Список источников и литературы.....	194

Введение

Изучение тюркских эпических произведений — дастанов, в том числе и проблема отражения в них исторических знаний о тюрко-татарах, для гуманитарной науки не является совершенно новой темой. Об этом писали, как исследователи, работавшие в общетюркском плане [Орлов: 1945; Мелетинский: 1963; Жирмунский: 1962; 1974; Райхл: 2008], так и татарские фольклористы [Урманче: 1999; 2005; Мухамедзянова: 2014]. Но в работах, написанных главным образом фольклористами, есть один базовый недостаток — при изучении тюрко-татарских дастанов фольклористы подходили к ним несколько односторонне, уделяя основное внимание объяснению разнообразных фольклорных сюжетов, но не историческим сведениям, сохранившимся в эпических произведениях. Правда, в отдельных трудах встречается и более широкий подход к анализу содержания дастанов, в частности, в работах В.М. Жирмунского уделяется значительное внимание историческим данным. Тем не менее, фольклористы к историческим сведениям, нашедшим отражение в дастанах, предпочтитали и предпочитают относиться как к вспомогательным материалам. Объясняется это и тем, что методика исследования фольклористов отличается от методики историков, именно поэтому имеющуюся в дастанах важную для исторической науки информацию фольклористы довольно часто оставляют без внимания. К тому же специалистам по фольклору могут быть не известны новые находки документальных материалов историков, как и их концептуальные наработки, позволяющие взглянуть свежим взглядом на имеющиеся

в эпических произведениях данные, связанные с историческими реалиями.

В действительности, если смотреть на эпические произведения тюрко-татар с точки зрения исторической науки, в них можно обнаружить весьма значимые для гуманитарной науки, но остающиеся должным образом не изученными, сведения. Одна из причин нашего обращения к теме исторических реалий в дастанах заключается именно в стремлении изучить интересные с позиции исторической науки, но оставающиеся за пределами внимания фольклористов, вопросы.

Есть ещё одна причина обращения как этнолога, точнее, историка и этнолога, к названной теме. Это — стремление расширить источниковую базу национальной исторической науки. Дело в том, что большинство источников по истории татарского народа были созданы в иной среде, что приводит к определенной зависимости от них при трактовке собственной истории. Конечно, при научной критике существующих источников отчасти можно избавиться от этих недостатков, но все равно перед историками стоит проблема привлечения большего числа созданных народом собственных источников. Именно такого рода информация — иногда она достаточно уникальна — сохранилась в дастанах, единственно, надо суметь их обнаружить и «вытащить». Поэтому другой задачей данного исследования является расширение источниковой базы истории татарского народа и его этнических групп за счет компендiumа исторических данных, содержащихся в дастанах. И подобная работа вполне выполнима, но для этого надо использовать до сих пор мало или вообще не примененные методы анализа. Об этом далее ещё будет сказано отдельно.

Многие историки, привыкшие иметь дело с письменными источниками, зачастую отрицают саму возможность использования произведений фольклора как отдельной разновидности исторических источников. На самом деле такой взгляд ошибочен, и мы в мировой гуманитарной науке имеем целый ряд исследований эпических произведений с целью извлечения из дастанов исторически значимой информации. В числе таких трудов, к примеру, можно назвать опубликованное на английском языке крупное исследование американского историка Девина Де Виза, имеющее отношение и к истории татар [De

Weese, Devin: 1994]. Однако, прежде чем превратить сведения эпических произведений, преданий и легенд в исторические сведения, надо проделать большую предварительную работу. Прежде всего, необходимо собрать их версии, бытовавшие среди конкретного народа, затем вовлечь в анализ их национальные версии, сохранившиеся среди родственных народов. То есть, следует провести сравнительное изучение разных версий эпических произведений. Только после такой, требующей больших усилий, научно-текстологической работы, мы можем выявить первичный (аутентичный) текст эпического произведения. Кроме того, следует постараться выявить те части дастанов, которые были добавлены в них извне, например, привнесены записавшими их исследователями для «улучшения» текстов дастанов. Во многом такая работа уже проведена фольклористами, но в некоторых случаях научно-аналитическая деятельность в данном направлении может оказаться недостаточной. Из-за этого нам пришлось в определенной степени заходить также в такую, весьма специфическую, область.

Для того, чтобы показать, как произведения татарского и шире – тюрко-татарского фольклора, можно использовать в качестве исторического источника, нами были отобраны четыре эпических произведения (дастаны): «Ак Кубэк» (Ак Кубәк), «Туляк и Сусылу» (Туләк белән Сусылу), «Идегей» (Идегәй), «Чура батыр». Эти дастаны относятся к разным эпохам и различаются по жанровой принадлежности.

Дастан «Ак Кубэк» по основным сюжетным особенностям, несомненно, относится к героическим дастанам. Тем более, что главные его герои характеризуются как богатыри – «алпы» (алыптар), которые хорошо вооружены и ведут боевые действия. Если обратиться к содержанию этого эпического произведения, то обнаруживается, что его надо связывать с домонгольскими кыпчаками, жившими в восточных ареалах Дешт-и Кыпчака. Поэтому в целом время сложения данного дастана надо отнести к XIII веку [Исхаков: 2021]. Из-за раннего сложения в этом эпическом произведении сохранились архаические элементы (появление в дастане героя огузского эпоса «Салыр Казана»; умение Ак Кубэка ещё в утробе матери разговаривать; сведения о 40 девушках и т.д.). Правда, исходя лишь из этих сведений мы не можем относить этот

эпос к разряду архаических дастанов, правильнее будет определить его, как было указано, как героический эпос.

А вот дастан «Туляк и Сусылу», в отличии от остальных, может считаться «героико-любовным» или «любовным/романтическим» эпосом. Подобные дастаны имеются и у других тюркских народов. Скажем, «Ширин и Шакар» у узбеков [Жирмунский, Зарифов: 1947. С. 132–143]. Несмотря на то, что дастан «Туляк и Сусылу» датируется второй половиной XIV века, у нас есть основания полагать, что он впитал отдельные элементы и сюжеты более старых эпических произведений, ибо в его содержании временами появляются воспоминания о восточных кыпчак-кимаках (подробнее о них см.: [Исхаков: 2018в]), в том числе личностях, живших в предмонгольское время (в 1230-е годы) [Исхаков: 2011; 2018в.]. Именно из-за этого в некоторых теоретических трудах, посвященных татарскому фольклору, данное эпическое произведение квалифицируется как архаическое, точнее, архаико-героическое [Урманчеев: 1984. С. 69].

Дастан «Идегей», по мнению фольклористов, сложился в первой половине XV века или несколько позже [Жирмунский: 1974. С. 374 и др.; Урманче: 1999. С. 187–189; Эдигэ: 2016. С. 9–10], относясь к «героическим» эпосам [Жирмунский: 1962. С. 201; Эдигэ: 2016. С. 17; Ибраһимова: 2005. Б. 58]. Правда, в этом дастане есть некоторые архаические элементы, что, однако, не удревняет время формирования данного дастана.

Дастан «Чура батыр», сложившийся спустя век после эпоса «Идегей», формировался уже в других условиях, поэтому, несмотря на отнесение его по типологии к «героическим» эпосам [Ибраһимова: 2002. Б. 140; Урманче: 2005. Б. 273], в нем уже, в отличии от дастана «Идегей», архаичных элементов немного, причем они больше присутствуют лишь в тех его версиях, которые бытовали у казахов.

Поэтому два последних эпических произведения, хотя и относятся типологически к единому типу «героических» дастанов, стадиально стоят на разных этапах (подробнее об этом см.: [Мелитинский: 1963. С. 365; Жирмунский: 1962. С. 332]).

В целом, говоря о сказанных особенностях рассматриваемых нами эпических произведений, приходится иметь ввиду, что в дастанах, относящихся к разным историческим периодам, интересующая нас информация не сохранилась с одинаково-

ковой полнотой. Именно поэтому в теоретических работах, посвященных тюркским эпосам, уже ранее был сделан вывод о разной степени их историчности в зависимости от эпохи создания [Жирмунский: 1962. С. 232].

Надо отметить, что при анализе названных выше эпических произведений нами были использованы предания и легенды (риваять), имеющие эпический характер, а также разнообразные генеалогии. О них более детально можно прочитать в некоторых рубриках настоящего исследования. На самом деле эти материалы изучаются уже длительное время (см.: [Шпилевский: 2012; Атласи: 1992; Татар халык иҗатьы: 1987; Ахметзянов: 1991; Исхаков: 1998; 2013б]). Но, к сожалению, в гуманитарных исследованиях, в том числе и в Татарстане, они остаются систематически неизученными. В такой ситуации, через вовлечение этих своеобразных источников в научный оборот, мы стремились выяснить их потенциал именно как исторических источников. А это в дальнейшем, при обосновании их значимости, позволит использовать дастаны при написании исторических трудов, тем самым расширяя информационное пространство исторической науки.

При написании настоящего исследования кроме татарских (включая и сибирско-татарские) версий изучаемых дастанов, были использованы их башкирские, ногайские, крымско-татарские, добруджинско-татарские, каракалпакские, казахские и алтайские варианты. При цитировании отрывков этих дастанов на национальных языках использовались их алфавиты. Но заметим, что не все эпические произведения имели в прошлом широкое распространение. Скажем, дастан «Ак Кубэ́к» есть только у сибирских татар и в кратких вариантах – у алтайцев, а эпос «Туляк и Сусылу» бытовал в прошлом лишь у поволжских татар и башкир. А вот дастаны «Идегей» и «Чура батыр» имели большую географию, встречаясь у большинства кыпчакоязычных народов. Что касается легенд и преданий, мы ограничились теми из них, которые были связаны с регионом Поволжья, территориями Булгарского вилайета Золотой Орды и Казанского ханства, в некоторых случаях привлекая к анализу и аналогичные материалы по сибирским татарам.

Отдельно следует отметить употребляемые в настоящей работе термины «Волго-Уральский/Поволжско-Приуральский

регион» и их татарский синоним «Идел-Урал». Несмотря на их идентичное в целом содержание, контуры территории, скрывающейся за этими понятиями, могут различаться. Дело в том, что по традиционной тюрко-татарской терминологии наименований речных сетей Поволжско-Приуральского ареала река Белая («Белая Воложка»/Ак Идел) это не только современное течение р. Белой (Ак Идел), но и все течение р. Камы от впадения в нее Белой вплоть до р. Волги. Поэтому в тюрко-татарской номинации внутренняя конфигурация региона Идел-Урал выглядит несколько иной. К тому же надо иметь в виду, что в отечественной науке в 1920-х годах использовалось и понятие «Окско-волжско-камско-тобольский историко-культурный ареал» (А.Н. Самойлович), что позволяет рассматривать в рамках этого последнего ареала и сибирских татар как часть данной обширной культурно-географической зоны.

Последнее замечание касается перевода цитируемых в работе отрывков тюрко-татарских дастанов на русский язык. В большинстве случаев они были выполнены автором настоящего исследования. Объясняется это тем, что не все использованные нами тексты дастанов ранее были переведены на русский язык, а в случаях наличия переведенных текстов, как, например, обстоит дело с эпосом «Идегей», они зачастую оказались не вполне пригодными для наших целей из-за обработки их переводчиками для усиления их художественного характера. К сожалению, такой подход привел к утере части значимых моментов содержания эпосов. К тому же из-за того, что переводчики в ряде случаев не обладали должными знаниями об исторических реалиях, содержащихся в рассматриваемых нами дастанах, ими были внесеныискажающие смыслы в строки эпических произведений. В особенности это было характерно для дастана «Идегей», который в свое время был переведен поэтом С. Липкиным, опираясь лишь на подстрочки.

В нашем исследовании мы придерживались иного принципа — максимально точно передать содержание текстов дастанов даже в ущерб их художественности, ибо для нас прежде всего важно выявить исторические реалии, отраженные в изучаемых эпических произведениях без каких-либо искажающих их элементов.

Глава I

Дастан «Ак Кубэк» и его глубокие исторические корни

§ 1. Изучение дастана, его содержание и главные герои

Дастан «Ак Кубэк» был записан В.В. Радловым среди тобольских татар в группах тоболлы и бараба [Образцы: 1872. Ч. IV. С. 45–48]. В других версиях он также встречается у хакасов (в группе сагай, ранее называвшихся «абаканскими татарами») [Образцы: 1907. Ч. IX. С. 392–393] и алтайцев (алтай кеже / алтай кеше) [Образцы: 1866. Ч. I. С. 204–212]. Еще одно произведение с таким же названием («сказка») было найдено П.А. Фалёвым у ногайцев [Фалёв: 1918]. Однако по своему содержанию оно не похоже на эпическое произведение и, в общем, кроме названия («Ак Кобек – Кара Кобек»), не имеет никакой связи с интересующим нас дастаном. На сегодняшний день мы можем использовать не только тексты «Ак Кубэк», опубликованные В.В. Радловым, но и варианты, изданные Н.Ф. Катановым, который использовал материалы предыдущего ученого [Образцы: 1907. С. 392–393], а также современные татарские литературные версии и переводы на русский язык [Ак Күбәк: 2014. Б. 403–413; С. 423–433].

Дастан был довольно полно изучен учеными [Потанин: 1893; Урманчеев: 1977; 1984; 2002; Эхмётова: 1978; Закирова: 2009; 2011]. Однако в плане определения исторической информации, содержащейся в нем, этот дастан остается мало исследованным. Действительно, в свое время он был изучен сначала Г.Н. Потаниным [Потанин: 1893], а затем, под его влиянием, П.А. Фалёвым. В настоящее время среди работ, выполненных в указанном направлении, можно назвать статью казахского историка А.К. Кушкум-

баева [Кушкумбаев: 2018] и публикацию Д.М. Исхакова [Исхаков: 2021].

В то же время необходимо раскрыть скрытое историческое содержание эпоса «Ак Кубэк», поскольку через него мы можем не только найти этнокультурные корни мира, в котором возник этот дастан, но и высказать новые идеи о восточных кыпчаках, которые жили в Южной Сибири и на Алтае перед возвышением монголов, а также о других тюркских и нетюркских группах, связанных с ними.

В свое время Г.Н. Потанин указал на связь событий, отраженных в вариантах дастана «Ак Кубэк», записанных известным тюркологом В.В. Радловым, с исторически содержательными легендарными текстами арабских историков ан-Нувайри (1279–1333) и Ибн Халдуна (1333–1406). Размышляя о том, как основные сюжеты исследуемого эпоса дошли до арабов из восточных земель, он делает вывод: «...эти сказания были услышаны кыпчаками, жившими в Южной России, от египтян <в начале>. А затем эти сюжеты легко могли перейти к соседним племенам от кыпчаков» [Потанин: 1893. С. 123]. П.А. Фалёв также высказывает подобное мнение [Фалёв: 1918. С. 196]. В дальнейшем такие мнения среди исследователей дастана «Ак Кубэк» стали общепринятыми, однако, если учесть, какой длинный путь лежит между «Южной Россией» и Египтом, то следует рассматривать это как гипотезу, а не как установленный факт о том, что этот эпический сюжет легко достиг арабов через египтян, слушавших кыпчаков.

Очевидно, что необходимо конкретно раскрыть причины достижения сюжетов дастана «Ак Кубэк» к арабским историкам в XIII–XIV веках. Казахский историк А.К. Кушкумбаев, например, сделал несколько важных наблюдений при изучении исторического контекста произведений ан-Нувайри и Ибн Халдуна, однако не дал полного ответа на этот вопрос [Кушкумбаев: 2018. С. 80–81]. В то же время в нашем предыдущем исследовании мы обобщили мысли по этому направлению [Исхаков: 2021].

Сначала нам нужно обратиться к анализу, проведенному А.К. Кушкумбаевым. При исследовании известной у ка-

захов родословной Кобланды-батыра – который относится к роду *кара-кыпчак* (по-казахски – *кара-қыпшак*) – историк показывает, что в ней есть поколение, обозначенное как Аккобик. В связи с этой личностью А.К. Кушкумбаев, опираясь на вышеупомянутую работу П.А. Фалёва, собрал исторические материалы, связанные с Ак Кубэком, и утверждает, что этот эпический герой («алып») также присутствует в вариантах дастана, записанных у алтайцев, барабинских татар и ногайцев [Кушкумбаев: 2018]. В то же время, принимая его основную мысль – что этот дастан относится к кыпчакскому миру домонгольского времени – и признавая использованные исторические материалы и их интерпретацию правильными, мы полагаем, что в анализе А.К. Кушкумбаева есть отдельные, но важные аспекты, которые были им упущены. Наша задача заключается в том, чтобы заново исследовать именно историю этих кыпчаков раннего периода и связанные с ней части истории Ак Кубэка, чтобы высказать четкие мнения об этом. Действительно, из-за ограниченности исторических данных при исследовании дастана «Ак Кубэк» нам также придется опираться на исторические источники, использованные Г.Н. Потаниным, П.А. Фалёвым и А.К. Кушкумбаевым. Однако, в отличие от них, мы активно будем использовать эпические материалы, особенно части дастана «Ак Кубэк», записанные у татар. Такой подход открывает новые возможности при исследовании эпоса.

Сначала стоит кратко остановиться на содержании дастана «Ак Кубэк».

Как говорится в эпосе, в одном городе рождается сын бия Ак Бытыка, которому дают имя «Ак Кубэк» (о этом имени см.: [Фалёв: 2018]). Чудесные качества сына проявляются еще до его рождения: он начинает говорить уже в утробе матери, а после рождения с раннего возраста оказывается очень сильным, будучи ребенком, он ходит и приглашает людей на свою свадьбу и в это время встречает хана по имени Кидан. Хан не хочет, чтобы Ак Кубэк был похож на него, поэтому приказывает своему сыну Мангушу убить его. Мангуш решает пригласить

его на охоту, предполагая, что там будет легче его убить. Султан хитрит – сначала требует у Ак Кубэка его лошадь (ур *кулак, ат*), затем собаку и птицу. Однако герой дастана отказывается их отдавать, и султан, не добившись успеха, пытается забрать его меч и копье, но и это у него не получается. Так они продолжают бороться и доходят до одной горы, где Мангуш делает герою дастана такое предложение: кто первым обойдет гору, тот имеет право отрубить голову проигравшему. Но хитрый Ак Кубэк поручает своей сестре устроить пиршество с 40 девушками и говорит, что нужно задержать Мангуша. Когда тот уснул пьяным, Ак Кубэк проникает туда и соблюдая различные обычаи, отрубает ему голову, затем возвращается домой. В это время хан Кидан отправляет посланца узнать о состоянии своего сына; услышав о его смерти («*Манар тауда йорт тапканлыгын*»), он направляет армию против Ак Кубэка. В армии хана также находятся легендарный «Салыр Казан» (эпический герой огузов!) и неизвестный нам «Буйдар алып». Сам хан также обозначен в дастане как «алып». Салыр Казан пытается убить Ак Кубэка, но хитростью герой дастана убивает его и отрубает голову, пробираясь в ханскую армию; в это время хан Кидан ранит его копьем. Раненый Ак Кубэк возвращается домой и просит своего родственника похоронить его в могиле, приказывая не трогать его до пятницы. Однако тот будит его раньше назначенного дня, поэтому Ак Кубэк снова ложится в могилу и умирает. После его смерти хан склоняется с родственником героя дастана, но затем они успокаиваются и забывают о вражде.

Основной сюжет эпического произведения выглядит именно так. Конечно, это не очень сложный по содержанию дастан. Тем не менее, в дастане скрыта важная информация, которую трудно сразу уловить. Поэтому нам сначала нужно обратить внимание на действующих в эпосе персонажей.

Прежде всего, нас должны заинтересовать хан Кидан (туркские формы – *Кидән / Китән / Котән*), сын Ак Бытыка – Ак Кубэк и ханский сын Мангуш (туркское имя – *Манкөш / Манкөш*), поскольку именно эти имена встречаются

и у арабских летописцев. Салыр Казана из произведения «Книга Деде Коркыт» оставим пока в стороне (в арабских летописях его имени нет). У нас нет сомнений в том, что в арабских источниках и в дастане речь идет об одних и тех же личностях, чтобы это доказать, обратимся к летописям.

§ 2. Историческое содержание дастана «Ак Кубэк» и его анализ

Ан-Нувайри, сообщая о содержании и основных сюжетах дастана «Ак Кубэк», описывает поражение личности по имени Аккубуль (отражение имени Ак Кубэк) от хана Котана. Он рассказывает о том, как Ансар (Унсар), брат Аккубуля, просит Душихана (то есть, Джучи) напасть на представителей враждебного племени *дурут*, и когда они одерживают победу, в источнике делается такой вывод: «.... <Души / Жучи> ... убил большинство из них и взял в плен. В это время торговцы отправили их <плленных> в различные города и земли». С некоторыми изменениями эта информация также присутствует у Ибн Халдуна. Интересно, что сообщение завершается очень характерным фрагментом: «...все перечисленные племена (о которых будет сказано далее) – не из одного корня, и тюрки в Египте – из кипчаков». Очевидно, что в упомянутых исторических источниках речь идет о мамлюках, что также ясно видно из записи арабского историка ал-Айни (1361–1451), жившего позже: «...Пленные (среди них были и кипчаки) ...были отправлены в Сирию и Египет. Именно из них возникли мамлюки...».

В результате возникает рабочая гипотеза: сюжеты, содержащиеся в дастане «Ак Кубэк», могли прийти через воспоминания кыпчакских мамлюков, попавших в плен и отправленных на арабские территории, прежде всего в Египет. Однако для того, чтобы оценить, когда сохранившиеся легендарные воспоминания были превращены в дастан и определить, какая исторически достоверная

информация содержится в них, нам необходимо сопоставить сообщения арабских летописей с дастаном «Ак Кубэк», и, прежде всего, с его татарскими вариантами.

Арабский энциклопедист ан-Нувайри в своем 30-томном труде «Нихайт ал-араб фи фунун ал-адаб» (другое название – «Мунтаха ал-араб фи’илм ал адаб»), который был завершен до 725 года хиджры (1324/1325), предоставляет информацию в разделе, названном «О тюркских делях». В этом разделе говорится, что после похода 616 года хиджры (1219/1220) «западные татары», то есть татаро-монголы, вернулись к своим вождям, а ранее во время этого похода сбежавшие «турки» (в первую очередь, кыпчаки – Д.И.) в 626 году хиджры (1228/1229) собирались на своих «северных землях». Вероятно, в данном случае речь идет о втором походе монголов под руководством Субэдэя-бахадура, который, как известно, оказал незначительное влияние на земли кыпчаков, особенно на западных кыпчаков. При упоминании этой информации ан-Нувайри приводит данные о составе племен «турков», то есть кыпчаков, упомянутая 11 племен: 1) Токсоба, 2) Йета, 3) Бурджоглы, 4) Бурлы (Илбарлы / Елбарылы), 5) Канггуолы (Кангагоглы), 6) Анджоглы, 7) Дурут, 8) Карабороглы (или Кулабаоглы / Колабаоглы), 9) Джузнан (Джортан / Чертан), 10) Каабирикли, 11) Котян [Там же. С. 63–61]. Далее этот автор приводит очень важное для нас сообщение: «...[Однажды] произошел такой случай – человек по имени Мангуш из племени дуррут, сын Котяна, вышел на охоту и там его встретил человек по имени Аккубуль из племени токсоба, между которыми с давних времен существовало соперничество. В результате он <Мангуша> захватил в плен и убил. Об этом не было известно отцу Мангуша и его людям, они отправили Джангару (Джалангар) для расследования. Он вернулся и сообщил о его убийстве. После этого <отец Мангуша> собрал свое племя и людей и пошел против Аккубуля. [Тот] ...собрал представителей своего племени и подготовился к битве ...Они сражались..., победа была на стороне племени дуррут. Аккубуль сам был ранен, его войска рассеялись. В этот момент он (Аккубуль) отправил своего брата Ансара (Унсара) к Душихану, а тот уже отправил его... в Северные земли.

«Аккубуль» ему «то есть Душихану» пожаловался о том, что с его народом сделано со стороны дурутских кипчаков и сказал: если «Душихан» пойдет против них, он не встретит никого, кроме «дурутского племени», – сказал он. После этого «Душихан» пришел к ним с войском и атаковал...» [Там же. С. 65]. Некоторые особенности этого сообщения также присутствуют у Ибн Халдуна (умер в 1406 году) в его труде «Китаб ал-‘ибар ва диван ал-мубтада’ ва-л хабар фи айям ал ‘араб ва-л ‘аджам ва л ‘аджам ва-л-барбар». В его сообщении сын Котяна Мангуш называется «Мангуш сын Китмира», а его соперники – Акакийак, Джамгур-Джаллан и Ансар-Аксар [Там же. С. 66]. Это могут быть ошибки, возникшие при переписывании старых текстов. Еще одно замечательное сообщение Ибн Халдуна касается следующего: «...племя дурут – из кипчаков, а племя токсоба – из татар» [Там же. С. 65].

В ранее опубликованных работах (см.: [Там же. С. 64]) уже упоминалось о том, что приведенные ан-Нувайри и Ибн Халдуном названия племен относятся к западным кыпчакам, проживавшим в Даشت-и Кыпчак. Это кажется правдоподобным. Однако нас больше интересуют общие черты между арабскими источниками и содержанием дастана «Ак Кубэк». Их довольно много.

Во-первых, имена враждующих знатных кыпчаков совпадают: Мангуш ~ Манкош сын Котяна (Китана) и Ак Кубэк (Ак Кубул) / Ак Кийак. Во-вторых, имя посла Котяна также представлено в близкой форме – в арабских источниках это Джангар / Джалаңгар (туркская форма будет Чамгар / Чалангар), а в дастане – Чылак. В-третьих, в эпосе появляется брат (или двоюродный брат) Ак Кубэка, который после его смерти сражается с ханом Котяном. По ан-Нувайри, у Ак Кубэка также был брат по имени Ансар / Унсар. Правда, там он не сражается с Котяном, а приходит к Джучи с жалобой, направляет его войско против племени дурут и добивается их поражения. В-четвертых, эпический и исторический Ак Кубэк тяжело ранены. В-шестых, Мангуш и Ак Кубэк встречаются впервые во время охоты.

Хотя сходств достаточно, в летописях есть информация, не отраженная в дастане «Ак Кубэк»: о том, что хан

Котян и его сын Мангуш происходят из племени *дурут*, а Ак Кубэк – из племени *токсоба*, что указывает на различное этническое происхождение этих племен (племя дурут – от кыпчаков, племя токсоба – от татар).

На наш взгляд, информация, приведенная в арабских летописях, попала через кыпчакские княжества и в то время деление на племена еще имело значение. Однако эта информация требует отдельного исследования, так как она говорит о том, что кыпчаки делились на западную и восточную части, их этнические корни были различны, несмотря на то что они принадлежали к единому кыпчакскому миру. Мы еще вернемся к этому вопросу, но прежде необходимо найти исторические прототипы хана Котяна (Кидана), его сына Мангуша и их соперника Ак Кубэка.

Эпический и летописный Кидан / Котян хан достаточно уверенно обнаруживается среди западных кыпчаков; когда монгольские нашествия обрушились на Восточную Европу, он в 1237 году переселился в Венгрию со своим улусом в 40 тысяч человек и может быть отождествлен с ханом Котяном [Плетнева: 2010. С. 125]. Также известно, что он был тестем князя Мстислава Мстиславовича Галицкого (умер в 1228 году). Последний подстрекал его против Галицкой Руси (в 1226 году), затем в 1228 году князь Владимир использовал его в своих интересах, а в 1235 году хан Котян снова совершает нападение на Галицкую Русь [Там же. С. 181]. Из этих данных видно, что его улус жил близ древнерусских княжеств. Можно предположить, что ядро владений хана Котяна состояло из племени дурут (в тюркском языке «дурт» означает «четыре»). Они действовали вблизи западных русских земель, и постольку из-за перехода в Венгрию во время монгольского похода 1230-х годов мы можем рассматривать эту группу кыпчаков как часть западных кыпчакских (куманских / половецких) объединений.

Следует отметить, что венгерский король Бела IV (1206–1270) имел наследника Стефана, который взял в жены дочь хана Котяна Елизавету, принявшую христианство. Сам хан какое-то время жил в Венгерском королевстве под титулом «dominus Cumanorum» / «Владыка Куманов» вместе

со своими соплеменниками. Однако в конце концов хан Котян вступает в конфликт с венграми-аристократами и в 1241 году восстает, перебирается в Болгарию, а сам хан погибает во время восстания. Тем не менее, в 1246 году в условиях нарастающей угрозы со стороны монголов, этих кыпчаков снова приглашают в Венгерское королевство, и они остаются там, постепенно христианизируются и ассиимилируются, в итоге через некоторое время становятся частью венгров [Horváth: 1989. Р. 48–50].

О сыне хана Котяна Мангуше (Манкош) нет других исторических сведений. Однако имя Мангуш (Манкош) как часть кыпчакского наследия известно среди татар Золотой Орды и их потомков в XIV веке и позже. Например, посол Узбек-хана с таким именем участвует в переговорах о «мире» и «создании семьи» в Мамлюкском Египте в 1314/1315, затем в 1320, 1321/1322, 1323/1324 годах [История Казахстана: 2005. Т. I. С. 243, 246, 310, 315, 362, 364, 380]. Возможно, на эти переговоры был отправлен именно представитель кыпчаков. Также известны татарские князья с фамилией Мангушев в Алатырском уезде Русского государства в 1624–1626 годах (в последующие годы рядом с ними появляется село Мангушево). Родословная этих личностей может восходить к князю Мангушу [Акчурин, Ишеев, Абдиев: 2021. С. 217–218]. Сохранение такого имени не случайно среди татар-мишарей, у которых этнический компонент из татар Золотой Орды играл значительную роль. Кроме того, название Мангуш также встречается как обозначение крупного населенного пункта на юго-востоке Украины. В башкирской родословной рода кыпчак известен Мунаш би [Башкирские: 2016. С. 138–139]. Это имя также могло произойти от имени «Монкаш / Манкош» (в башкирском языке звуки «к/г» могут заменяться на глухой «h»).

Что касается Ак Кубэка – а он может рассматриваться как би / бий и быть среди племенных вождей – мы знаем о нем только из эпических материалов. Тем не менее, упоминание имени «Аккобік алып» среди предков Кобландыбатыра в родословной кара-kyпшакского рода казахов не может быть случайным. Имя Кобяк / Кубяк (откуда происходит Кубэк) известно в кыпчакском мире с XII века:

в русских летописях оно упоминается как имя хана группы кыпчаков, живших на территории Днепра в 1170-х годах (их называют «Лукоморскими кыпчаками») – Кобяк Карлевич [Плетнева: 2010. С. 159, 161, 188]. В дальнейшем это имя сохраняется у татар (как казанских, так и сибирских) как антропоним и топоним до настоящего времени.

Чтобы понять информацию, сохраненную в арабских летописях, самым сложным является утверждение Ибн Халдуна о том, что племена дурут и токсоба имеют два этнических корня. В то же время, как уже упоминалось, этот историк особое внимание уделяет тому, что тюрки на землях Египта происходят от кыпчаков [История Казахстана: 2005. Т. I. С. 66]. На самом деле он пытался показать различие между мамлюками, происходящими от кыпчаков, и «татарами» – это название арабы использовали в отношении татар Золотой Орды с их сложным этническим составом. Однако для определения такого различия через племя токсоба существует одно препятствие: согласно исторической традиции, сохранившейся у башкир, уран кыпчакского рода у них звучал как «Туксаба!» [Башкирские: 2016. С. 146]. Также в исторически значимом произведении «Дәфтәре Чыңғыз-намә» (конец XVII века) в разделе, посвященном распределению Чингисханом племенных знаков (дерево, птица, уран, тамга) среди предводителей племен, упоминается, что Кыпчак бий – а это имя в источникедается как эпоним, обозначающий кыпчакское племя – получает уран «Тук Саба» [Мирастан: 2011. Б. 52]. Видимо, в этих двух сравнительно поздних источниках отражается связь племени токсоба с кыпчаками. Действительно, из русских летописей видно, что группа (орда) под названием Токсобичи принадлежала к кыпчакам (половцам) [Плетнева: 2010. С. 109]. По мнению С.А. Плетневой, эта группа кыпчаков жила в степях между реками Дон и Донец и участвовала в междуусобицах русских князей в 1147 и 1152 годах [Там же. С. 109]. То есть, в конечном итоге, они оказываются частью западных кыпчаков (половцев, куманов). Однако появление Токсобичей на правом берегу Волги (как уже упоминалось, всего дважды) не означает, что другие части племени токсоба не жили в других регионах;

такое же племя могло существовать и среди восточных кыпчаков. Однако без отдельного исследования по этому вопросу нельзя дать точное решение. Именно в этом направлении нам следует вернуться к поэме «Ак Кубэк». Точнее, необходимо объяснить, почему варианты этого эпического произведения были найдены в Западной Сибири и Алтайском регионе. Размышляя об этом, нам нужно учитывать наличие урана «Тук Саба» у кыпчакского племени башкир, а также отражение имени Аккобик, связанного с племенем токсоба, в генеалогии рода кара-кыпчак (кыпчак) казахов, поскольку во всех этих случаях мы имеем дело с восточной зоной древнего Дешт-и-Кыпчак.

Сначала нам нужно рассмотреть причины распространения дастана «Ак Кубэк» среди сибирских татар, алтайцев (алтай-кижи) и хакасов (сагайцев). Одну из причин не нужно долго искать – она лежит на поверхности: по мнению различных ученых, после падения Сибирского ханства отдельные группы сибирских татар («народ Кючюма») переселились на восток, проникли в Алтайский регион и остались там среди алтайцев и хакасов [Потапов: 1969. С. 89–90; Алтайцы: 2014. С. 57]. Даже в роду теленгитов была группа кёбёк [Алтайцы: 2014. С. 57]. Следовательно, этот дастан мог попасть к этническим группам, которые издавна проживали на Алтае, через переселенцев. Однако необходимо назвать и другие причины распространения здесь дастана «Ак Кубэк». В этом случае стоит упомянуть о том, что среди основных родов (сеоков) алтайцев существует кыпчакский род (*оймак*). Этот род считался значимым объединением, из которого произошли известные роды укту-зайсан [Потапов: 1969. С. 23–24; Алтайцы: 2014. С. 57–58]. В некоторых случаях ученые пытались связать род кыпчак среди алтайцев с государством Шибанидов и Ногайской Ордой (например, см.: [Алтайцы: 2014 С. 57]), однако в реальности дело обстояло несколько иначе. Например, как указывает А.П. Потапов, у теленгитов (в которые входили род кыпчак и другие связанные группы) существуют легенды о том, что их древние предки пришли из степей «Конграй-Сагай», а в группе качи-хакасов («качинские татары») рассказывается о том, что их предки когда-то жили в местности

с названием «Соко / Сакы» в бассейне Иртыша, и общее имя предков куманов и качинцев обозначается как «Куман / Кубан» [Потапов: 1969. С. 32, 37–38, 59]. То есть здесь появляются куманы-кыпчаки. Поэтому не случайно, что А.П. Потапов связывает часть эпического наследия, записанного у алтайцев, особенно у южных алтайцев, с эпохой Улуса Джучи и кыпчакским периодом. Действительно, этот учёный не проводит четкой границы между указанными двумя периодами [Там же: С. 47].

На самом деле отделить историческое наследие кыпчаков, существовавших до монголов, от наследия татар Золотой Орды (включая Шибанидов) очень сложно. Основная причина этого заключается в значительной роли кыпчаков в этногенезе последних. Чтобы продемонстрировать эти трудности приведем несколько примеров. Первый связан с рукописью, касающейся суфийских кругов, обнаруженной и опубликованной Н.Ф. Катановым. Эта рукопись, найденная среди сибирских татар, называется «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири» (условное название, которое, как мы предполагаем, было дано Н.Ф. Катановым при публикации). Этот многослойный источник, описывая приезд мусульманских шейхов из «святой Бухары» для распространения ислама к берегам реки Иртыш, так представляет этнический состав «тиюрок», живущих там: «Народ Хотан», «Нугайский народ» и «Кара-кыпчакский народ». К ним добавляются еще две группы – «восставшие под предводительством хана Тархана (Таргана)» и «остяки». Именно первые три группы называются «татарами» [Катанов: 1905. С. 20–22]. Здесь следует обратить внимание на этнонимы «хотан» и «кара-кыпчак». Первый из этих этнонимов, вероятно, отражает название «кидань» (черный кидань), поскольку в рукописи также упоминается Китай, а второй этноним указывает на кыпчакский мир, имея в виду восточных (в тюркских языках «кара» обозначает восточное направление) кыпчаков. Упомянутая генеалогия казахов также говорит об этом – там, как уже упоминалось, видно племя кара-кыпшаков, возглавляемое «Аккобік алып». Таким образом, если учесть разделения «Ак/Белая Кумания» и «Кара/Черная Кумания»,

имевшие место в Дешт-и-Кыпчаке в XII веке (здесь «ак» и «кара» – это цвета, обозначающие запад и восток), мы можем предположить, что племя (род) «кара-кыпчак», существовавший среди сибирских татар, казахов и башкир [Кузеев: 1974. С. 177], указывает на восточную (черную) часть кыпчакского мира. Для подтверждения этой мысли можно привести еще один источник – речь идет о труде Ахискенти б. Нурмахаммеда «Мәжмұ-ат ут-таварих» (конец XV – начало XVI века). В этом источнике содержатся некоторые уникальные сведения о времени правления хана Тохтамыша (1312–1342) в Улусе Джучи. Например, там неоднократно упоминается знаменитый Манас, который возглавлял «Каркара кыпчаков» [Сайф ад-дин: 1996. С. 43–47, 71; Ахинжанов: 1989. С. 158]. Хотя в научной литературе существуют разные мнения о том, какой именно регион скрывается под названием «Каркара» (см.: [Ахинжанов: 1989. С. 158–159]), стоит вспомнить мнение казахского историка С.М. Ахинжанова о том, что этих кыпчаков следует связывать с регионом, который простирается на юг от реки Иртыш до озера Балхаш и включает в себя горы Каркары, Чингистау и Тарбагатай [Там же]. Кроме того, по наблюдениям арабского историка Аль-Идриси (1100–1165), кимакские племена (*йамәк*) (которые как раз и являются восточными кыпчаками) по некоторым характеристикам были похожи на киргизов [Там же. С. 159], что указывает на их проживание на востоке. В этом контексте также стоит отметить, что среди племенного состава киргизов (внутри группы ичкилек) присутствует клан кыпчак наряду с племенами найман и телес [Кыргызы: 2016. С. 92, 270–271]. Поскольку на самом деле эти два последних племени связаны с Алтайским регионом, то и кыпчаки здесь также должны рассматриваться как наследники древних «Каркара кыпчаков», относящихся к восточным кыпчакам. Следовательно, мы не можем считать случайным то, что имя «Аккобік алып» встречается в генеалогии племени кара-кыпшаков, которые живут среди казахов.

§ 3. По следам двух племен

Перед нами, в связи с появлением восточных (черных) кыпчаков, стоит задача обратить внимание на этнонимы дурут (дүрт) и токсоба, упомянутые в ранее представленных арабских летописях. Эти этнонимы, хотя и не являются названиями племен (родов), тем не менее, фигурируют в поэме «Ак Кубэк» через имена вождей этих племен.

Дүрт / дурт ~ Дурут. Начнем исследование с этнонима дурут (это арабская транскрипция), который являлся «ханским» племенем. На наш взгляд, здесь имеется в виду известное из русских источников имя *терьтер*, упоминаемое в летописях 1185 года как «Тертьеровичи», которое относится к благородному кыпчакскому племени. В этом году они участвовали в крупном сражении с русскими [Плетнева: 2010. С. 163]. Корень данного этнонима – терът, который, вероятно, отражает тюркское понятие «четыре». Таким образом, название Тертьеровичи можно разбить на части: терът / терътер + оба. То есть это означает «люди четырех племен» (оба / овиchi – это древнерусское патронимическое обозначение родства, или же может отражать понятие обоғ~овох (род, кровные родственники) у монголов [Владимирцов: 2002. С. 341]). Однако не следует забывать и о термине «бече / печи», бытовавшее среди татар (например, у нократских татар, которые являются кыпчаками), означавшем объединение родственников, патронимию (он также связан с известным в татарском языке словом «бичә» – обозначающим женщину) [Исхаков: 1978]. Таким образом, данный вопрос оказывается более сложным.

В русских источниках также известны две формы – Каепечи и Токсобичи (последняя будет рассмотрена), поэтому объяснение, связанное со словом бече / печи из тюркско-татарского языка, выглядит более удачным.

Если мы обратимся к этнониму *дурт* (дурут), сразу же вспоминается имя одного из шести татарских племен, перечисленных в труде Рашид ад-Дина. Персидский историк говорит о татарских племенах, «известных с древности», которые были «многоветвистыми», перечисляя имена шести племен татар, каждое из которых имело свои войска и правителей: тутукулайут (основное название тутукул – Д.И.), алчи-татар, чаган-татар, куин-татар, терат и баркут-татар [Рашид ад-Дин: 2001. Т. I. С. 101–109]. Этноним *терат* из этого списка безусловно соответствует уже знакомому нам названию кыпчакского племени и понятию дурт / дурут. Такое соответствие (учитывая также этнонимы с числовыми значениями в китайских источниках – восемь, девять, тридцать и т.д., которые также характерны для тюрков) не может быть случайным. И вот почему.

Во-первых, некоторые из татарских племен из списка Рашид ад-Дина известны и в Золотой Орде – это кланы алчи (алчын) и баркут (баргут / буркыт), и они числились в восточных регионах Дешт-и-Кыпчака. Далее, племя алчи входило в число основных кланов в Астраханском ханстве [Исхаков: 2009. С. 24], откуда оно осталось и среди казахов. Буркыты же первоначально жили в Алтайском регионе, а затем в районе Урала и Западной Сибири. Ранее известные как «Сибирские князья» Тайбугиды, по нашему мнению, происходят от буркытов [Исхаков: 2009]. А вот известное со времен монгольских завоеваний, то есть с XIII века, племя меркит (мекрит), жившее на Алтае, также в своем наименовании может отражать этот же этноним, поскольку в тюркских языках наблюдается смена б // м. Таким образом, изучая древнюю историю племени дурут, мы сталкиваемся с вопросом сложных взаимосвязей групп, носивших названия «татар» и «кыпчак». Однако, прежде чем перейти к этой области, нам следует остановиться на этнониме токсоба.

Токсоба (Туксоба / Тукс ~ девять + оба). В арабских источниках этот этноним представлен в форме tokus + aba / токсоба [Kirzioglu: 1992. С. 91; Кушкумбаев: 2018. С. 9], а в русских источниках, как уже упоминалось, он встречается как Токсобичи [Плетнева: 1990. С. 97–98]. Его корень токс ~ тукс, что означает «девять», и мы предполагаем, что последний формант образован от монгольского слова овоğ или тюркского термина бече/печи. Исследователи уже до нас предлагали рассматривать этот этноним как «девять» [История Казахстана: 2005. Т. I. С. 64], и мы при соединяемся к этому мнению. Действительно, в тюркском мире с раннего средневековья известны этнонимы «девять татар», «токыз огуз». Поэтому наличие такого названия у кыпчакских племен не должно вызывать удивления. На самом деле, этот этноним был известен в регионах проживания тюрков, включая татар, с давних пор. Приведем примеры.

Например, в составе алтайских групп известен род «тогус» [Потапов: 1969. С. 23, 84]. Алтайские исследователи связывают эту группу с «татарами», которые переселились в Алтайский край после падения Сибирского ханства [Алтайцы: 2014. С. 57]. Действительно, для такого вывода есть некоторые основания. Например, в Вагайском районе Тюменской области среди сибирских татар с XVIII века известна деревня Токуз (Тогус~Тукуз), а в XVI–XVII веках там также была известна «волость» с тем же названием, то есть объединение на основе рода [Миллер: 1999. С. 285, 352, 468]. «Тогузская волость» также появляется в начале XVII века на берегу реки Иж в современном северо-восточном Татарстане [Исхаков: 1985], и, хотя ее древние этнические корни были связаны с тюрко-уграми (их связь с «Енайской волостью» – угорскими родами), корни этой группы могут быть найдены в Сибирской зоне (среди местных «иштяков») и могут быть связаны и с кыпчаками (об этом подробнее см. [Сәетов: 2018; Исхаков: 2018г]). Также стоит отметить, что с определенной долей осторожности можно связать упоминаемое в русских летописях в 1184 году городок «Тухчин» на землях Волжской Булгарии с этим же этнонимом (тухч~тукс+ин; ин также присутствует в другом

топониме – названии Саксин). В общем, основное значение этнонима токсоба сводится к «людям девяти племен / девяти родов».

При таком подходе историко-этнологические данные, представленные Ибн Халдуном, о том, что племя дурут (дүрт) относится к «кыпчакам», а племя токсоба (туксаба) – к «татарам», вызывают сомнения. На самом деле клан дурут происходит от древних татар, а лишь затем вошел в состав кыпчаков, в то время как племя токсоба, которое в свое время было среди древних тюрков, не является частью кыпчаков. Исходя из этого, о чем же на самом деле говорит Ибн Халдун, опираясь на историческую память о мамлюках, которые происходили от кыпчаков и жили в XIV–XV веках?

Здесь возможны два объяснения. Первое. В период Золотой Орды племя токсоба или его часть, которая уже в общем смысле стала «кыпчакской», могла быть оценена Ибн Халдуном (и другими арабами) как «татары» из-за существующих связей между Мамлюкским Египтом и Золотой Ордой. Для арабов и мамлюков золотордынцы были «татарами». Одной из возможных причин такого объяснения может быть то, что, согласно ан-Нувайри, после поражения токсоба от племени дурут они пришли к Джучи (стали федератами монголов). Именно в этой ситуации племя токсоба должно было сохранить свою целостность в той или иной степени и получить название «кыпчак» перед лицом монголов. Судя по содержанию дастана, можно предположить, что племя токсоба жило больше на востоке по сравнению с племенем дурут под руководством хана Котяна. Кроме того, наличие кара-кыпчакского рода среди казахов и одноименного рода среди башкир, а также присутствие кыпчакской линии среди алтайцев, также указывает на это.

§ 4. Татары в кыпчакском мире: на пути к восстановлению исторической справедливости

Однако, хотя приведенная гипотеза достаточно обоснована, можно предложить еще одно объяснение информации, рассматриваемой в произведении Ибн Халдуна. Его основа заключается в том, что в XI веке среди внезапно усилившихся кыпчаков жили группы с различными этногенетическими корнями, одна из которых могла соединиться с древними татарами до монголов. Представители этих этногенетических «линий», возможно, также проживали и в других регионах – группы, происходящие от самих кыпчаков (половцев, куман), могли сосредоточиться на западе Дешт-и-Кыпчака («Ак Кумания»), а различные тюркские группы, вышедшие из Кимакского каганата и жившие в «Кара Кумании», среди которых татары играли значительную роль, могли составлять восточных кыпчаков (кимако-татар) в районах близ бассейна реки Иртыш.

На самом деле, рассматривая поднятый вопрос, мы сталкиваемся с большой научной проблемой, которая до сих пор остается дискуссионной – это возможность существования этнических корней «монгол / татаро-монгол» и тюркских корней среди кыпчаков (половцев / куман) и их элит. Если обобщить мнения, существующие в научной литературе по этому вопросу (больше информации вы можете найти далее в этой работе), их можно описать следующим образом.

Кимакский каганат, расположенный в верхнем течении реки Иртыша (конец IX века – первые десятилетия XI века), стал источником для кыпчаков. Согласно мнению известного

тюрколога П. Голдена, татарские племена сыграли «ключевую роль» в организации этого государства [Golden: 1980; 1986: 2001]. В работе Гардизи «Зайн ал-ахбар», написанной в середине XI века (информация в ней отражает этнополитическую ситуацию более раннего времени [Кумеков: 1972. С. 113–114]), содержится интересное сообщение: один из «правителей татар» по имени Шад (это имя может быть не собственным, так как этим термином в древних тюркских государствах называли близких родственников каганов по отцовской линии) «убегает к великой реке» (имеется в виду Иртыш) и начинает жить там. Постепенно к нему присоединяются еще семь «братьев» (имена: Имак, Ими, Татар, Байандур, Кыпчак, Лнкиказ и Ажляд). На самом деле эти «имена» являются эпонимами и отражают названия племен, хорошо известных в Центральной Азии и соседних регионах. Например, Ими – это часть уйголов, Имак – вариант этнонима кимаков (йемек), а остальные имена (кроме Лнкиказ и Ажляд) также известны в тюркском (в некоторых случаях монгольском) мире. Однако нас интересуют татары, которые исполняли роль «правящего рода» в Кимакском каганстве, ибо как элитарное племя они продолжали появляться на востоке Дешт-и-Кыпчака.

Например, в известной работе историка Джуджани «Табакат-и Насыри» (1259/1260) содержится информация о походе Хорезм-шаха Мухаммеда II против кыпчаков в 1218/1219 годах: «...615 года он (то есть Хорезм-шах Мухаммед II б. Текеш – Д.И.) пошел за Кадыр-ханом, сыном Юсуфа Татарского, и вошел в Туркестан, ...настолько далеко ушел, что добрался до Уйгура [Ighur] ...<и> достиг Северного полюса...» [Jouzjani: 1970. Vol. I. P. 267]. Это сообщение уже было изучено в научной литературе (см. обзор [Исхаков: 2020. № 2. С. 52–68]), и в результате мы можем предположить, что речь идет о восточных кыпчаках; эта область впоследствии будет связана с группами, которые будут называться «Каркаралинские кыпчаки», и мы можем предположить, что именно там жили этнические наследники Кимакского каганства. В этом сообщении упоминание отца Кадыр-хана сначала как «*Татарлы*», а затем как «*Йэмакле*» [Jouzjani: 1970. Vol. II. PP. 1096–1097] не является

случайным. Именно в этом регионе существовали давние связи между различными племенами (см. текст Гардизи!), и в различных источниках, описывающих эти земли, термины «татар», «йемек / кимак», «кыпчак», даже «уйгур» использовались как взаимосвязанные и взаимозаменяемые понятия. Таким образом, связь с татарами была характерна не только для указанных выше групп, но и для других, уже упомянутых племенных групп. Например, тот же Джуджани также называет «татарами» найманов [Jouzjani: 1970. Vol. I. P. 264]. Мы видим ту же ситуацию у Ибн ал-Асира [Ибн ал-Асири: 2006. С. 336, 339]. Правда, последний историк смешивает монголов с татарами, но для Джуджани такая путаница не характерна – он четко различает тюрков и монголов. Единственное, Джуджани использует понятие «татар» в широком смысле, учитывая их давний статус «правителей», как общее обозначение для всех тюрков. Действительно, найманы, являющиеся наследниками уйголов, безусловно, представляют собой группу тюркского происхождения; хотя они подверглись влиянию монголов (киданьцев, черных китайцев), они сохранили свою тюркскую идентичность. Не будем забывать – в анонимном источнике под названием «Худуд ал-‘Аlam» (982/983) татары сами также обозначаются как «тогуз – огузлар», то есть как одно из племен среди древних уйголов [Худуд ал-алам: 1979. С. 40], и этот факт уже привлекал внимание исследователей ранее [Кумеков: 1972. С. 42; Кызласов: 1975. С. 170–177]. Об этом же говорит и приведенное выше сообщение о совместном проживании татар и уйголов в Кимакском каганате.

Если мы учтем значимую роль татар в Кимакском каганстве, а также их присутствие в других соседних государствах (например, в Найманском ханстве), и то, что кыпчаки происходили от татар, связанных с кимакскими племенами (кыпчаки изначально были частью лишь западной части кимаков [Кумеков: 1972. С. 42]), то у нас есть все основания полагать, что этническая история кыпчаков, усилившихся с XI века, включает значительный татарский компонент. Об этом в свое время писал наш соотечественник, известный тюрколог А.Н. Наджип. Он, исследуя

эпизод о прибытии благородных золотоордынцев в Египет в 1262 году во времена мамлюка Бейбарса, отмечал: «...эти татарские эмиры были местными жителями кыпчакских степей, и племена, которые считались татарами, жили в Дешт-и-Кыпчак до прихода монголов» [Наджип: 1989. С. 86]. С этим выводом можно согласиться, но необходимо сделать оговорку: из-за сложного этнического (и племенного) состава кыпчаков, татарский этнический компонент следует, прежде всего, искать среди восточных кыпчаков, так как именно в их формировании основную роль сыграли кимакские группы, связанные с ними, а также некоторые другие этнические группы. Об этом стоит помнить при исследовании дастана «Ак Кубэк».

Теперь пришло время подвести итоги. Мы можем сказать, что восточные (черные) кыпчаки, жившие на берегах Иртыша и в Алтайском регионе, играли важную роль в этногенезе сибирских татар, башкир и казахов, включив в себя также «татарский» этнический компонент. Безусловно, споры о средневековых «татарах» еще не закончены, и в историографии распространено мнение о том, что древние татары, с которыми воевал Чингисхан – они занимали восточные земли Халхи и имели тесные связи с Китаем – были частью монгольского этнополитического объединения. Такое мнение также встречается в научно-популярной литературе. Например, там можно встретить утверждение, что татары «могут рассматриваться как восточный народ, произошедший от тюрков, говорящих на монгольском языке!» [Хоанг: 1997. С. 121]. Однако для наблюдения такого явления татарам требуется пройти через сильную ассимиляцию, а источники не подтверждают этого. Поэтому следует выдвинуть еще одно мнение из научной литературы – о том, что татары изначально были тюрками.

После изучения этой сложной проблемы [Исхаков: 2018в; Исхаков: 2020. №№ 1, 2], мы пришли к четкому выводу: древние татары были не только тюрками, но и кыпчаками, точнее, они находились в тесной связи с восточной (черной) частью кыпчаков, связанной с кимакскими группами. Приведем еще один факт в подтверждение это-

го: группа «хэла» (ала-ат, «пегие лошади», на китайском – «бомо»), известная с древнетюркского периода, упоминается в китайских источниках эпохи Тан как «элочки / гэлочки», однако это название также известно в русских летописях среди кыпчаков (половцев) как Улашевичи (Алашевичи) [Зуев: 1962]. Очевидно, что среди татар, ведших войны с монголами, эта же группа упоминается как алчи / алчын!

Таким образом, когда кимаки-канглы были вытеснены со своих мест в 1230–1240-х годах и попали в плен, они могли в конечном итоге стать мамлюками и добраться до Египта.

Как видно из вышеизложенного анализа, обозначение кыпчака Котяна и его сына Мангуша своего племени (дурут) кыпчаками, а клана Ак Кубэк бия – токсоба, как «татар», довольно условно, но не совсем безосновательно, поскольку источники ясно показывают существование различных этногенетических корней среди усилившимся кыпчаков XI века. А то, что дастан «Ак Кубэк» сохранился в наиболее полном виде у сибирских татар, говорит о значительной роли восточных кыпчаков в их этногенезе. Следовательно, дальнейшее изучение истории этого этнического компонента в средневековый период на берегах Иртыша и в северных районах Алтая еще только предстоит провести. Тогда этногенез татар также будет восприниматься иначе.

Глава II

Татарская история в дастане «Туляк и Сусылу» и в источниках, касающихся Старой Казани

§ 1. Основной сюжет дастана и вопрос о Туляке

Дастан «Туляк и Сусылу», распространенный среди татар и башкир, с XIX века вошел в научный оборот и был изучен достаточно как фольклорное произведение (подробнее см.: [Фахрутдинова: 2011]). Когда мы говорим о том, что этот дастан известен только среди этих двух народов, а среди других кыпчакоязычных народов он остается неизвестным, следует отметить, что его самая древняя и полная версия в письменном виде (рукопись относится к XVI веку) сохранилась только у татар (текст произведения и аналитическую информацию о нем можно найти в следующем исследовании – [Госманов: 1994. Б. 225–300]). У башкир же он существовал в более коротких формах как произведение устного народного творчества. В данном случае запись дастана, сбор различных версий, сохранившихся в письменной и устной форме, и их изучение как фольклорного произведения не входит в наши задачи. Необходимую информацию можно найти в работах М.М. Усманова и А.Р. Фахрутдиновой (Фархутдинова). Мы же, как уже упоминалось, должны найти из дастана информацию, относящуюся к национальной истории и исследовать ее в рамках исторической науки.

Для дальнейшего размышления сначала необходимо рассказать о главной сюжетной линии дастана «Туляк и Сусылу».

Туляк – это персонаж (он принадлежит к благородному роду, его происхождение мы выясним позже), который, вступив в конфликт со своими товарищами (или

«родственниками»), бежит в регион, довольно удаленный от земли «Жайык». На берегу озера он встречает Сусылу, дочь хана Чачдара, и в конце концов женится на ней, начиная жить под водой. Однако, проведя там некоторое время и тоскуя по родине, с разрешения хана Чачдара, с помощью эпической магии и волшебных даров он возвращается вместе с Сусылу на свою родину. Перед их возвращением там умирает хан, и из-за того, что народ считает Туляка султаном, его выбирают ханом. Туляк некоторое время правит как хан, а после его смерти два года правит его сын Габдулла. Дастан заканчивается следующим образом: «...После того как Туляк ушел из этого мира, гора Балкан, золотой трон, дворец, медовая река, река, текущая со всех сторон, весь народ и его имущество – все исчезло за одну ночь и пропало. И никто не знал, куда все исчезло» [Госманов: 1994. Б. 261–262]. Кто же он – главный герой дастана Туляк (еще одно его имя – Заятуләк)? Ответить на этот, казалось бы, простой вопрос, на самом деле не так легко, потому что речь идет об эпической личности, и вопрос о его происхождении в дастане не раскрывается сразу; скорее, он скрыт. С одной стороны, Туляк называет своим отцом Мирказый бия (варианты написания: Мыркас / Миркас / Миркасык / Сары-Мыркас), но с другой стороны, его отцом также упоминается легендарный хан Бачман [Исхаков: 2011. С. 119]. Однако на основании тщательного изучения различных версий дастана можно утверждать: на самом деле Бачман – независимая фигура, он не отец Туляка, а отец какого-то другого хана. Поэтому в некоторых случаях, когда он в эпосе называется «отцом» Туляка, это логически противоречит тому, что одновременно отцом Туляка также называется Мирказый би (бай). Чтобы выйти из этого противоречия, обратим внимание на слова из самой древней письменной версии дастана (XVI век): «...Был один хан по имени Бачман... У него было шестьдесят слуг... Шестьдесят первый был сын Миркасыка по имени Туляк. Туляк был принят к хану. Туляк был единственным сыном» [Госманов: 1994. С. 237]. Таким образом, Туляк оказывается бием (то есть, княжеским сыном), который был принят к хану или пришел к нему на службу.

Но это еще не все, поскольку в версиях дастана, сохранившихся среди башкир, также упоминаются несколько других личностей как отцы Туляка: *Албыр йолкыш, Миңнекеүжә карт, Самар хан* [Исхаков: 2011. С. 119]. В этом случае в устных вариантах дастана сюжеты сильно сокращены, и рассказчики могли добавлять в эпическое произведение свои элементы. Однако быстро отбрасывать приведенные выше имена нельзя, так как некоторые из них имеют глубокий смысл, о котором еще будет сказано.

В общем, можно предположить, что в дастане «Туляк и Сусылу» со временем наблюдаются некоторые изменения, особенно в отношении его древней части, связанной с ханом Бачманом. Именно эта часть, вероятно, была изменена и сокращена в дастане. На самом деле Бачман (султан) – это человек совершенно другой эпохи (XIII век), связанный с восточными кыпчаками (*кимак/йәмәк*). Именно имя его личного племени было «албыр / ольбер» (см.: [Исхаков: 2018]). Имя отца Туляка – «Албыр йолкыш», как видно из записанных среди башкир версий дастана, вероятно связано с этим древним этнонимом. Это может указывать на какое-то еще неясное для нас отношение между Туляком и ханом Бачманом.

Как бы там ни было, из дастана мы можем вывести следующую генеалогию: Туляк ← Мирказый би ← [?]. Однако важной частью этой генеалогии является поколение, пришедшее после Туляка – это его сын Габдулла, который правил ханством два года после смерти Туляка. Таким образом, перед нами на самом деле возникает трехпоколенная генеалогия: Габдулла (хан) ← Туляк (хан) ← Мирказый би ← [?].

А вот эта генеалогия действительно интересна. Почему? Потому что в историческом источнике, известном среди татар Поволжья под названием «Дәфтаре Чыңгыз-намә» (конец XVII века), упоминается личность по имени Габдулла хан, который был известен как правитель города Болгар во времена Тимура. Также в этом источнике среди 120 «олуг беков» (великих князей) четверо называются «асыл шаһزادәләр» (наследниками царского рода), и одно из имен там – «Миркаши бик» [Мирастан: 2011. С. 60]. Очевидно,

видно, что последнее имя близко к имени отца Туляка – Миркаши / Мыркас / Мирказый.

В свою очередь, имя Туляка совпадает с именем Тулукбек (также известного как Тюляк), который был назначен Мамаем в 1380 году ханом. Также известно, что в Орде Мамая был хан по имени Абдаллах [об этом подробнее см.: Исхаков: 2013]. Мы должны обратить внимание на эти факты, поскольку, как видно из «Дәфтәре Чыңгыз-намә», легендарные сыновья Габдулла хана – Алтын бек (Алтынбәк) и Галим (Алим) бек были правителями в Болгарском / Казанском вилайете до Олуг-Мухаммед хана (об этом можно подробнее узнать из нашей работы: [Исхаков: 2013]). Правда, порядок правления эпических Габдуллы и Туляка не совпадает с историческими личностями – Абдаллахом и Тулукбеком (Тюляком): в Орде Мамая Абдаллах, судя по его монетам, занимал ханский трон раньше Тулукбека, между 1361/62 и 1369/70 годами. Однако, по нашему мнению, в эпическом произведении возможны такие замены мест. Кроме того, существуют и другие данные, подтверждающие связь вышеперечисленных имен с одними и теми же людьми. Среди них наиболее важным является следующее место из недавно введенного в научный оборот произведения Утемиш-хаджи «Кара таварих»: «[Мухаммед хан, то есть Улуг-Мухаммед – Д.И.] ...добравшись в Казанский вилайет, взял его у Албай Алтун бия, и там стал ханом...» [Утемиш-хаджи: 2017. С. 155]. Другой источник, который несколько иначе и более полно передает эту информацию, это произведение Габделгафара Кырыми «Умдәт әл-әхбәр». В нем, когда речь идет об Улуг-Мухаммеде, говорится: «...он также взял Казань с помощью хитрости у Шибанида Алтунай-султана...» [Кырыми: 2014. С. 112]. Очевидно, что «Албай» и «Алтун бай» в произведении Утемиш-хаджи – это две разные личности. Первый из них, вероятно, соответствует известному по татарским источникам Али / Гали бию (беку) (Албай → Али / Гали бий). Он также упоминается в некоторых русских источниках как «Либей», «Али-Баба». Второй же оказывается султаном по имени Алтынай (Алтынбай), происходящим из рода Шибанидов. Таким образом, Алтын бек и Галим бек, указанные как «сыновья» Габдулла

хана в «Дәфтәре Чыңғыз-намә», не только разные личности, но и люди с разным статусом – Алтынай (Алтынбай → Алтынай) является султаном, ханским потомком из рода Габдуллы, тогда как Галим (Алим, Али) – бек, то есть человек с княжеским титулом, и он должен быть из другого рода. А из какого же рода этот последний персонаж?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам потребуется провести ряд исследований, однако при этом не следует забывать, что в некоторых русских летописях этот персонаж называется «казанским вотчичем» [ПСРЛ: 1859. Т. 8: С. 114]. Это означает, что в данном случае Али / Гали / Галим бек обозначается как «Казанский князь», правитель, который передавал свои полномочия из поколения в поколение в Казанском / Болгарском вилайете. Однако он не единственный, кто владел этой территорией – здесь также упоминается султан, происходящий из рода Шибанидов. Факт, подтверждающий это, относится к 1429 году. В русских летописях именно в этом году сообщается о нападении татар на города Галич и Кострома и о том, что они были преследуемы русскими войсками; в связи с этим приводится такая фраза: «...полон отняша, а царевича и князя Али-Бабы не догониша» [ПСРЛ: 1963. Т. 28. С. 98]. Историки уже писали о том, что эти татары происходили из Казанского (Болгарского) вилайета [Горский: 2000. С. 142; Бахтин: 2008. С. 124–125]. Кроме того, следует отметить, что «царевич», то есть султан – это Алтынай, а Али-Баба (точнее, вероятно, Али би/бий) в данном случае оказывается Гали / Галим / Алим беком. На самом деле оба этих персонажа также упоминаются в связи с общением Ивана IV с ногайским мурзой Урусом (1576 год). Там есть следующая фраза: «...и Алибаев, и Алтын б[а]е[в] [юрт] Болгарской» [Посольская: 2003. С. 47]. Московский историк В.В. Трепавлов, обративший внимание на этот документ, указал, что в данном случае мы сталкиваемся с именами «первых правителей» одной из частей Казанского ханства. Он также предложил увязать указанные два «эпонима» с «сыновьями» легендарного Габдулла хана [Посольская: 2003. С. 82].

Таким образом, в определенной степени через упомянутые личности мы приходим к территории Болгара / Ка-

зани. И эта территория в дастане не возникает на пустом месте, потому что произведение «Туляк и Сусылу» также предоставляет нам дополнительные доказательства для такого вывода, но они не лежат на поверхности. Давайте сначала перечислим их.

Первое заметное упоминание – это топоним «Моркваши», который появляется в некоторых русских летописях в 1374 году недалеко от города Болгар [ПСРЛ: 2006. Т. 15. С. 106]. Этот топоним близок не только к имени Миркаши бека, упомянутого ранее, но и к имени Мирказый / Миркасык/Мыркас, которое отражено в дастане «Туляки Сусылу». В «Дәфтәре Чыңгыз-намә», как уже говорилось, Миркаши бек называется одним из четырех шахзаде и представляется как правитель территории с центром в городе Болгаре, где правил Габдулла хан. Таким образом, здесь подразумевается Болгарский вилайет Золотой Орды.

Кроме того, в некоторых вариантах башкирской версии эпоса «Туляк и Сусылу» упоминаются два брата, которые, вероятно, называются «братьями» Туляка (Заятуляка). Имя одного из этих двух персонажей – Алтын бай, а другого – Етем (Ете) бай [Исхаков: 2011. С. 123]. Первое имя не раскрывает связи с ханом, правившим в Болгаре, но совпадает с именем Алтун бай/Алтунай султана, который упоминается в произведениях Утемиш-хаджи и Габделгафара Кырыми как находившийся на территории Болгара/Казани. В этом контексте стоит обратить внимание на одну личность, упомянутую в некоторых татарских родословных. Эта личность связана с «городом Болгар», и что наиболее важно, в некоторых версиях этой родословной первым поколением указан Габдулла хан, «выходец из Крыма» [Эхмәтҗанов: 1995. Б. 35]. Этот сюжет будет проанализирован отдельно позже, но уже сказанное позволяет связать Туляка и Габдуллу с территорией Болгара / Казани. Теперь нам необходимо более подробно исследовать родословную Туляка и его сына Габдуллы. На этот раз требуется выяснить их племя/род, поскольку для средневековых тюрков это было очень важным показателем. На самом деле информация, сохранившаяся в дастане и некоторых других источниках, предоставляет нам такую возможность.

Первый «след» можно проследить через «птицу» Туляка. Из дастана видно, что у Туляка было два вида птиц, используемых в средние века для охоты: в одной версии он называется «белым соколом» (*ак шоңкар*), в другой – «белой совой» (*ак йапалак*). При исследовании этого вопроса выяснилось, что настоящей птицей Туляка является сокол / белый сокол, а его второй птицей в дастане является ястреб (эта птица встречается только в эпических вариантах, записанных на башкирском языке) и появляется в дастане только благодаря тому, что один из его братьев тайно называет птенца этой птицы «белый ястребенок». На самом деле, когда он вырастает, он все равно оказывается белым соколом [Исхаков: 2011. С. 120]. Хотя в дастане эта птица описывается как охотничья, можно также уловить ее другую сторону.

Как известно, согласно древней тюрко-монгольской традиции, различные птицы входили в атрибуты племени и рода и играли важную идеологическую роль как онгон / сульде – дух племени (поскольку считалось, что они поднимают души умерших людей на небеса). Это подтверждается следующим местом, приведенным в дастане: когда Туляк вместе с Сусылу переносится к «великому городу», говорится о том, что над горой Балкан летает белый сокол, и это эпическое произведение называет его «миңезлик кош» [Госманов: 1994. Б. 258; Исхаков: 2011. С. 120]. На наш взгляд, значение этого слова подразумевает «похожий на эту птицу (сокола)», указывая на то, что он является белым соколом. Более того, у этого белого сокола, исполняющего роль онгона (сульде), также проявляется еще одна функция: понятие «менгэ», которое использовалось как диалектальное слово у татар, также употреблялось в значении «деньги, монета» [Татарский язык: 2009. С. 477]. Таким образом, открывается связь белого сокола и денег. В этой связи вспоминается изображение двуглавой птицы на монетах Золотой Орды времен ханов Узбека и Джанибека. Какой же это был сокол?

Согласно «Дәфтаре Чыңғыз-намә» и некоторым монгольским источникам, шонкар, точнее, белый шонкар, был птицей племени Кыйат и его сульде / онгоном. Поскольку

это племя было личным племенем рода Чингисхана (он происходил из бурдигинского рода племени Кыйат), эта птица оказывается также птицей рода Чингисидов. В изученных нами монгольских источниках («Тайная история», «Алтан Тобчи») этот факт явно прослеживается – белый шонкар там изображается как хранитель и дух племени Кыйат [Исхаков: 2011. С. 121]. Верно, что в «Дэфтэрэ Чыңғыз-намэ» птица Чингисхана называется «двуглавым каракошем» [Ivanics, Usmanov: 2002. Р. 59]. У этого определения есть свои причины, которые мы исследовали в другой работе [Исхаков: 2007б]. В данном случае можно лишь отметить, что двуглавость символической птицы и изменение ее имени, вероятно, связано с возвышением рода Чингисхана как «Золотого рода»/«Алтын урук» над другими племенами. Однако мы можем сделать вывод: в древние времена белый шонкар был птицей племени Кыйат. Это племя также существовало как отдельная социальная единица в Золотой Орде и, безусловно, занимало там высокое положение [Исхаков, Измайлова: 2007. С. 150–151].

Таким образом, возникает связь между Туляком и его родом с племенем Кыйат. Хотя они и не происходят напрямую от рода Чингисхана, оказывается, что род Туляка находится среди тех, кто вышел из племени основателя Великой Монгольской империи. Возможно, у них также была древняя родственная связь с Чингисханом, но это пока невозможно установить.

Для подтверждения этой гипотезы можно привести еще одно доказательство. Например, в татарском источнике под названием «Фи бейан-тарих» тамга Алтын-бека (*аверна*) и его изображение (рис.1) совпадает с тамгой Буданжар бека из племени Кыйат, упомянутом в «Дэфтэрэ Чыңғыз-намэ» [Мустакимов: 2008. С. 155–156]. Если рассматривать эти племенные знаки как принадлежащие роду Габдуллы хана в целом, можно указать еще один источник, подтверждающий данное мнение. Как уже упоминалось ранее, родословная личности, вышедшей из «шахри Болгар» и относящейся к «Улус бию, из биев Чингизхана», в некоторых вариантах начинается не только с «Габдуллы хана из Крыма», но также совпадает с племенем Кыйат по двум

Рис.1

признакам – тамге и дереву (*карагай*). Да, птица не совпадает – в родословной она называется «*күчәгән*». Возможно, в родословную попали атрибуты племени со стороны жены. Однако нам следует обратить внимание на такие строки в «Фи бейан-тарих»: «...Алтын бик, Галим бик оругларындын Кырымда hөм бар ирмеш. Ул сөбәбдин hөр заман хан кирәк булса, Кырымдын хан алырлар ирмеш Казанга». [Мустакимов: 2008. С. 155]. Перевод: «...из родов Алтын бека, Галим бека есть в Крыму. Из-за этого, в любое время, когда был нужен хан, в Казань хана брали из Крыма».

§ 2. Социальный статус Туляка

Однако в дастане существуют некоторые противоречия относительно реального социального статуса Туляка и его связи с племенем Кыйат. Действительно, в эпоху Золотой Орды трон могли занимать только Чингизиды. Хотя их предки когда-то происходили из племени Кыйат, из-за того, что они от других племен уже давно отделились как «Алтын урук», представители племени, такие как беки (нойоны) Кыйата, не могли быть социально равны Чингизидам. Поэтому необходимо вернуться к вопросу о социальном статусе Туляка в дастане и пересмотреть его, поскольку требуется объяснить внутренние противоречия в этом эпическом произведении.

Действительно, с одной стороны, как уже упоминалось, в дастане титул отца Туляка Мирказыя обозначается как би/бий. Естественно, Туляк, будучи сыном бия, также должен был находиться в таком же статусе. Однако, как говорится в эпосе, когда он возвращается на свою родину («великий город»), его встречают как «сына султана» и поднимают на трон как хана. Кроме того, в дастане также упоминается связь Туляка с Бачман ханом, хотя и неустойчиво. Правда после трех лет правления его истинная сущность раскрывается, и становится известно, что он из рода биеv, поскольку на вопрос о его происхождении Туляк сам отвечает в дастане: «Менем атым Туляк торып. Атам аты Миркас би... Мән сезнең үз нәслеңездән, мән йәнә үз угылызмән». Перевод: «Меня зовут Туляк. Имя отца – Миркас би. Я из вашего рода, я ваш сын».

Такое же явление наблюдается и в версиях дастана, сохранившихся в устной традиции и распространенных среди башкир. В одном случае там отец Туляка обозначается как «хан», а он сам называется «хан угълы» / сын хана или как «шах». В другом случае его благородное происхождение отрицается, и отец называется лишь «йолкыш»/нищий или «карт»/старик. Однако при просмотре всех вариантов дастана становится очевидным, что, вероятно, титул правителя рода тюркского юрта под именем Бачман хан смешивается с титулом отца Туляка Мирказый бия. Как уже упоминалось, такое изменение можно увидеть и в тексте сохранившегося древнего манускрипта «Туляк и Сусылу» – там Туляк сначала объявляется «сыном Бачман хана», а затем называется «сыном Мирказый бия». Упоминается также о том, что он был взят на службу (или воспитание) к хану как единственный ребенок.

Напрашивается интересный вывод: Туляк, хотя и из рода биеv, то есть из семьи с княжеским статусом, оказывается в довольно специфических условиях – после смерти прежнего хана, когда искали наследника на трон, его не распознали и приняли за султана, и таким образом он был поднят на трон в «великом городе» как хан, и не только это – он смог оставить этот трон своему сыну даже после того, как его истинная сущность раскрывается.

Из-за такого запутанного положения для понимания социального статуса Туляка нам нужно рассмотреть еще одну сюжетную линию в дастане «Туляк и Сусылу».

Теперь, как мы видели, после Туляка на ханский трон поднимается Габдулла. Среди чудесных вещей, оставшихся от его отца, есть и «золотой трон». Этот трон в эпосе появляется следующим образом: когда Туляк, живя в дворце Сусылу на территории хана Чачдара, обращается к Тенгри, скучая по родной земле, внезапно перед дворцом появляется золотой трон. Вот его описание: «...золотой трон стоит перед дворцом, восьмиугольный, с четырьмя сторонами, окруженный железом [один] трон возвышается и создает тень (укрытие – Д.И.). Он покрыт золотом, а его верхушка покрыта белым мрамором (жемчугом). Четыре стороны обрамлены деревьями...» [Гос-

манов: 1994. Б. 250]. Увидев трон и взобравшись на него, Туляк говорит:

*Алтын тәхет урнаткан,
Көмешдин айак йараткан,
Тәхет – бәхет тұратқан...*

«Золотой трон установлен,
Из серебра сделаны ноги,
Трон – дарующий счастье...» [Там же].

Вот этот «золотой трон» – а он был не просто троном, и мы это поймем позже – когда Туляк обращается к Тенгри с просьбой перенести его и Сусылу в родные края (напоминаю, это происходит во время его пребывания на территории подводного царства Чачдара), они вместе с ним были перенесены к «великому городу» и к горе Балкан, на которой он стоял. Как известно, такая гора существует и сейчас в Башкортостане, рядом с большим озером, называемым «Асылы құл», в районе Давлекана. Согласно легендарным данным, Туляк и Сусылу были похоронены на этой горе, и когда-то там была надгробная плита с именем Туляка [Башкирское народное творчество: 1998. С. 184]. Когда Туляк приходит на территорию подводного царства Чачдара и отвечает на вопрос о своей «земле и воде», он говорит: «Моя родина – Балкантау, вода, которую я пью – Дим. Многие другие реки подчиняются Диму и Балкану», – говорит он. На самом деле, территория правления Туляка не ограничивается только этим местом, она простирается и на другие земли.

Из дастана видно, что спустя долгое время, когда Туляк возвращается на территорию «великого города», называемую «юртом моего отца» – именно в момент его возвращения там умирает прежний падишах/хан, и весь народ, великие бии, визири и знатные люди (*әкәбирлар*), как уже упоминалось ранее, признают его «сыном султана» и поднимают на ханский трон. В это время в той области еще были живы отец Туляка, и его мать, но его отец Миркасби говорит своей жене о том, что тот человек, который

поднялся на ханский трон, «похож на нашего пропавшего сына», однако подчеркивает невозможность этого: «Эй, жена, где же будет это ханство нашего пропавшего сына?» [Госманов: 1994. Б. 260]. Несмотря на это, Туляк занимает ханский трон в этой области в течение трех лет и часто поднимается на гору Балкан, садится на свой золотой трон, собирает народ, играет на домбре и угождает всех людей, развлекая их.

Возникает вопрос: почему здесь появляется сооружение, называемое «золотой трон», и какое отношение оно имеет к территории, где жили родители Туляка? В поисках ответа на этот вопрос, мы можем предположить, что эта территория могла быть Болгарским вилайетом. Для этого нам снова нужно обратиться к историческому источнику под названием «Фи бейан-и тарих». В этом источнике описывается эпизод, в котором Габдулла хан рассказывает о переезде своих «сыновей», уже знакомых нам Алтынбека и Галим бека, из Болгара в Старую Казань, и еще там говорится следующее: «...Выйдя из золотого трона, они прибыли в Старую Казань. Говорят, что золотой трон – это город Болгар» [Мустакимов: 2008. С. 155].

Таким образом, «золотой трон» связан с «великим городом», который относится к Болгарскому вилайету. А термин «великий город» соответствует по названию до-монгольскому городу Биляр, который упоминается в русских летописях до монгольского завоевания (слово «би» означает «великий»/«олуг»). То есть можно сделать вывод, что в дастане речь идет о Волжской Булгарии до монголов и о Болгарском вилайете периода Золотой Орды.

Не противоречит ли такая последовательность событий принципам восхождения на трон в Золотой Орде? Да, противоречит, поскольку там только потомки Чингисхана могли занимать трон. Таким образом, должно быть какое-то разрешение возникшего противоречия в содержании этого дастана. И оно действительно существует, но, прежде чем разгадать эту загадку, нам нужно рассмотреть некоторые особенности восхождения на трон эпических героев – Туляка и его сына Габдуллы, а также исторических их предшественников – Тулукбека и Абдаллаха, которые

были возведены на ханский трон в Мамаевой Орде (об этом детальнее можно узнать из наших ранее опубликованных работ [Исхаков: 2009; 2013]).

Как известно, Мамай был главой тумена и беем племени кыйат (его основная территория – Крым), а также зятем Бирдебека, сидевшего на ханском троне в Золотой Орде перед эпохой «великой замятни» (1357–1359) (по старой монгольской традиции Мамая называли «гурген», что придавало ему высокий статус). Этот Бирдебек хан перед тем, как прийти к власти в 1357 году, убил своих 12 братьев (все они были из рода Узбек-хана). Поэтому после Бирдебека точные родословные Кульны (Кульпы) и Навруза, которые вскоре заняли трон Золотой Орды, неизвестны. Также существуют противоречивые мнения о правившем затем хане Килдебеке, которого даже называют «ложным Килдебеком» (это связано с тем, что он якобы был сыном покойного хана Джанибека).

После того как личности из неизвестного рода заняли трон в Сарае и начались большие споры за власть в Золотой Орде, Мамай, воспользовавшись своим статусом гургена, возвел Абдаллаха в 1361/62 году на трон. В некоторых арабских источниках его также показывают как потомка Узбек-хана, но для этого нет никаких конкретных доказательств. Он оставался ханом до 1369/70 года. Затем в Мамаевой Орде в 1370 году ханом становится Мамат султан (Мухаммед-Буляк) (сидел на троне до 1375/76 года). А с марта 1377 года до 1380 года ханский трон Мамаевой Орды занимает знакомый нам Тулукбек (Тюляк). Также стоит отметить, что между 1370 и 1377 годами (возможно, и в другие годы, но точной информации об этом нет) Болгарский вилайет также относился к владениям Мамая. Нам следует помнить эти факты.

Далее еще один важный нюанс: в 1380 году Тулукбек в своем ярлыке признает Мамая своим «старшим братом» [Исхаков: 2013. С. 43]. Однако Мамай, хотя и является личностью благородного рода, не принадлежал к Чингизидам, а просто был беком племени кыйат. Если мы сопоставим Тулукбека (Тюляка) с эпическим Туляком, то перед нами предстанут личности, происходящие из нескольких поколений племени кыйат и бекской династии, сидящие

на троне в Мамаевой Орде, которая была частью распадающейся Золотой Орды. Интересно, что это «tronное место» в какой-то момент могло находиться и в Болгаре. Действительно, кочующие татары на самом деле перемещались туда, где находилась Орда, а члены двора, особенно когда город Сарай оказался под контролем соперников Мамая, могли жить в городе Болгар.

Известно, что возвведение Туляка и Габдуллы на трон «великого города» происходило в чрезвычайных условиях: после Бирдебека массовое уничтожение Чингизидов привело к тому, что представители этого благородного рода стали «дефицитом». Действительно, с наступлением эпохи Тохтамыша на троне Саarya начинают появляться представители других ветвей Чингизидов.

Теперь, исходя из сказанного, у нас появляется возможность вернуться к дастану «Туляк и Сусылу» и восстановить ранее неизвестные аспекты национальной истории, скрытые в его содержании.

Первый вопрос: что же такое «золотой трон», упомянутый в дастане? Изучение этого вопроса показало, что он является символом власти, который восходит к временам Чингисхана или даже ранее. В Золотой Орде действительно существовал такой трон, однако его обозначение как «золотого» не сохранилось в источниках прямо. Тем не менее из записок Ибн Баттуты известно, что был трон, покрытый позолоченным серебром и находившийся в «золотом шатре». Арабский путешественник упоминает о том, что его ножки были сделаны из серебра, а верхняя часть украшена драгоценными камнями [Золотая Орда: 2003. Т. 1. С. 132–133]. В свою очередь, подобный золотой шатер и покрытый золотом трон также существовали в Великой Монгольской империи [Исхаков: 2014. С. 185–186]. Если сравнить описание трона из записок Ибн Баттуты с описанием в дастане (ножки из серебра, а верхняя часть трона – из перламутра/жемчуга), то можно удивиться их сходству! Возможно, автор (авторы) дастана «Туляк и Сусылу» видели этот трон.

Еще один важный элемент: в «Дафтәре Чыңғыз-нама» говорится о том, что при Габдулле, правителе части Золотой Орды, находившейся под контролем Мамая, имелись

четыре «великого бека/шахзаде» [Мирастан: 2011. Б. 60]. А как видно из дастана «Туляк и Сусылу», рядом с Туляком также есть «великие беки», которые участвуют в его возвождении на трон. Однако сначала собираются «великие люди города», чтобы обсудить этот вопрос, и только потом к Туляку идут «великие визири и старейшины», которые именно ему предлагаю трон [Госманов: 1994. Б. 260]. На самом деле в последнем случае описывается традиционный ритуал возвождения хана на трон Золотой Орды. Хотя механизм этого процесса не полностью раскрыт – на трон в этом государстве хана поднимали четыре карачи бека – дастан действительно об этом говорит. Это подтверждается следующими строками из дастана: по словам «великих» города, решается вопрос о том, что «из ханских потомков не осталось ни сына, ни дочери» – если «к утреннему времени любой, кто придет», будет поднят на ханство... [,] теперь мы (Туляка – Д.И.) поднимем на трон», – говорится в этом эпическом произведении [Госманов: 1994. Б. 258]. Здесь слова «поднять на трон» говорят о традиционном обряде – в Золотой Орде действительно хана поднимали на белом войлоке четыре карачи бека держа его со всех четырех углов, чтобы возвести на трон (об этом см.: [Исхаков: 2011. С. 124]).

А в дастане говорится, что Туляк жил, садясь на «золотой трон» и организуя праздники для народа, что является еще одним важным показателем его истинного правления. Также стоит обратить внимание на следующий момент: после Туляка два года будучи ханом, Габдулла «покинул этот мир», и его золотой трон исчез, что указывает на начало распада того государства, которым он управлял.

Еще одна историческая деталь: хотя Туляк взошел на ханство в связи с «великим городом», иногда он поднимался на гору Балкан и развлекался там вместе со всем народом [Госманов: 1998. Б. 260]. Эти выезды на природу с пением, танцами, едой и жертвоприношениями, вероятно, являются элементами кочевой жизни. То есть народ Туляка еще продолжал выходить на летние пастбища. Описание форм жизни Золотой Орды во второй половине XIV – начале XV века соответствует этому.

В заключение стоит отметить, что необходимо отдельно поговорить о представителях племени кыйят, которые были правителями на территории Болгарского вилайета (по крайней мере, сейчас можно проследить три их поколения: Мирказый бий → Туляк хан → Габдулла хан). Легендарные Алтынай (Алтынбай) султан и Галим бек (последний – как «казанский вотчич»), как уже было сказано, возможно, не были непосредственно родственными людьми, но между ними есть еще не раскрытая связь. Для этого необходимо проанализировать сохранившиеся исторические предания и письменные источники. Эта работа будет выполнена в следующей части нашего исследования.

§ 3. Вопрос о переселении из Болгары в Старую Казань в дастанах и исторических преданиях, летописях

В дастане «Туляк и Сусылу» события заканчиваются смертью Габдуллы б. Туляка, однако в этом эпическом произведении, охватывающем короткий промежуток времени (два года), не говорится о том, как именно этот хан, правивший в Болгаре, ушел из жизни. Тем не менее, среди татар сохранилось множество преданий и легенд о Габдулле хане, который был легендарным правителем Болгары во время нападений Тамерлана на земли Золотой Орды (а они произошли дважды – в 1391 и 1395–1396 годах). Некоторые из этих преданий нашли отражение в письменных источниках (например, в произведении «Дәфтаре Чыңғыз-намә»), хотя они еще не были систематически и полностью исследованы (в данной области существуют всего несколько основных аналитических работ: [Шпилевский: 2012; Атласи: 1992; Фахрутдинов: 1984. С. 153–166; Мустакимов: 2008; 2009б; Исхаков: 2013б].

Уже стало понятно, что Габдулла хан, который появляется только в конце исследуемого дастана, является важной политической фигурой, соединяющей Болгарский вилайет с Казанским ханством. Однако при переходе от дастана к истории мы сталкиваемся с множеством противоречий относительно его личности. Часть из них уже рассмотрена, но есть и те, которые остались без внимания. Например, возникает такая проблема: если исторический Абдаллах правил в Орде Мамая в период с 1361/62 по 1369/70 годы (даты его монет подтверждают это), как он мог находиться на троне в Болгаре, который был политическим центром

Болгарского вилайета во времена Тамерлана, то есть через тридцать лет? Как можно согласовать его двухлетнее правление по дастану с историческими данными? Вообще, действительно ли он сидел на «золотом троне» как хан, или его реальный статус был другим? Кроме того, как уже упоминалось, если Габдулла б. Туляк согласно дастану правил после своего отца, то исторический Туляк занимает трон в Орде Мамая после Абдаллаха, и между ними проходит 15–16 лет (Туляк или Тулякбек был ханом в 1377–1380 годах (подробности см.: [Исхаков: 2013б]). Более того, после Абдаллаха в Орде Мамая на троне оказывается еще одна личность – Мухаммед-Буляк (в период с 1369/70 по 1376/1377 годы) [Исхаков: 2013б. С. 38].

Найти ответы на поставленные вопросы непросто, поскольку исторических данных о Болгарском вилайете, который был частью Золотой Орды, во второй половине XIV века – начале XV века крайне мало. Тем не менее, утверждать, что их совсем нет, нельзя, и в некоторых наших предыдущих работах нами был проведен их анализ (см.: [Исхаков: 1999; 2000-а; 2000-б; 2005; 2006; 2009-б; в; г; 2010-а; 2010-б]). При поиске ответов на вышеупомянутые вопросы мы можем использовать наблюдения и выводы из этих работ.

Первый вопрос касается места Болгарского вилайета внутри Золотой Орды и связанных с этим особенностей его управления. Как известно, до 1370 года нет четкой информации о том, как управлялись эти земли после присоединения к Улусу Джучи (исследование существующих данных см.: [Фахрутдинов: 1984]). Однако для рассматриваемого периода в русских источниках (в основном в летописях) имеется важная информация о данном регионе (которую частично также исследовал Х. Атласи [Атласи: 1993]). Мы обратим на них внимание далее, поскольку без понимания политической функции таких знакомых нам фигур, как Туляк и Габдулла (особенно после Габдуллы) в Болгарском вилайете (Алтынбек, Галим бек), невозможно полностью понять их роль в этом контексте.

При описании политических событий в Болгарском вилайете в 1370 и 1376 годах русские летописи указыва-

ют на наличие «Болгарского князя» и лиц с титулом «султан», сидящих в Болгаре. Затем, в событиях, относящихся к 1398/1399, 1408, 1410–1411 и 1429 годам, также видно, что здесь действительно находились управлятели с титулами «князь»/бек, би, а также царевичи/«султаны», то есть лица из рода Чингизидов. Более того, в 1429 году там вместе с известным нам «князем Али Баба» действовал также «царевич» (то есть «султан»), который, по всей вероятности, принадлежал к роду Шибанидов. Также на основании информации, относящейся к 1428/1429 году, известно, что Болгарский вилайет тогда непосредственно подчинялся хану Абул-Хайру из Шибанидов (хану кочевого Узбекского государства, политический центр которого первоначально находился в городе Чимги-Тура) (подробности см.: [Исхаков: 2013б]).

Здесь стоит напомнить, что Абдулгаффар Кырыми в своем труде «Умдәт үл-әхбар», описывая приход Улуг-Мухаммада хана в Казань и его «хитрое» завоевание этого города, отмечает, что он получил его от «султана Алтынай из рода Шибана». В отличие от Утемиш-хаджи, который ранее писал об этом эпизоде (в XVI веке), Кырыми конкретизирует, что этот султан происходил из Шибанидов [Кырыми: 2014. Кн. 1. С. 126; Кырыми: 2018. Кн. 2. С. 84]. Напоминаю, что в труде Утемиш-хаджи также упоминаются две личности с казанской стороны, поскольку, согласно его рассказу, Улуг-Мухаммад хан «забрал Казанский вилайет... у Албая (то есть Али / Гали бека – Д.И.) [и] Алтун бека» (это безусловно, Алтынай султан – Д.И.) [Утемиш-хаджи: 2017. С. 80, 155]. Эти сведения еще раз подтверждают наличие Шибанидов в Болгарском / Казанском вилайете. Им следует уделить особое внимание, поскольку в связи с Шибанидами мы можем также найти следы племени кыйят в этом регионе.

У Шибанидов в Болгарском вилайете имелась длинная история, и некоторые её фрагменты можно восстановить с помощью различных источников. Например, в труде татарского историка Х. Амирханова «Таварих-е Булгарија» (1883) приводится отрывок из работы известного турецкого учёного и историка Кятиба Челеби «Джихан-наме»: «...

Упомянутый народ (речь идет о болгарах – Д.И.) управлялся Шайбаном б. Джучи б. Чингизом и ханом Кишилу» [Амирханов: 2010. С. 39]. Имя «хан Кишилу» в истории не известно и, вероятно, является несколько искажённым. Однако он и Шибан упоминаются и в другом источнике. Речь идет о статье казанского учёного А. Кавелина (XIX век), который, изучая Болгарское городище, записал одно из преданий о Тамерлане (или привёл имеющийся у него текст), где были такие строки: «Абдуллах-хан, владеющий городом Болгаром», [происходил] «от поколения хана Джужи, сыновей его Байярки (вероятно, Берке – Д.И.), ханов Шибана (то есть Шибан также упоминается – Д.И.) и Кашела». Также упоминается: «Шабан и хан Кашела управляли болгарским народом после их брата Боярки-хана» [Кавелин: 1847. С. 57]. Анализируя это место, следует помнить, что Берке (1209–1266) – третий сын Джучи, а Шибан – пятый. Следовательно, он был младше Берке. Таким образом, предание исторически передаёт правильную информацию. Очевидно, Шибан несколько раз упоминается в исторических источниках в связи с «народом» Болгарского вилайета. Это не случайно.

Действительно, во время «Западных походов» Монгольской империи (1235–1242 годы) при обсуждении завоевания Болгарского государства (осень 1236 года) упоминаются как Джучи, так и Бурултай богатырь, занимавший важное место в монгольском войске. Последний был темником и командовал 10-тысячным войском племени кыйат [Исхаков: 2009в. С. 25]. Если мы обратим внимание на одно сообщение Абдулгахфара Кырыми, он указывает Бурултай бека (нойона) как родича Шибана [Кырыми: 2014. Кн. 1. 63 б.]. Это означает, что племя кыйат с самого начала было, скорее всего, связано с этой личностью и должно было принадлежать к его владениям. То есть, если верно, что Шибан владел землями Болгарского государства, то связанные с ним кыйаты также могли оставаться рядом. Следовательно, можно предположить, что Шибаниды оставались в Болгарском вилайте с XIII века вместе с подчиненными им племенами. Но не ясно, полностью ли этот регион находился под их контролем. Проанализированные источники

(см.: [Исхаков: 2013б]) приводят к выводу, что Шибаниды больше контролировали восточные районы бывшего Болгарского государства (включая город Биляр). Говоря о том, что Биляр находился под их контролем, не забудем: в эпосе «Туляк и Сусылу» герой называет политический центр своей родины «великим городом», а под этим именем, как уже упоминалось, можно подразумевать город Биляр. Почему Шибаниды остались там, а не в Болгаре? Потому что древняя столица Болгарского государства находилась там, а известный во времена Золотой Орды город Болгар стал крупным городом и был ее ранней столицей, лишь позже и превратился в новый политический центр.

Хотя вышеизложенные выводы могут быть несколько гипотетическими, подобные мнения высказывались и другими учеными в различных хронологических рамках (например, для конца XIV века) [Мустакимов: 2009]. Основываясь на этом, мы можем высказать идеи о Габдулла-хане и его политических наследниках Алтынбеке (Алтынае) и Галиме беке, о которых ранее не было написано с достаточной точностью (более подробно о этих личностях можно ознакомиться в предыдущих исторических трудах: [Фахрутдинов: 1984; Мустакимов: 2009а]). Из-за этого нам придется обратиться к историческим преданиям, сохранившимся у татар.

Эти уникальные источники, начиная с XIX века, много-кратно публиковались (часто переводились и на русский язык), однако комплексное исследование их в контексте интересующих нас вопросов до сих пор не проводилось (можно ознакомиться с историографией проблемы: [Фахрутдинов: 1984]). Поэтому для дальнейших размышлений необходимо сначала собрать все версии преданий и легенд по данной теме, чтобы выявить историческое их «ядро», то есть общую (инвариантную) информационную основу, характерную для источников. В первую очередь, следует обратиться к информации о Габдулла-хане и его наследниках, опубликованной в томе «Риваятълэр һәм легендалар» серии «Татар халык иҗаты». Однако нельзя ограничиваться только ими, так как некоторые важные легендарные сведения, относящиеся к исследуемой теме, не были

включены в указанное произведение или были упущены при обобщении различных версий исторических преданий, которые не интересовали фольклористов. Теперь нам нужно восстановить такие места. Я думаю, в итоге будет яснее, почему эта работа должна быть выполнена.

Начнем анализ с дастана «Янмый турган кыз»/«Несгораемая девушка». Однако перед тем, как приступить к этому произведению, необходимо сделать одно замечание. Казанский ученый А. Кавелин указал, что у него есть перевод этого эпического произведения на русский язык, выполненный И. Хальфиным, который содержит лишь сокращенную часть текста (см.: [Кавелин: 1847. С. 55, 58]). К сожалению, оригинал дастана (который А. Кавелин называет «повестью», «татарской легендой») не сохранился, а опубликованная версия на татарском языке [Татар халык иҗаты: 1987. Б. 35–36] является лишь обратным переводом с русскоязычного варианта, причем с сокращениями и пропущенными сюжетами (см.: [Там же]). Поэтому из работы А. Кавелина приведем основной фрагмент из дастана (он указывает его полное название как «О несгораемой прекрасной болгарской царевне и двух ее братьях, воспитанных в лесу»): «...у хана (речь идет об Абдаллах хане – Д.И.) было три сына: двое из них [упомянуты выше] (имена Галым-бек и Алтун-бек – Д.И.) и третий Шеуне-бек (младший). Эти дети воспитывались вместе в одной школе с детьми Тамерлана, но после покорения им города Болгара двое были скрыты, а последнего Тамерлан забрал к себе с его сестрой в Самарканд, где он находился при нем, а после его смерти – при дворе его сына, в числе служителей...» [Кавелин: 1847. С. 58]. Кроме того, автор приводит еще два фрагмента из того же дастана: 1) «...Одна из дочерей хана (имеется в виду Абдаллах – Д.И.) спаслась ...обернувшись в белую одежду муллы Хисаметдина (почитавшегося тогда за святого), чья гробница находилась под одной палатой на ханском кладбище, близ минарета (в Болгаре – Д.И.)... 2) Тамерлан ...взял ее и брата ее с собой. После смерти Тамерлана они находились на службе у его сына (далее рассказывается об ошибке Шеуне-бека во дворце хана и о том, как хан хотел его казнить) ... <в то время> ... их учи-

тель уговорил хана, и Шеуне-бек был прощен... Впоследствии Шеуне-бек пришел с сестрой в болгарский город Кошан ...работал там учителем..., узнав, что братья основали новый город Казань, где и царствуют, отправился к ним на жительство. Сестра... [вышла] замуж за полководца брата Мулла-Хозятаза и Софин-харака [который] вместе с Алтун-беком стал основателем Казани, где и умер. Могилу в Эски-Казани легенда называет могилой этого муллы, почитаемого за святого, а могилу сестры [Алтун-бека и Галым-бека]... [указывают] [в] русской деревне Айши.... По истечении... времени Шеуне-бек удалился из Казани в Болгар, где был с радостью принят народом и стал ханом под именем Шадибека. Здесь заканчивается предание» [Кавелин: 1847. С. 58–59].

Таким образом, в этом дастане, переведенном И. Хальфинным на русский язык и представленном А. Кавелину, появляются как знакомые нам, так и некоторые новые персонажи. Абдаллах хан, его три «сына» – Галим (Галым) бек, Алтун бек и младший брат Шеуне бек, а также их не названная сестра. На самом деле, имя последней тоже можно восстановить, так как вышеупомянутая «болгарская царевна» известна в народе как похороненная «в могиле Гайша бики», а близлежащая к месту захоронения деревня в некоторых татарских источниках называется «деревня Гайша бики» [Фахрутдинов: 1984. С. 155]. Следовательно, Шеуне бек и его сестра Гайша (Айша) бике – «болгарская ханбике (царевна)» – попадают в руки Аксак-Тимура и согласно дастану доставляются в Самарканд, который был столицей государства Аксак-Тимура. После того, как они некоторое время прожили под властью его наследника (имя не упоминается), их после смерти Аксак-Тимура возвращают на родину. Вернувшись, они сначала живут в «болгарском городе» «Кошан», затем приходят в «новый город», то есть в Старую Казань, который управлялся их братом. Здесь Гайша бике выходит замуж за человека по имени «мулла Хозятаз», который называется «воеводой» (батыр?) и основателем Старой Казани (после его смерти оба они были похоронены в этом районе; мулла Хозятаз – в Старой Казани, а Гайша бике – недалеко от деревни

Русская Айша). А Шеуне бек спустя некоторое время уходит из Казани в Болгар, где становится «ханом».

Хотя информация из этого дастана повторяется во многих других татарских источниках, часть ее уникальна: например, сообщения о том, как Шеуне бек и Гайша бике были доставлены в Самарканд и вернулись обратно, о том, что они в одно время жили в Кошане, и о том, что Шеуне бек уехал из Старой Казани в Болгар и там правил (как хан!).

В повторяющихся данных исторических преданий также есть некоторые детали, которые ранее не бросались в глаза. Например, в предании о «строительстве Старой Казани» рассказывается о том, как Аксак-Тимур захватил Болгар и убил «хана» Габдуллу, после чего остались его жена – «ханбика» и два «младенца – шахзаде». Затем говорится о том, что для их спасения «старейшины Болгара» отправили «ханбике ихназаде» в город Буляр/Бүләр. Когда Аксак-Тимур совершил много жестокостей в Болгаре и приблизился к городу Буляр, ханбика вышла с двумя своими сыновьями – Алтынбиком и Галимбилем навстречу завоевателю и попросила разрешения уйти в другое место, после чего Аксак-Тимур дал ей это разрешение и «несколько знатных людей... остались с ханбикой...», этот город стал Старой Казанью. Согласно легенде, первым ханом здесь был Алтынбик, который правил более «пятидесяти лет». Затем его «родственник» Галимбик стал ханом и правил здесь более «тридцати лет». Об Алтынбике говорится следующее: «...В Старой Казани он построил мечети, медресе, создавал большие сады, приглашал много ученых из других мест, строил школы для обучения детей ... Он также старался сделать Болгарское государство таким же великим, как оно было во времена его отца ... Восстановил не сгоревшую главную мечеть Халифа и большое медресе, пригласив имамов и преподавателей...». О Галимбике (Галим беке) в этом предании также есть следующие строки: «...Он скончался во время своего визита к отцу в Болгар...» [Татар халык иҗаты: 1987. Б. 45–47].

В рассказе самое интересное – это то, что Алтын бек и Галим бек прибыли в Иске Казан не напрямую, а через город Буляр. Другой важный аспект предания заключается в том, что Алтын бик проводил значительные культурные

и строительные работы в Иске Казани, не забывая и о городе Болгар, стараясь благоустроить также и его. Наконец, в легенде также подчеркивается связь Галим бека с Болгаром, что проявляется в его намерении посетить могилу своего отца в Болгаре.

В другом предании – «О строительстве Новой Казани» упоминается Галимбек, который был ханом в Иске Казани, и говорится о том, что это место ему не понравилось. Он отправил «двух своих старейшин, сына и сто всадников» искать другое место для строительства нового города. Когда это место (территория современной Казани) было найдено, в предании говорится: «...После этого Галимбик пообещал восстановить мечеть Халифа в Болгаре для поклонения» [Там же. Б. 52–53]. Здесь видно, что работа по восстановлению мечети в Болгаре связывается с другим персонажем – Галимбеком. Однако в данном случае вопрос, который должен быть в центре нашего исследования, заключается в том, что в этом и других преданиях [Там же. Б. 50–51, 55–56] переселение из Иске Казани в Новую казань/Яңа Казан описывается не с Алтын беком, а увязывается с личностью Галим (Гали) бека/бия. Более того, в другом предании организатором этого переселения называется некий «Крымский хан» [Там же. Б. 48].

После рассмотрения преданий об интересующих нас личностях и событиях было решено обратиться и к письменным источникам, связанным с ними. Хотя мы уже начали рассматривать эти источники ранее, работа еще не завершена, поскольку письменные источники относятся к различным периодам и их жанры различаются. Среди них основное место занимают те, которые называются «летописями» (о них можно подробнее ознакомиться: [Рахим: 2004]). Однако среди письменных источников есть и другие их виды. Например, известное нам произведение «Дәфтәре Чыңғыз-намә» [Усманов: 1972]. Также можно упомянуть такие работы, как «Тәрҗемәи Ферхенг-намә», «Беан Дастан уәт-тариҳ», «Тәварих уәт-даваир» (они были впервые найдены (или собраны) Н.Н. Кафтанниковым и введены в научный оборот А. Кавелиным [Кавелин: 1847. С. 57–59; Фахрутдинов: 1984. С. 154]).

Перечисленные источники находятся в сложной взаимосвязи друг с другом, однако история этих связей полностью не изучена, поэтому пока не ясно, какое произведение является основой для других. В результате в литературе можно встретить противоречивые мнения об одном и том же источнике. Например, М.А. Усманов предложил рассматривать произведение «Тәрҗемәи Ферхенг-намә» (другие версии его названий – «Джада-и джанг», «Хикәйәт») в связи с «Дәфтәре Чыңғыз-намә» [Усманов: 1972. С. 125], тогда как его ученик И.А. Мустакимов, наоборот, отметил, что этот источник может быть исходным для последнего [Мустакимов: 2008. С. 145]. В свое время Г. Рахим тоже опубликовал одну рукопись под названием «Фи бейан-и тарих», но на самом деле этот текст также может быть связан с вышеупомянутым произведением «Тәрҗемәи Ферхенг-намә» [Мустакимов: 2008. С. 144]. Таким образом, перечисленные письменные источники – а они почти все связаны с теми или иными татарскими летописями – необходимо изучать как отдельно, так и комплексно. Следует отметить, что эти письменные источники не такие уж древние; их старейшие экземпляры («Дәфтәре Чыңғыз-намә» и «Ферхенг-намә») относятся к концу XVII – XVIII векам [Усманов: 1972; Мустакимов: 2008].

Тем не менее, прежде чем углубляться в такие источники, вспомним одно мнение М.А. Усманова, который исследовал произведение «Дәфтәре Чыңғыз-намә»: «...[Это произведение] больше похоже на сборник, содержащий повести-дастаны, которые различаются по своим формам» [Усманов: 1972. С. 125]. Поскольку вопрос поставлен таким образом, оказывается, что между исследуемыми письменными источниками и историческими легендами (ривятыми), дастанами нет непреодолимых границ; более того, основой первых могут быть произведения народного устного творчества. Однако на практике определить, какой из этих источников является первичным, очень сложно, поскольку логически ривяты/легенды и дастаны должны быть старше письменных источников, но некоторые из них могли сначала существовать в письменных источниках и затем распространяться среди народа. Верно, что такая

ситуация меньше касается дастанов – они в большинстве случаев должны считаться памятниками древности, и мы можем отнести к ним «Янмый торган кыз»/«Повесть о не-сгораемой девушке», «Фасыл фи бәйани Аксак Тимер»/«Наследие Аксак Тимера», «Фаслы фи бәяны дастанымт-тарих»/дастан «Об истории» (последние два находятся внутри произведения «Дәфтәре Чыңғызынамә»).

В общем, вывод таков: при изучении интересующих нас письменных источников необходимо постоянно иметь в виду родственные произведения народного устного творчества (ривяты/легенды, дастаны). Основываясь на этом методологическом принципе, мы начинаем исследовать упомянутые письменные источники.

В первую очередь нас интересуют два источника – «Ферхенг-намә» и «Хикәйәт» (последний связан с произведением «Дәфтәре Чыңғызынамә» в части «Фаслы фи бәяны дастан ыт-тарих» [Мустакимов: 2008. С. 145]).

1. «Фи бейан-и тарих» (Вариант произведения «Ферхенг-намә»)

«Фи бейан-и тарих. В истории говорится, что в 693 году по исламу, в год Сыгыр (год коровы), Мир Тимур осадил город Болгар. На протяжении семи лет они держали народ в подчинении. Далее, в истории упоминается, что через семьдесят лет он снова захватил город Болгар в двадцатый день месяца Зуль-хиджа. В этом городе было двадцать четыре великих князя, и все они погибли; у каждого из них были жены, как сказано в преданиях, и всех их Мир Тимур взял в плен. Среди этих князей были четыре великих князя, по сути – шахзаде (принцы). У одного из них имя Икъбал-бик, у другого – Кол Гали-бик, у третьего – Хэвashi-бик, а у четвертого – Каши (Миркаши). Город был разрушен, много народа погибло. Сам Габдулла-хан скончался. Двух сыновей хана увеличили в лес. Один из них был девяты лет, а другой – семи. У одного из них имя Алтын-бик, а у другого – Галим-бик. Их хорошо воспитали. Алтын-бика короновали на трон в возрасте двенадцати лет. На реке Казан построили крепость, и сто лет они там находились. Затем они переехали и построили город на берегу реки Казан,

и там они были сто пятьдесят восемь лет... Того, кого звали Алтын-бик, а его тамга была эвернэ. Выйдя из Золотого трона, они прибыли в Старую Казань. Говорят, что Алтын тахтом (Золотой трон) называли город Болгар. Когда Мир Тимур разрушил город Болгар, оставшиеся люди с Алтын-биком основали юрт в Казани. Когда в Казани был юрт, Алтын-бик и Галим-бик были там. Галим-бик не возлюбил Казань, уехал в Тубыл-Туру, где также основал юрт. Он построил Старую Тубыл-Туру. Затем Алтын-бик пришел в Новую Казань. После этого Махмуд-хан, о котором упоминалось выше. Из рода Алтын-бика и Галим-бика были в Крыму. По этой причине каждый раз, когда нужен был хан, брали хана из Крыма для Казани. Конец».

Источник: [Мустакимов: 2008. С. 155].

2. Хикәйәт (перевод на русский язык из персидского)

«Одним словом, когда жители Старого Булгара избавились от резни, [учиненной] хазрат Аксак-Тимуром, оставшиеся из них собрались. Вначале Черная Идиль протекала близ Старого Булгара. Когда прошло великое побоище (мокатәле¹), увидели, что Черная Идиль отошла [от города] на расстояние трех миль на запад. Поэтому они (жители Старого Булгара. – Д.И.) сочли нецелесообразным восстанавливать [город]. Посоветовавшись, они построили новый город (кал’а) в стороне летнего заката [солнца]², близ [реки] Черная Идиль (Идил-и сийāх³), на берегу реки Газāн. [Новому городу] дали название Газāн. Он прозвывался также «Новым Булгаром» (Булгар-и джадд). В том месте они прекрасно, под знаменем ислама жили некоторое время. Во всех случаях они, согласно священному шариату, прибегали к [суду] мусульманских кадиев и великих сеидов. Они (кадии и сеиды. – Д.И.) также, следуя сунне Пророка, занимались прекращением распреи и пресечением враж-

¹ В оригинале: «мокабале».

² От Булгара на северо-запад.

³ На персидском – течение Идели (Волги) выше владения Камы. А эта сторона Камы называлась «Ак Идел/Белая Воложка».

ды. В этом городе прошло царствование шестнадцати ханов. Когда для Старого Булгара (Булгар-и кадым) наступили тяжелые времена, его ханом был Габдулла. В то время (букв.: в тот день. – Д.И.) он стал шахидом. У него осталось два сына: один – Алтун-бик, другой – Галим-бик. Чтобы не допустить пресечения их рода, их увезли в лес и [там] спрятали. Поэтому они спаслись. Когда построили город (букв.: крепость. – Д.И.) Газан, по давнему правилу (кানун) первым ханом стал Алтун-бик. Таким [же] образом вторым [ханом] стал Галим-бик, третьим – Мухаммед...».

Источник: [Мустакимов: 2008. С. 153–154]. Этот источник теперь полностью переведен на русский язык (см.: [Гибадуллин: 2019. С. 687–719]).

Кроме двух вышеупомянутых документальных источников, обратим внимание еще на один источник. Татарский историк Х. Атласи в своем труде «Казанское ханство» приводит перевод из «персидской рукописи», находившейся у него в руках:

3. Персидская рукопись

«Избавившись от влияния Тимура, часть болгарского народа пришла к мысли о строительстве нового города и отправилась в сторону захода летнего солнца. У реки Газан, рядом с Черной Волгой, они построили город и назвали его Газан. Они провели там несколько месяцев и лет, дней. Во всех своих делах они обращались к шариатским судьям и великим людям. У них, согласно знакам веры, были споры и вражда между собой. В этом Казане прошло 16 падишахов [Здесь подразумеваются правители Казанского ханства – Д.И.]. В тяжелые времена для Болгара у него был хан по имени Габдулла. Он тогда умер, и у него остались два сына по имени Алтынбек и Галимбек. Испугавшись, что их род прервется, их спрятали в лесу. Поэтому они остались живы, и когда построили Казань, по древнему обычью, Алтынбек стал ханом. Вторым казанским падишахом был Галимбек, третьим – Мухаммед...»

Взято из: [Атласи: 1992. С. 198].

Приведенный текст очень близок к русскому переводу, представленному выше в виде текста «Хикәйәт» (он лишь немного сокращен в начале). Поэтому И.А. Мукстакимов, согласившись с мнением М.А. Салахетдиновой, считает опубликованный фрагмент из труда Атласи тем же источником, что и «Хикәйәт» [Мустакимов: 2008. С. 144]. С этим мнением можно согласиться. На самом деле, как уже было указано ранее в научной литературе (см.: [Усманов: 1972. С. 124]), существуют татарские версии этого текста, одна из которых была переведена на русский язык и опубликована в 1937 году в труде «История татар в документах и материалах» [История: 1937. С. 122–123]. Согласно примечаниям в книге, это была «летопись», находившаяся в сборнике Нурмухаммата б. Азметжана за 1864 год, которая впоследствии была передана С. Атнагуллову, жившему в Казани [История: 1937. С. 133]. Однако все же можно предположить, что рассматриваемый фрагмент в конечном итоге относится к персидской рукописи XVIII века, которая тогда еще не была полностью изучена и распространялась в Поволжье [Салахетдинова: 1965. С. 148].

Еще одним источником, который следует отнести к рассматриваемой группе, является «Дәфтәре Чыңгыз-намә» (конец XVII века). Этот источник хорошо изучен, и некоторые его версии (не все) также были опубликованы (вы можете ознакомиться с исследованием его истории [Усманов: 1972]). Текст был многократно опубликован (вариант, который мы будем использовать: [Мирастан: 2011. С. 40–92]). Вот отрывки из этого произведения.

4. Части из произведения «Дәфтәре чыңгыз-намә»

1. «Фасыл фи бәйани дастани Аксак-Тимер»

«...[Аксак-Тимер] ...пришел в город Хаджи Тархан. Вступив в бой, он захватил Хаджи Тархан и подчинил его себе. Он пробыл там пять–шесть лет. Затем он снова подготовился к захвату города Болгар. Он пришел с множеством военных кораблей, чтобы взять город Болгар. Некоторые из его воинов ...прибыли снаружи корабля... Когда они прибыли с войском, в Болгаре был хан по имени Габдулла. Хан Габдулла получил известие о том, что идет Аксак-Тимер.

В тот момент хан Габдулла собрал свои войска. Они вступили в жестокую битву друг с другом. Они не выдержали нападения Аксак-Тимера и разбежались. Они вошли в город Болгар. Умершие – погибли, остальные укрылись в городе. Аксак-Тимер осаждал Шахри Болгар в течение семи лет. История говорит, что в зуль-хиджа месяце двадцатого Шахри Болгар был захвачен и разрушен. Существовало сто двадцать четыре великих бека, все они были уничтожены. Каждую из их жен подобным жемчужине, Аксак-Тимер взял в плен. Среди них было четверо благородных шахзаде: один – Икбали бик, другой – Кол Гали бик, третий – Хаши бик и четвертый – Миркаши бик. Каждого из них убили. Много народа погибло. Хана Габдуллу также убили, но у него было два сына. Один – Алтынбик, другой – Галимбик. Один был семи лет, другой – девяти лет. Люди, спасшиеся от битвы, спрятали Алтынбика в лесу. О них хорошо заботились. Затем Аксак-Тимер... пришел в город Буляр...»

Источник: [Мирастан: 2011. Б. 60].

2. «Фасыл фи дастан фит-тарих»

«В семисотом году Аксак-Тимер захватил Шахри Болгар у хана Габдуллы. У хана Габдуллы было два сына: один – Алтынбик, другой – Галибик. После разорения они пришли и основали поселение на реке Казан, сделали город. Этот народ прожил там сто четыре года. В конце концов они, не возлюбя это место, переселились. На берегу реки Казан они построили город. Они прожили там сто пятьдесят восемь лет... В городе Казань жили ханы: сначала сын хана Габдуллы Алтынбик хан, затем Галибик хан. После них – хан Махмуд...»

Источник: [Мирастан: 2011. Б. 68].

Связь между этими источниками и их отношение к другой группе – «историческим летописям» – становится очевидной при чтении текстов. Чтобы более основательно подтвердить это, нам стоит рассмотреть несколько текстов, обозначаемых как «летописи». На эти источники уже обращал внимание известный татарский историк Г. Рахим [Рахим: 2004], ранее о них писали и другие ученые (см.:

[Катанов, Покровский: 1905]). Поэтому мы просто приведем сами источники без общей их характеристики.

Первый источник Г. Рахим относил к концу XVII века и отмечал, что он был присоединен к последней части произведения «Дәфтәре Чыңгыз-намә» (также он указывает, что рукопись хранилась у муллы деревни Менгер) [Рахим: 2004. С. 560]. Этот текст был переведен на русский язык Г. Рахимом, поэтому мы приведем его на русском языке.

1. «Хикайат асхаб фил»

«Глава в изложении повести по истории. В семисотом году Хромой Тимур захватил город Болгар у хана Абдуллы. У хана Абдуллы было два сына: один из них Алтун-бик, а другой Алим-бик. После этого разрушения они построили крепость над рекой Казанкой и основали город. Этот народ прожил там сто четыре года; наконец, не возлюбив это место, они выселились оттуда и у устья реки Казанки построили город. Сто восемь лет прожили там... Теперь имена ханов, властвовавших в юрте города Казани, (они) следующие: сперва Абдулла-хан, затем сын Абдуллы-хана Алтун-бик, после него Махмудхан...».

Источник: [Рахим: 2004. С. 566].

Если мы сравним этот текст с ранее приведенным отрывком из «Фасыл фи дастан фиттарих», то увидим, что они совпадают по содержанию, за исключением двух деталей (158 лет проживания в Старой Казани до переезда в Новый Казан и отсутствие Алим-бика в списке ханов Казани). Более того, тот же источник, который был получен в 1784 году от лица по имени Багаутдин, упоминается Н.Ф. Катановым и И.М. Покровским как часть рукописи «Дәфтәре Чыңгыз-намә» («Рукопись о Чингиз-хане») [Катанов, Покровский: 1905. С. 309]. Эти ученыe также опубликовали еще одну версию этого текста (она была у Н.Н. Пантусова, 1864 года или переписанная в 1902 году), где единственное различие заключается в том, что вместо «700-й год» указано «по истинным словам был 800-й год» [Катанов, Покровский: 1905. С. 318]. Позже этот текст также был издан в советское время [История: 1937. С. 95]. Однако во всех этих случаях

мы видим один и тот же текст, который относится к достаточно раннему времени – концу XVII века. Еще один ранее приведенный текст был в руках у профессора Казанского университета И.Г. Яковкина и, похоже, является одной из оригинальных версий произведения «Дәфтәре Чыңгыз-намә».

2. Отрывок из рукописи, находившейся у профессора И.Ф. Яковкина

«...Тамерлан... против Болгар... [в] 700 г. ...убил хана Абдуллу... взял в плен 124 знатные фамилии и женщин их, а город разорил. Этот хан Абдулла происходил от поколения хана Джужи, сыновей его Бярки, Шибана и Кяшела ханов; эти два последних владели народом Болгарским после Бярки хана... Некоторые люди скрыли двух сыновей [Абдуллы хана] ...Галим-Бека и Алтун-Бека (из которых первый был 9-ти, а второй – 7-ми лет) ...Князья Галим-Бек и Алтун-Бек основали Казань на реке Казанке... царствовали в Казани ...потом перенесли ...основали нынешнюю Казань в 804 г.х...».

Источник: [Рыбушкин: 1833. С. 1171].

Очевидно, что это действительно одна из версий текста из произведения «Дәфтәре Чыңгыз-намә», однако здесь есть очень важное дополнение, указывающее на то, что хан Абдулла принадлежал к роду Шибанидов. Приведенный пример показывает необходимость собрать и опубликовать все версии источников под названием «Дәфтәре Чыңгыз-намә», так как эта работа еще не выполнена.

Еще один исторический источник, известный в виде рукописи, упоминается А. Кавелиным. Он называет его «Товариш ут-Даваир» [Кавелин: 1847. С. 57]. Судя по названию, это могло быть летописное произведение, поэтому Р.А. Фахретдинов называет его «Тәварих уттава ир» [Фахрутдинов: 1984. С. 154]. К сожалению, эта рукопись не сохранилась, и известно лишь одно предложение из работы А. Кавелина: «...Галим-бек ...пришел в болгарский город Кошан, где был учителем...» [Кавелин: 1847. С. 57]. Из этой фразы можно предположить, что содержание было похоже

на эпос «Янмый торган кыз». Поэтому, возможно, это не было летописным произведением.

Таким образом, перед нами возникает компендиум исторических источников различных жанров (эпосы, предания/легенды, летописи). Все они связаны через Габдуллу (Абдуллу, Абдалла) хана, его «сыновей» и одну дочь, а эти личности предстают наследниками Габдуллы хана, который считается сыном главного героя эпоса «Туляк и Сусыл» – Туляка. На самом деле, в приведенных выше татарских источниках отражается история Болгаро / Казанского вилайета, расположенного на Среднем Иделе, в период конца XIV – первой половине XV веков, и, если изучить эту историю на основе данных источников, можно прийти к весьма интересным новым выводам.

1. Среди историков до сих пор ведутся споры о том, достиг ли Тимур Болгарского вилайета во время своих походов на Золотую Орду в 1391 и 1395/96 годах [История татар: 2009. Т. III. С. 706–712; Сафаргалиев: 1960. С. 154–155, 166], поскольку в исторических источниках, описывающих эти походы, нет точной информации об этом событии. Однако татарские источники сообщают о его приходе на эти земли и связывают переселение населения города Болгара в Старую Казань с этим событием. Также в народной традиции сохранились очень негативные оценки Аксак-Тимура (смотрите: [Татар халық иҗәти: 1987. Бб. 29–30.; Татар эпосы. Бәетләр: 2001. Б. 72]). Поэтому следует с доверием относиться к сообщениям о захвате Болгара Аксак-Тимуром. Таким образом, стоит помнить о том, что известный татарский историк М.Г. Сафаргалиев датирует это событие 1395 годом [Сафаргалиев: 1960. С. 155].

2. Все татарские источники говорят о том, что после Габдуллы (Абдаллаха, Абдуллы), который был ханом во время нападения Тимура на Болгарский вилайет и был убит при взятии Болгара, остались его два или три сына и одна дочь. Однако их судьбы в эпизоде, связанном с захватом Болгара Тимуром, описываются по-разному. В большинстве случаев говорится, что два сына Габдуллы – Алтынбик (Алтын бек/бик) и Галим (Гали, Галым) бек (бик) – убежали на север, в леса, и там основали Старую Казань (Иске

Казан). Однако в некоторых преданиях упоминается, что сначала жена (ханбике) Габдуллы и вышеупомянутые два «маленьких ребенка» были отправлены в город Буляр, и только с разрешения Аксак-Тимура они прибыли в Иске Казань, где основали город («кала»). В эпосе «Янмый торган кыз» сообщается о том, что сын Габдуллы по имени Шеуне бек и его дочь Айша (Гайша) были уведены Тимуром в Самарканд, и только после смерти этого эмира они вернулись (сначала – в город Кошан). В одном случае (источник не сохранился полностью) говорится, что Галим бик тоже жил в «болгарском городе» Кошан и был там учителем, как и Шеуне бек. Таким образом, наследники хана Габдуллы могли быть перемещены в Иске Казань лишь через некоторое время после разрушения Болгара, и это перемещение могло происходить не напрямую, а через города Буляр и Кошан (Кашан) (город Кошан находился на правом берегу реки Камы, около современных деревень Олы Елга и Шуран, чуть ниже деревни Саескан [Пономарев: 1893]). Однако в некоторых случаях появление названия города Кошан в легендах могло иметь другую причину – именно через этот город проходила старая переправа через реку Каму, возможно, поэтому «сыновья» Габдуллы были перевезены в Иске Казань именно через этот переход.

3. В событиях, произошедших после сбора наследников Габдуллы в Иске Казани, также есть нюансы, которые стоит учитывать. Во-первых, в источниках наблюдаются интересные особенности относительно наследников Габдуллы хана, которые «держали юрт» вплоть до Мухаммеда (Улуг Мухаммед). В большинстве случаев после Габдуллы хана в Иске Казане (в «Болгар ал-жәдид») показаны следующие правители: Алтынбик (Алтын бәк) → Галим (Гали) бик → Мухаммед (то есть Улуг Мухаммед). На первый взгляд кажется, что Галим (Гали) бик, правивший в Булгарском/Казанском вилайете между Алтынбиком и Улуг Мухаммедом не отличался по политическому статусу от этих двух личностей. Однако это лишь на первый взгляд. Например, в эпосе «Янмый торган кыз» Алтынбик называется основателем Иске Казани вместе со своим батыром (воеводой) Муллой Хозятацом. В некоторых легендах также Алтынбик

указывается как первый правитель (хан), и говорится о том, что он поднялся на трон в 14 лет по «древнему обычью», а иногда после имени Алтынбика упоминается имя Улуг-Мухаммада как хана этого региона. Таким образом, Галим бек исключается из списка ханствующих. Хотя говорится о том, что Галим бек правил в Иске Казани после Алтынбика, в некоторых источниках он не называется ханом и упоминается лишь в качестве «сопровождающего» Алтынбика. Более того, как уже упоминалось выше, он покинул Казань и отправился к Тубыл-Туру (Иске Тубыл-Тура, вероятно, столица Сибирского ханства Искер), не возлюбя Казань. Эта информация может не совсем соответствовать реальной истории, но есть основания полагать, что за ней скрыта какая-то существенная информация.

4. У Габдуллы хана было двое «сыновей» – Алтынбик и Галим бек, когда они были перемещены на север, они были еще молодыми – первому было 9 лет, второму – всего 7 лет (в некоторых случаях их возраст указывается наоборот). Эти данные имеют историческое значение, так как на их основе можно приблизительно определить некоторые даты, связанные со Старой и Новой Казанью.

5. В татарских источниках наблюдается попытка связать наследников Габдуллы хана с Крымом. Например, в «Фи бейан-и тарих» (вариант произведения «Ферхенг-намә») говорится о том, что «уруг» (род) Алтынбика и Галим бика также присутствовал в Крыму, а организатором перехода из Старой Казани в Новую Казань (обычно связываемого с Галимом/Гали беком) в одной из легенд называется «Крымский хан». Однако в другом случае этот персонаж упоминается как Алтынбик.

6. В процессе переноса политического центра Болгарского вилайета в Старую Казань (*Болгар әл-жәдит*) уже существовавшее государство стало отдельной Казанской территорией (юртом) – сначала княжеством, затем ханством, куда входили сам город Болгар и его окрестности. Об этом свидетельствуют легендарные сведения о том, что Алтынбик, «державший юрт» в Старой Казани, восстановил «великое медресе» рядом с мечетью, названной «Хәлиф жәмиғи» в городе Болгаре, а Галим (Гали) бек со-

вершал посещение могилы своего отца в Болгаре. Также в эпосе «Янмый тортган кыз» подтверждается, что младший сын Габдуллы хана Шеуне бек был «ханом» в Болгаре после переезда из Старой Казани.

Теперь, когда «ядро» информации, собранной из всех источников, завершено, возникает возможность сопоставить их с историческими данными, сохранившимися в других письменных источниках. Таким образом, мы сможем выявить ранее не исследованные аспекты истории Болгарского / Казанского вилайета XIV–XV веков.

Для продолжения размышлений нам нужна гипотеза, которая позволит устраниТЬ противоречия относительно Габдуллы хана: как один и тот же человек – Абдаллах (Габдулла), который был ханом в Мамаевой Орде в 1361/62–1369/70 годах, смог занять ханский трон в Болгарском вилайете только спустя значительное время – не позже 1390 года? При решении этого вопроса невозможно обойти стороной тот факт, что согласно эпосу он является сыном Туляка. То есть сейчас необходимо найти комплексный ответ на вышеуказанные вопросы.

Наше основное предположение таково: хотя Абдаллах (Габдулла) и был ханом в Мамаевой Орде, он не принадлежал к роду Чингизидов, а был представителем рода беков, происходивших из племени кыйат, как и его отец. Вероятно, по материнской линии или по линии бабушки он мог быть потомком бегим/принцессы (дочери хана или других родных ханов) из рода Чингизидов (упомянутых выше «шахзаде»). Мы можем предположить, что восхождение Туляка и Габдуллы (Абдаллаха) на трон произошло в чрезвычайных условиях, когда в Орде, находившейся под контролем Мамая возникла острая нехватка Чингизидов. Более того, политический центр Мамаевой Орды, возможно, находился не в Крыму, а в городе Сарае, и когда он вышел из-под контроля Мамая, мог быть расположен в городе Болгар. Скорее всего, Габдулла продолжал оставаться у власти в Болгарском вилайете – либо как хан, либо как «Болгарский князь» – вплоть до тех времен, когда Мамай был разбит и убит своим соперником ханом Тохтамышем в 1380 году, хотя это остается неясным; однако известно,

что эта территория после Мамая подчинялась Тохтамышу (см.: [Исхаков: 2013.Б]). Тем не менее, следует помнить, что в этот период в других регионах Золотой Орды также наблюдался сепаратизм, и в некоторых местах новые ханы восходили на трон. Например, в 1386 году Бек-Булат оглан был провозглашен ханом в Крыму и, хотя он достиг временного соглашения с Тохтамышем, управлял землями вплоть до 1392 года в некоем неизвестном статусе [Гулевич: 2018. С. 78–79]. То есть в общей ситуации Габдулла, сидевший как отдельный правитель в Болгарском вилайте, не выглядит уникальным.

Тем не менее, у приведенной выше гипотезы есть один слабый момент: согласно уже известным историческим источникам, Алтынбек (Алтынай) – был султаном из династии Шибанидов, а Али / Гали / Галим-бек являлся «Казанским князем», будучи кажется из рода беков племени кыйат. Могут ли эти две личности быть детьми одного и того же отца – Габдуллы хана? Если Габдулла и его отец Туляк какое-то время (о Туляке, например, в эпосе говорится, что он правил от 3 до 36 лет) занимали трон, то возможно, что Алтынбек и Галим (Али / Гали) бек (бий), считающиеся его «сыновьями» (не во всех случаях), вместе правили в Казанском (Болгарском) вилайете (по-русски это называется «сопроводительство»). Однако письменные источники сообщают о том, что Казань была заполучена Улуг-Мухаммедом в одном случае «от Алтынай султана» (Утемиш-хаджи), а в другом – «от Албай [и] Алтунбая» (Кырыми), что делает не совсем ясным, кто же здесь действительно был правителем? А вот русские источники, например, Воскресенская летопись, упоминают имя «Либей» как «Казанского вотчича», убитого в 1445 году сыном Улуг-Мухаммеда Махмутеком (Махмуд) [ПСРЛ: 1859. Т. 8. С. 114]. Это может быть только Гали / Али бек. В Никоновской летописи в связи с тем же событием упоминается имя «Азы / Азый» [ПСРЛ: 1965. Т. 11–12. С. 251], которое на самом деле не является именем, а скорее прозвищем или титулом – «гази» (это «ведущий священную войну») [Исхаков: 2013. С. 20], что, судя по другим событиям, скорее относится к Гали беку, который ранее участвовал в военных действиях. Таким образом, про-

тиворечия между письменными источниками пока нельзя полностью устраниТЬ, и мы не можем точно сказать, кто именно правил в Казанском / Болгарском вилайете до прихода туда группы под руководством Улуг-Мухаммеда.

Несмотря на это, исходя из собранной информации можно более точно отразить хронологические даты жизни Алтынбика (Алтынай) и Али / Галим бека. Например, если переход политического центра Болгарского вилайета из города Болгара в Старую Казань начался зимой 1395/1396 года, то именно в это время войска Тимура захватывают и разрушают города Хаджи-Тархан и Сарай (Сарай-Берке), а Тохтамыш хан, по некоторым данным, отступает в сторону Болгара. Если учесть, что в это время Алтынбiku исполнилось 9 лет, то можно предположить, что его восшествие на трон в Старой Казани произошло в 1400/1401 годах (14–9=5; 1395/1396+5=1400/1401). Интересно, что в близкие к этим датам годы – в 1398/1399 году – Казань (Старая Казань) упоминается в русских летописях как один из четырех городов Болгарского вилайета (остальные: Болгар, Кирменчик, Жукетау) [ПСРЛ: 1965. Т. 11–12. С. 126–127]. Хотя с 1400/1401 годов правители Болгарского вилайета и сидели в Казани (Старой Казани), даже в 1410/1411 году этот правитель все еще упоминается в русских летописях как «князь Болгарский» [Исхаков: 2013б]. Причина этого одна: в начале своего существования Старую Казань называли «*Болгар ал-жадит*» / «Новый Болгар», и поэтому правитель там носил титул «Болгарский бек / эмир», то есть «князь Болгарский».

Как показано, к 1410/1411 годам основным правителем (тронным владельцем) в Старой Казани должен был быть Алтынбик (Алтынай). Однако это всего лишь гипотеза, так как мы не знаем точно, что происходило в Болгарском / Казанском вилайете между 1400/1401 и 1410/1411 годами. Тем не менее, учитывая, что в 1445 году её «вотчич» по имени Али был убит в Казани, можно предположить, что и он, и Алтынбик (Алтынай) правили в этом регионе (хотя по поводу Алтынбика (Алтынай) остаются некоторые сомнения). Однако есть и факты, усложняющие рассматриваемую проблему – в Болгарском / Казанском вилайете

между 1398/1399 и 1429 годами упоминаются и другие личности, называемые «царевичами» (то есть султанами) (в 1398/1399 году – Ентяк, в 1410/1411 году – Талыч, в 1429 году – Махмуд-ходжа) (см.: [Там же. С. 27]). Кроме того, исторические источники также сообщают о том, что эта территория в 1428/1429 году подчинялась хану из Шибанидов Абул-Хайру из кочевой «Узбекской державы» [Там же]. То есть к концу 1420-х годов Болгарский / Казанский вилайет не мог быть полностью независимым, следовательно, его правители также не могли быть суверенными, а могли лишь занимать местный трон как «Болгарский эмир, бек / Болгарский князь».

Еще один интересный момент: в сообщении русских летописей 1398/1399 года говорится о том, что на территории Болгара / Казани были ровно четыре города. Почему это важно? Вот почему: в более поздних летописных записях (1410/1411 годов) упоминаются слова «Болгарские князи и Жукотинские» [Исхаков: 2009а. С. 126]. Если предположить, что в каждом городе Болгарского / Казанского вилайета были свои бекские династии – а это кажется возможным исходя из предыдущей информации – то мы можем столкнуться с известными нам со времени Габдуллы хана четырьмя «шахзаде». Они могут отражать ранее упомянутую систему четырех карачы беков. Таким образом, один из этих четырех мог быть старшим (олы/улу бий) карачы беком, то есть беклярибеком, которому соответствует род Алтынбика (Алтыная) или Гали (Галим) бека, и речь идет о беках из племени кыйат. Если бы Алтынбик (Алтынай султан) действительно был Чингизидом и взошел на трон, то его соправитель Гали (Галим) бек выполнял бы функции старшего бека на данной территории. В этом случае он также выступал «вотчичем» Казанского (Болгарского) вилайета.

При глубоком размышлении, структура из четырех карачы беков в Болгарском вилайете является подготовленной политической основой для создания отдельного ханства. Поэтому сын Улуг-Мухаммеда Махмутек, убив здесь старшего бека, смог очень быстро организовать самостоятельное ханство на этой основе. Однако нам оста-

ется неизвестным, использовал ли он прежние племена или заменил их на четыре другие (шырын, барын, аргын, кыпчак), пришедшие с ним? Если учесть, что легендарная информация упоминает о том, что Гали бек отправился в «Старый Тобол», то, возможно, старые племена были полностью заменены теми, кто пришел с Улуг-Мухаммедом. Однако без новых источников разгадать эту загадку пока невозможно.

Также стоит сказать несколько слов о переносе центра владения из «Старой Казани» в современную «Новую Казань», поскольку это событие могло произойти во время правления Габдулла хана и его «сыновей» (или одного из них). К сожалению, в письменных источниках нет надежной информации по этому поводу, поэтому при исследовании этого вопроса приходится опираться на предания и легенды.

Из приведенных выше источников следует, что в источнике под названием «*Фи бейан-и тарих*» (вариант произведения «Ферхенг-намэ») говорится о том, что Алтынбик был возведен на трон в 14 лет «в кальге над рекой Казан», то есть в Старой Казани. Сначала упоминается, что Алтынбик и Гали бек вместе «вели хозяйство», а затем сообщается о том, что Гали бек отправился в Старый Тобол. После этого в тексте есть такие строки: «Затем Алтынбик пришел в Новую Казань». В исследуемом источнике также указаны некоторые даты: пребывание в Старой Казани составило 104 года, а в Новой Казани («городе на устье реки Казан») – 158 лет. Эти же даты присутствуют и в разделе «*Фасыл фи дастан фит-тарих*» в «Дәфтаре Чыңгыз-намә», где также говорится о том, что после 104 лет пребывания в старом городе было построено новое поселение «на устье реки Казан». Однако не уточняется, в какую эпоху произошло это событие. Мы еще вернемся к этим датам (хотя они уже были исследованы ранее [Фахрутдинов: 1984. С. 153–166]), но сейчас стоит обратить внимание на то, что перенос в Новую Казань связан с Алтынбиком. Однако в татарских преданиях также указывается, что этот переход был организован «ханом Гали би / Галимбиком» [Татар халык иҗаты: 1987. Б. 50–53]. В некоторых случаях в легендах его

имя упоминается как «Гомәр хан» или безымянный «Крымский хан» [Там же. Б. 48–49, 54]. Таким образом, нельзя сделать четкие выводы по исследуемому вопросу только на основе преданий и связанных с ними письменных источников. Поэтому необходимо также опираться на некоторые другие данные.

Скажем, историк Х. Амирханов в своем труде «Тәварих-е Булгарийә» пишет о том, что Новая Казань возникла в 1418 году [Амирханов: 2010. С. 81]. Из какого источника он взял эту дату – неизвестно, однако можно раскрыть методику, по которой он ее вычислил. По мнению Х. Амирханова, основанию Старой Казани предшествовало 558 лет [Амирханов: 2010. С. 81], и он исходил из даты завершения своего рукописи (в 1872 году) [Исхаков: 2013. С. 60]. Таким образом, речь идет о 1314 году. Если к этой дате прибавить число, указывающее на то, что Старая Казань просуществовала 104 года ($1314 + 104 = 1418$), то мы получим дату переселения в Новую Казань, которая нас интересует. Однако это не единственная дата. Например, в рукописи И.Ф. Яковкина написано, что основание современной Казани произошло по хиджре в 804 году, что соответствует по григорианскому календарю 1401/1402 годам. Обратите внимание – указанная дата совпадает со временем, когда Алтынбик был возведен на трон в Старой Казани в возрасте 14 лет, следовательно, она могла иметь иное значение. В татарских летописях, изданных Г. Рахимом, также указывается, что переселение из Старой Казани «на устье реки Казан», то есть в Новую Казань, произошло за 108 лет до того момента, как в Казани начал править Шахали [Рахим: 2004. С. 141, 182]. Если учесть, что этот человек впервые сел на трон Казанского ханства в 1519 году, то речь может идти о 1410/1411 годах. Эти даты также имеют определенное значение, как уже упоминалось выше. В итоге мы видим как минимум две даты переноса политического центра из Старой Казани в Новую Казань – 1410/1411 и 1418 годы (1401/1402 год можно исключить из рассмотрения). В результате необходимо рассмотреть перенос политического центра из Старой Казани в Новую Казань в связи с фигурами Алтынбика и Гали (Га-

лим) бека – именно об этом говорит сохранившаяся среди татар легендарная информация.

Возможно, наличие двух различных дат переселения (1410/1411 и 1418 годы) имеет и другую причину. В этом контексте стоит обратить внимание на то, что в некоторых татарских преданиях (например, в легенде под названием «*Елан тау*») говорится о том, что переселение из Старой Казани сначала произошло в место, называемое «*Елантау*» [Татар халык ижаты: 1987. Б. 50]. Это же место упоминается и в других легендах [Там же. Б. 50–55]. Если эта информация верна, то Новая Казань оказывается изначально расположенной на втором месте. Кроме того, необходимо обратиться к источнику, известному как «Казанская история». В нем говорится о том, что Улуг-Мухаммед, прибывший в эти края, занял 40 лет «пустовавшее» («стояще пусте») место под названием «Казань Саинов юрт», место, где он сначала обосновался и правил в течение 7 лет (по хронологии, он пришел на это место в 1438 году (1445–7=1438)). Однако самое значимое в данном случае следующее сообщение: Улуг-Мухаммед «...поставил себе деревянный град крепкий на новом месте, крепче старого, недалеко от старой Казани, разоренной русскими ратями» [Казанская история: 1954. С. 49, 53]. Судя по внутренним сведениям источника, «Старая Казань» была разрушена во время похода русских войск в 1398/1399 годах [Исхаков: 2013, С. 15–17], но она не была полностью опустошена. Возможно, Улуг-Мухаммед жил в каком-то месте недалеко от Старой Казани (в районе Камаевского городища?). А основное население Старой Казани к тому времени уже переселилось на земли (сначала в окрестности *Жылан / Елантау*), которые впоследствии станут Новой Казанью. Вероятно, именно этот город Махмутек захватил «хитростью» у Гали бека (Галим бия), убив его.

Только после этого в Болгаро/Казанском вилайете прерываются родословные тех правителей, которые шли с древних времен, и на смену им пришло новое ханство под руководством Махмутек хана, сына Улуг-Мухаммеда, родственника Тохтамыша (русские летописи не зря называли его «вольным царем» – суверенным правителем). Таким

образом, «золотой трон» Туляка б. Габдуллы хана исчезает для его наследников, и эпоха героев эпоса «Туляк и Сусылу» завершается, начинается новая эпоха отдельных татарских ханств. А некоторые герои этой эпохи встретятся нам еще в исследовании эпоса «Чура батыр».

Глава III

Тайны дастана «Идегей»

§ 1. Введение в дастан

Дастан «Идегей» является весьма известным эпическим произведением, широко распространенным среди многих тюркских народов (алтайцев, башкир, казахов, каракалпаков, ногайцев, туркменов, узбеков и различных групп – татар Сибири, Крыма, Поволжья и Урала). Дастан «Идегей» можно отнести к хорошо изученным эпическим произведениям [Татар халық дастаны: 1940; Жирмунский: 1974; Сикалиев: 1994; Урманче: 1999; Эдигэ: 2016; Исхаков: 2018; 2019; Мөхәмәтҗанова: 2019]. В некоторых работах, например, в монографии В.М. Жирмунского, уделяется большое внимание историческому контексту этого дастана, однако конкретные факты и описания событий, представленные в различных сюжетах эпоса «Идегей», до сих пор не получили исторических объяснений, а также вопрос о многих личностях в произведении остается не рассмотренным. Поэтому раскрытие исторических основ дастана требует значительных усилий. В общем, этот эпос остается в основном изученным как фольклорное произведение.

Его различные национальные версии различаются как по объему, так и по содержанию. В каждой из них сохраняются свои уникальные особенности, за которыми часто стоят известные исторические события и конкретные места. Однако поток событий, связанных с этим местом, может отличаться по степени точности и отражению отдельных исторических вопросов. Именно благодаря этим национальным особенностям можно выявить события и сюжеты, связанные с региональной историей, сохранив-

шиеся в дастане. Конечно, кроме этого, в эпическом произведении есть и общие черты, которые являются едиными для всех национальных версий. Основная причина этого заключается в том, что во всех вариантах дастана в центре находится одна и та же личность – Идегей (хотя в некоторых случаях, например, у башкир, главным героем эпического произведения является не Идегей, а его сын Нуретдин-Морадым).

Очевидно, что нас в первую очередь будут интересовать версии этого дастана, распространенные среди татар, так как они связаны с историей таких регионов как Крым-Волга-Урал-Сибирь, то есть тех мест, где формировался татарский народ. Однако, некоторые общие исторические сведения, отраженные в этих версиях, также не должны оставаться вне нашего внимания, поскольку информация в них имеет большое значение для полного понимания истории татар в средние века. В эпосе основные события происходят на обширной территории Золотой Орды. Более того, они отражают эпоху начала распада этого государства. Не зря татарская версия дастана заканчивается такими строками:

*Идел-йортны дай алды,
Яу ёстенә яу килде,
Идегэй эйткэн көн килде.
Чыңғызың қуйған хан тагы
Кан тагы булып әверелде;
Хан сарае камалды.
Кырым, Казан, Аҗдаркан
Башлы-башлы ил булды,
Алтын Урда таралды.*

«Идиль-родину захватили,
За войной пришла война,
Пришел день, о котором говорил Идегей.
Созданный Чингисом престол,
Стал престолом, где кровь лилась,
Ханский дворец исчез из глаз.
Крым, Казань, Адждархан

Стали самостоятельными элями,
Золотая распалась Орда».

В качестве введения к нашему исследованию необходимо кратко остановиться на двух вопросах. Первый из них касается личности Идегея, главного героя эпоса.

Как известно, Идегей – историческая личность, и известен год его смерти – 1419. Точный год его рождения неизвестен, но предположительно это 1359 год. В источниках он впервые упоминается в 1376 году. Ранее Идегей служил при хане Урусе (который был ханом левого крыла Золотой Орды), но по какой-то причине вступил с ним в конфликт и перешел на службу к хану Тохтамышу, который боролся за трон Золотой Орды в союзе с Тимуром (Аксак-Тимером). По своему роду он принадлежал к племени мангыт (точнее – к белым мангытам) [Трапавлов: 2001. С. 62–64]. Некоторые исторические источники довольно точно определяют место Идегея в социальной и политической структуре распадающейся Золотой Орды. Например, арабский летописец ад-Дзехаби (умер в 1348/1349 году) сообщает в известию о смерти Идегея: «...Великий эмир Идегей, управлявший Сараем и Дешт-и-Кыпчак, скончался...; он был вторым эмиром, потому что кроме него был еще один эмир по имени Тегине. Там [то есть в Золотой Орде – Д.И.] старшие эмиры делятся на эмиров правого и левого крыла. Место эмира правого крыла занимает Тегине, место эмира левого крыла занимал Идегей...» [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. I. С. 244]. Это означает, что Идегей управлял племенами и землями, находившимися в левом крыле Золотой Орды. Его политический статус – «бәкләр бәгә» (по-арабски – эмир – ал-умара, по-русски – князь князей). Судя по историческим источникам, его отец (Балтычак / Балынчак бек) занимал ту же должность при хане Тимуре-Малике б. Урусе [Трапавлов: 2001. С. 63]. Это говорит о том, что Идегей принадлежал к знатному татарскому роду. В вариантах дастана также еще одна личность упоминается как отец Идегея – Котлыкия би (о нем см.: [Там же. С. 64]). На наш взгляд, это имя вошло в родословную Идегея с женской стороны. Про Идегея в эпосе так говорит хан Тохтамыш:

*Най син татар, най татар,
Мангыттан азган чал татар.*

«О, ты татарин, о татарин,
Стародавний татарин из мангытов», – говорит он
[Идегэй: 1988. Б. 21].

В целом, несомненно, Идегей принадлежит к роду беков мангытского племени, который был известен уже во времена Чингисхана. Однако в истории этого племени остаются неразгаданные белые пятна, и одно из них – это сомнение в том, что это племя было истинно монгольским. Действительно, одним из вариантов названия упомянутого племени является «мен» (меннэр / мэнг), которое близко к названию одной из тюркских групп, существовавшей в 1207 году, когда Джучи присоединил Алтай к формирующейся Великой Монгольской империи. Речь идет о племени мингат, жившем в Алтае (корень этнонима – минг / мен, а ат / ут – формант, обозначающий множество в монгольском языке) ([См.: История и культура татар Западной Сибири: 2015. С. 125]).

Второй вопрос касается вариантов дастана «Идегей», найденных среди татар, и его национальной версии, опубликованной как собрание версий этих произведений. На сегодняшний день среди татар известно свыше 20 вариантов этого дастана [Надиров: 1988. С. 6]. Кроме того, существует текст эпоса, записанный и обработанный фольклористом Н. Хамитом в Сибири [Татар эпосы: 2004. С. 334–337], и версия, найденная Н. Исенбетом на Урале, также обработанная и опубликованная [Татар халык дастаны: 1940]. В последнее время появилась еще одна версия, которая может быть названа «классической», основанная на тех же данных [Идегей: 1988]. Однако во всех этих случаях остается вопрос о «добавлениях» и «корректировках», внесенных составителями при создании сборного текста. Об этом Н. Исенбет в свое время очень мягко заметил: «...в плане художественной реставрации» работа по подготовке этого сборного текста «должна рассматриваться как некое творческое занятие» (более подробно см.: [Мөхәммәтҗанова: 2019]). Мы далеки от возможности

отделить ту часть эпоса, которую внес этот «реставратор», от основной аутентичной его части. Причина проста: различные версии, записанные от народа, остаются неопубликованными в собранном виде. В этих условиях нам придется работать с опубликованными вариантами. Заранее предупреждаем – по вышеуказанным причинам к этим опубликованным текстам следует относиться с определенной осторожностью. Честно говоря, только сравнительное изучение всех национальных версий эпоса «Идегей» – а такой научной работы пока нет в мире – позволило бы оценить содержание основного, аутентичного эпоса, то есть его инвариантную часть. Однако, как уже упоминалось, наука, занимающаяся фольклором тюркских народов, еще не достигла такого уровня. Поэтому наши исторические наблюдения, которые будут представлены ниже, должны рассматриваться как несколько ограниченные.

Эпос «Идегей» является многогранным и очень сложным произведением, отражающим трудное время, поэтому в нашей работе мы не сможем проанализировать все его нераскрытые стороны; однако, если мы исследуем и перечислим некоторые исторически значимые сюжеты, наша задача будет выполнена.

Если говорить о главном сюжете дастана «Идегей», он выглядит следующим образом. В государстве Золотой Орды (в эпосе также упоминается как «Ак Урда»), в «стране Ногай, возникшей от татар», между ханом Тохтамышем и «хромым» (аксак) Шахом Тимуром (то есть Аксак Тимуром, главой племени Барлас), правившим в Самарканде, возникает конфликт. Основой этого конфликта становится тайная передача яиц знаменитой охотничьей птицы – «Черного сокола/Төкле Аяк» хана, Аксак Тимуру через сокольничего хана Котлыкия бия, который был смотрителем охотничьих птиц (в дастане он упоминается как отец Идегея). Когда это предательство раскрывается, Тохтамыш приговаривает Котлыкия бия к смерти. В это время один из приближенных хана, би Жантимер, жертвует одним из своих сыновей, чтобы спасти младенца Котлыкия бия, и начинает воспитывать Идегея вместе со своими детьми. Выросший под другим именем Идегей служит Тохтамышу,

но, в конце концов, их отношения портятся, и когда раскрывается, кто он на самом деле, он сбегает к Шаху Тимуру (Аксак-Тимуру) и он, спасая по дороге его дочь, начинает служить этому эмиру. Тем временем оставшийся на родине сын Идегея Норадын (Нур-ад-Дин) идет к отцу, и затем они с отцом приходят с войском против Тохтамыша, к ним присоединяется и Шах Тимур. После захвата дворца хана Норадын находит и убивает сбежавшего Тохтамыша. Затем отношения между Идегеем и Норадыном ухудшаются; сын отделяется от отца и решает вернуться, чтобы стать ханом, но не получает разрешения. В конце концов он выгоняет отца из дома, воспользовавшись этим Жанбай би передает Норадына сыну Тохтамыша Кадыйрбирде. Затем Идегею приходит известие об этом. После этого сначала убивают Норадына, а затем между Кадыйрбирде и Идегеем происходит сражение, в котором побежденный и раненый Идегей во время бегства оказывается схваченным Кадыйрбирде и убитым.

Хотя это и поэтическое изложение, в исследуемом дистане описываются крупные сражения между государством Аксак Тимура и Золотой Ордой, а также события после этих времен. Каждое событие, отдельные элементы и сюжеты, представленные в описаниях, имеют важное значение и они содержательны. Чтобы это понять, необходимо изучить их по отдельности, выявляя тонкости исторического потока того времени и раскрывая суть основных событий.

§2. Что такое «ал тәхет»?

В исследуемом дастане несколько раз упоминается «ал тәхет»/«алый престол, трон», на котором сидит хан. Например, в начале сюжета эпоса говорится о Тохтамыше, хане Золотой Орды (1380–1397/98):

...Туктамыш хан килгәндә
Ал тәхетка менгәндә,
Ал тәхетнең аркасы –
Алтын егач тутый кош
Сайран телгә килгәндә.

...Когда пришел Тохтамыш,
Когда поднялся на *ал тәхет*,
На спинке которого –
Золотом покрытый деревянный попугай
Запел, обретя язык [Идегей: 1988. Б. 39].

Из текста дастана видно, что этот престол находился в «ханском дворце». Далее этот же престол появляется в описании захвата города Сарая Аксак-Тимуром. Точнее, речь идет о том, что во время этого завоевания к Аксак Тимуру из Болгара приходит Идегей. Когда Идегей спрашивает об Аксак-Тимуре, один из его приближенных говорит ему:

Шах Тимерне сорасан,
Шах Тимердәй олы хан
Алтын агач тутый кош

Ал тәхетне алдырып

.....
Сәмәрқандка юнәлде.

Если ты спрашиваешь о Шах Тимуре,
О большом хане, как Шах Тимур,
Забрав позолоченную птицу попугая
Вместе с алым троном

.....
Направился в Самарканд, – говорится [Там же. Б. 170].

В третий раз хотя уже было указано, что он был перенесен в Самарканд, тот же престол упоминается, как появившийся в Сарае, точнее, в ханском дворце. В этом случае речь идет о том, что сын Идегея Нуретдин (Норадын / Ир Норадын / Морадым) приходит в Сарай с намерением стать ханом:

*Алтын сарай, хансарай,
Хан сарае ак ишек,
Ир Норадын килгәндә,
Ал тәхеткә менгәндә,
Ал тәхетнең аркасы –
Алтын егач түтый кош
Сайран телгә килгәндә.*

Золотой дворец, ханский дворец,
Ханский дворец с белыми дверями,
Когда пришел Ир Норадын,
Когда поднялся на ал тәхет,
Находившийся на спинке золотого престола –
Позолоченный попугай
Запел, обретя язык [Там же. Б. 219].

В последний раз этот престол упоминается в эпизоде с вопросом к Кадырбериде, сыну Тохтамыша (он является реальной исторической личностью), уже после смерти хана, когда он обращается к одному из его приближенных по имени *Киң Жанбай*:

*Туктамышың бие идең,
Бүген кемгә би булдың?
Алтын ташлы тәхетенә
Бүген кем углын мендердең?*

Ты был бием Тохтамыша,
Кому ты сегодня стал бием?
На золотом украшенном престоле
Чьего сына ты сегодня поднял? [Там же. Б. 220].

Как видно, в исследуемом дастане упоминается определенный престол – тахет (*тәхет*), который находился в ханских дворцах (ханский золотой дворец) Золотой Орды.

В эпосе это понятие имеет два различных обозначения: «ал *тәхет*» и «алтын ташлы *тәхет*». Семантически эти два термина на самом деле близки друг к другу, так как татарское слово «ал» означает не только цвет (обратите внимание, что русское слово «алый» происходит от него), но также может означать «хороший, красивый, прекрасный» (например: «Наши дела прекрасны – ал да гөл»). Кроме того, само понятие «алтын» помимо прямого имеет и другое значение – оно может означать «хороший, красивый/прекрасный, ценный» (например: «алтын бала», «алтын кеше», «алтын куллыш» и т.д.).

В дастане «Идегей» также имеется понятие «алтын ташлы *тәхет*». Поэтому мы можем рассматривать «ал *тәхет*» в дастане как одно и то же сооружение, что подтверждается тем, что этот престол находится внутри Золотого дворца/«Алтын сарай» (ханского дворца). На наш взгляд, «ал *тәхет*» является лишь сокращенной версией понятия «алтын ташлы тахет». Это предположение можно обосновать и иначе: если указанный в произведении престол покрыт «красным» (ал) золотом (по-русски – «червонное золото»), то это особенно подчеркивает данное утверждение.

Таким образом, перед нами появляется «алтын(ал) тахет», символ власти в Золотой Орде. Следовательно, в дастане «Идегей» речь идет о том же самом престольном месте, которое упоминается и в дастане «Туляк и Сусылу». Однако в последнем эпосе появляется очень интересный

новый элемент – это «алтын егач тутый кош», который может издавать звуки, как птица, находясь на спинке этого престола. Во-вторых, хотя в дастане говорится о том, что «ал тахет» был перенесен в Самарканд, видно, что он остался на своем прежнем месте. Это означает, что этот «золотой престол» был «привязан» к своему прежнему месту – городу Сарай. Его связь с этим местом может быть объяснена тем, что он был связан с династией Чингизидов. Действительно, в исторических источниках упоминается место, связанное с городом Сарай, то есть политическим центром Золотой Орды, которое называется «Саинов стул» (где «Саин» – это Бату хан). Не является ли это тем самым «золотым троном» «ал / алтын тахет»?!

Когда сын Тохтамыша Кадыйрбирде спрашивает у бия/бека по имени *Киң Жәнбай* (его племя – кенегес), кого он поднял на престол, вспоминается о том, как карачи беки поднимали ханов на него. Действительно, как указывает баварец И. Шильбергер, служивший солдатом в Золотой Орде в конце XIV – начале XV веков, обряд возведения хана на такой престол «Золотой Татарии» («Алтын Татария») заключался в следующем: «...короля (хана – Д.И.) ...сажают на белый ковер и трижды поднимают. Затем его носят во-круг палатки [и поднимают] и садят на престол, дают золотой меч. После этого он клянется по их обычаям» [Шильбергер: 1984. С. 44].

В заключение следует отметить: читая дастан «Идегей», когда мы встречаем понятие «ал тахет», мы должны понимать, что речь идет о центре власти в Золотой Орде. Это означает, что даже в период формирования дастана среди тюрко-татарского народа сохранялось понимание исторического значения этого символа.

§ 3. О «государственной птице»

Чтобы понять, что стоит за строками о «государственной птице», помещенной как заголовок в начале этой главы, нам необходимо вспомнить основной сюжет эпоса «Идегей».

Начало дастана связано с письмом, которое Аксак-Тимер (в эпосе он точно обозначен как «эмир племени Бырлас») отправил Тохтамыш хану. В этом письме содержатся такие слова, произнесенные Аксак-Тимером в адрес хана:

Жәектан ашу Ак Тұбә,
Иделдән ашу Күк Тұбә,
Күк Тұбәдә – ак сарай;
Анда утырган Туктамыш –
Ул Туктамыш син булсан,
Сине баккан мин булсам,
Тұрына кунған Төкле Аяқ
Тұғыз йортка дан булса,
Аны миңа тапшыргыл.

«После Жаека – Белая гора,
После Иделя – Голубая гора,
На Голубой горе – белый дворец;
Там сидит Тохтамыш –
Если ты, Тохтамыш,
Пивший мой кумыс,
Если я буду твоим покровителем,
То Төкле Аяқ, сидящий на насесте (*туғры*)

Если он будет славен для девяти юртов,
То передай его мне» [Идегэй: 1988. Б. 12].

По мнению комментаторов к дастану, *тұгры* – это дерево, на которое садится птица (другие варианты – «*tur/turghach*») [Там же], поэтому существо, названное «*Təkleg Ajaq*», – это птица. Именно эту птицу, известную на дальних просторах, требует от Тохтамыша Аксак-Тимер. В ответ на такое грубое письмо, разгневанный Тохтамыш напоминает о своем происхождении от Чингисхана и о том, что Аксак-Тимер всего лишь эмир, и говорит в письме [Там же. Б. 13]:

*Kara лачын Тəкле Аяқ,
Сиңа булмас, Шах Тимер.*

«Черному соколу *Təkleg Ajaq*,
Тебе не быть, Шах Тимер».

Таким образом, в дастане речь идет о Черном соколе, который далее связывается с охотничими птицами, а хранителем этих птиц называется Котлыкыя би (отец Идегея в дастане). После этого Тохтамыш решает испытать двух птенцов от этого Черного сокола (= «*Təkleg Ajaq*») и в этот момент понимает, что они не родились от известной охотничьей птицы, и говорит Котлыкыя бию:

*Aу лачыным караган
Котлыкыя син булсаң,
Салган ике йомыркасын
Оядан алған да син икән!*

«Если ты, Котлыкыя,
Смотрел за моим охотничим соколом,
Ты ведь забрал два яйца
И взял их из гнезда!» [Там же. Б. 17].

Более того, он обвиняет Котлыкыя бия в том, что он передал этих птенцов Аксак-Тимеру, сказав, что он продался

за золото (деньги) и перешел на сторону Шах Тимера. Когда Котлыкыя пытается оправдаться перед ханом, разгневанный Тохтамыш говорит ему:

*Күш канатты алтын таж,
Күз урынында гәүһәр каши,
Чыңғыздан килгән дәүләт коши
Бу башымда түгелме?*

«Золотая корона с двумя крыльями,
Вместо глаз – драгоценные камни,
Разве не на моей голове
Находится государственная птица,
Идущая от Чингиза?» [Там же. Б. 18].

Таким образом, вместо реальной охотничьей птицы «Төкли Аяк», происходящей от «Черного сокола», в дастане внезапно появляется золотая корона с двумя крыльями (по описанию у нее даже есть глаза из драгоценного камня), и ей придается очень важное значение – эта корона на голове хана сопоставляется с некой «государственной птицей», идущей от Чингиза/Чингизхана.

Давайте запомним этот образ птицы, точнее – образ «государственной птицы», как и «золотую корону», идущих от Чингизхана, и продолжим следить за развитием сюжета дастана, поскольку Тохтамыш хан хочет узнать у Котлыкыя, почему он продался. В ответ хану Котлыкыя выдвигает два обвинения: во-первых, торговые связи ухудшились, и как бы не поступает богатство; во-вторых, он дважды переместил их людей (владения) через Идель в неудобное место. В конце он говорит:

*Йорттан йортым күчкәне –
Бездән ырыс киткәне,
Күштан кошиң күчкәне –
Сездән дәүләт киткәне*

«Когда мой юрт переместился –
Счастье (ырыс) покинуло нас,

Когда твоя птица переместилась –
Государство ушло от вас» [Там же. Б. 20–21].

То есть, по мнению Котлыкыя бия, перемещение его юрта – его владения с одного места в другое соответствует уходу счастья (*ырыс*), а перемещение птицы из гнезда (*куштан*) соответствует уходу государства от хана. Котлыкыя признает свою измену и заявляет о готовности понести наказание [Там же. Б. 21]:

*Бер башымны ике итеп,
Ике ханга баш орсам,
Ул да булса, ханиям,
Йорттан абруй киткәне,
Чабучы булсан, баш – менә!
Түгүче булсан, кан – менә!*

«Если я свою голову раздвою
И поклонюсь двум ханам,
То это будет, о ханиям,
Лишением чести моего юрта,
Если ты будешь отрубать голову – вот она!
Если ты будешь убивать – вот тебе (моя) кровь!».

Перед тем как получить наказание, хан говорит Котлыкыя бию [Там же]:

*Син дә кичә би булдың,
Бүген килеп, син дә бер
Улем белән тиң булдың –
Токымыңны ораен! – дип.*

«Ты ведь вчера был бием,
Сегодня ты
Смерти равен!
Уничтожаешь ты свой род!».

После этих слов Тохтамыш приказывает уничтожить Котлыкью и весь его род. Таким образом, завершается

первая часть дастана; в дальнейшем образ птицы «Төкле Аяк» больше не упоминается, «золотая корона» в облике «птицы государевой» также в других частях дастана не появляется.

На самом деле, название «Төкле/Йонлы аяк» на первый взгляд может показаться означающим «Шершавая (төкле = шершавая)/Мохнатая ножка», однако его истинное значение должно быть иным. Это подтверждается татарской фразеологией «төкеле аягың белән кер», что переводится как «входи с добром, принося счастье». Таким образом, в имени упомянутой выше птицы, вероятно, заложено именно это последнее значение. Но остается вопрос: о какой «государственной птице» идет речь в дастане и почему охотничья птица из рода черного сокола важна для Тохтамыша хана? При поиске ответа на поставленный вопрос, нам не следует забывать, что мы имеем дело с эпическим миром. Однако между двумя упомянутыми видами птиц – охотничьей птицей – черным соколом и «государственной птицей» – птицей с крыльями, впаянными в золотую корону с глазами (камнями) существует некая, пока нам не явная, связь.

Чтобы начать разбираться в ней, нам нужно вновь обратиться к дастану «Туляк и Сусылу», где упоминается «золотой трон», который находится на вершине Балкантау и где кружила птица «миңзлик кош» (ее род – это шонкар/белый сокол). Напомним, что в определении этой птицы также содержится понятие «деньги, монета», то есть подразумевается «птица, чеканенная на монетах/деньгах». Следовательно, здесь также появляется «государственная птица», не так ли? Мы полагаем, что действительно можно прийти к такому выводу, но прежде чем сделать это, необходимо рассмотреть некоторые нюансы данного вопроса.

Прежде всего, обратимся к произведению «Дәфтаре Чыңғыз-намә». Как известно, там приводятся не только племенные знаки (уран, дерево, птица, тамга) беков Чингизхана, но и его собственные особые атрибуты. Вот они: уран – ян каба (jan qaba), дерево – чинар, птица – двуглавый черный сокол, тамга – голова птицы. Интересный момент заключается в том, что знаки племени Кият, откуда проис-

ходят предки Чингизхана, в этом источнике указаны иначе: уран – *арујан* (*arujan*), дерево – *карагай*, птица – *шонкар*, тамга – *ашамай* (*ašamay*). Такое различие можно объяснить двумя способами: 1) Поскольку Чингизхан происходил из определенной ветви племени Кият – рода бурджигин, возможно, у этой ветви были другие знаки; 2) Когда указанное племя поднялось до высшей степени в Великой Монгольской империи и заняло преобладающее положение среди других племен, его знаки могли измениться. Действительно, некоторые факты позволяют сделать такой вывод. Например, в природе не существует двуглавых птиц, следовательно, этот атрибут является искусственным. Таким образом, другие знаки рода Чингизхана также могли быть выдуманы.

Тем не менее, название птицы Чингизхана в «Дәфтаре Чыңғыз-намә» – «черная птица/черный сокол» – напоминает имя птицы Тохтамыш хана из уже упомянутого датана («кара кош»/«черный сокол»).

Однако вопрос не так прост, поэтому для его решения нужно обратиться и к орнитологии. Дело в том, что хотя татарский «каракош» относится к семейству ястребиных, он также носит другое название – «черный орел». Эти виды птиц принадлежат к одному семейству ястребиных. В то же время сокол относится к другому отряду – семейству соколиных (*Falconidae*). Таким образом, черный сокол и орел – это птицы одного семейства. Следовательно, «черный сокол» Тохтамыш хана не совсем совпадает с «черным соколом» Чингизхана. Правда, цветовая характеристика – «черный», здесь общая.

Тем не менее, следует помнить, что птица «шонкар», являющаяся древним племенным знаком рода Чингисхана, относится к семейству ястребиных. В этом контексте нельзя игнорировать «черного сокола» Тохтамыш хана. Если рассматривать этот вопрос с данной точки зрения, то возникает следующий вывод: при исследовании различных названий птиц проявляются две культурные традиции – монгольская традиция работает с птицей, именуемой шонкар, входящей в ряд соколов, в то время как тюркская традиция выделяет черного сокола, относящегося к орлам

и ястребам. Вероятно, в дастане «Идегей» мы видим слияние этих двух культурных традиций. Однако и в этом случае остается нерешенной одна проблема: в древней монгольской традиции птица Чингисхана изображается белой (*ак шонқар*), а в «Дэфтаре Чыңғыз-намә» она известна как черная (*каракош/черный сокол*). Здесь возможны два объяснения: либо это просто разные названия одного и того же вида птиц, либо мы сталкиваемся с отражением двух различных этнокультурных традиций (монгольской и тюркской). Если верно последнее, то в дастане «Идегей» наблюдается синтез этих двух традиций – «черный сокол» все еще относится к ряду соколов, но по цвету он уже ближе к «черному орлу», то есть к орлам и ястребам.

Кроме того, необходимо остановиться на тамге Чингисхана. Как уже упоминалось, он известен в татарской исторической традиции как «голова птицы». И это не случайно – если исследовать монеты потомков Бату-хана («дома Бату»), то на них изображена птица с клювами, направленными в разные стороны (в некоторых случаях эти клювы можно прямо заметить). Вот они: рис. 2. А во времена Узбека и Джанибека на тех же монетах явно изображается двуглавая птица. Именно это и есть «двуглавый черный сокол» (мы полагаем, что именно от него происходит и «двуглавый орел» на русских гербах). В научной литературе существуют различные объяснения появления таких изображений на монетах Золотой Орды (например, через влияние Византии), однако их также можно рассматривать как древний племенной символ Чингисидов, основавших это государство. То есть двуглавая птица – черный сокол – может происходить от белого шонкара, от рода Чингисхана. Их знаки также должны были быть связаны с изображением этой птицы (но не забываем: птица и тамга – это два разных объекта). Рассматривая это таким образом, вопрос о птице Тохтамыша хана в дастане «Идегей» приобретает совершенно другой смысл.

Во-первых, птица с парными крыльями, прикрепленная к «золотой короне», оказывается символом государства, связанным с древней монгольской традицией и птицей сульдэ рода Чингисхана (так как она появляется

Рис. 2

на монетах, значит, она уже функционировала как герб). А эта птица связана с духом племени, рода и, следовательно, с его судьбой (счастьем и благосостоянием). Хотя реальный «черный сокол», изображенный как охотничья птица, также может отражать символическую тотемную птицу.

Таким образом, Котлыкия би, отправляя «птенцов государственной птицы» в чужие земли, предает не только своего правителя Тохтамыш хана, но и государство Золотую Орду, а также род Чингисидов, являющийся там политической элитой.

Поэтому мы должны рассматривать оба ряда птиц в дистане – реальные и символические – вместе, поскольку речь идет на самом деле об одном и том же: о судьбе государства, где символическое значение и реальная действительность исторически взаимосвязаны. Это означает, что в вопросе о птицах в эпосе заложен глубокий смысл.

§ 4. «Эра Тохтамыша»: вопрос о знатных татарах

При изучении дастана «Идегей» необходимо помнить, что во второй половине XIV и в начале XV века правящим народом Золотой Орды были татары, обладавшие сложной структурой, разделенной на племена и роды. Эти роды, в свою очередь, делились на более знатные (самые элитные – это племена, дающие карачабеков, их было, как ранее говорилось, четыре) и менее знатные. В период правления Тохтамыш хана и во времена Идегея точное число этих племен неизвестно – в начале XIV века их было не менее 60–70 [Исхаков, Измайлова: 2007. С. 132–133]. Возможно, к рубежу XIV–XV веков это число выросло до 90 и более (смотрите далее), поскольку по данным о существующих племенах – а численность татар, разделенных на роды и племена в Золотой Орде, к середине XIV века достигала как минимум 2–2,8 миллиона [Там же. С. 166], наблюдается их разветвление. Однако из-за того, что этнические корни этих племен и их место в обществе Золотой Орды были различными, они не могли участвовать в государственных делах на равных.

С этой точки зрения, анализируя дастан «Идегей», мы можем сделать довольно много новых выводов для науки. Конечно, для достижения этих результатов потребуется значительное усилие, так как информация в эпосе представлена с характерными для дастанов особенностями и не всегда ясно и прямо изложена. И, как в каждом эпосе, здесь время – хронология не идет в реальном порядке, а следует эпическим закономерностям, то есть исторические личности, жившие в разные эпохи, могут быть пред-

ставлены как действующие одновременно, что, конечно, затрудняет «охватывание» исторической реальности, стоящей за этими эпическими героями. Не забывая об этом, нам сначала следует обратиться к исторически более определенным событиям, представленным на основе источников, и изучить упомянутых в них личностей. А затем уже можно остановиться на политических группах, которые остались в историческом тумане.

Если мы сначала рассмотрим освещение в дастане смерти Идегея, это будет более удобно. Судя по дастану, когда сын Тохтамыш хана Кадыйрбирде был убит во время сражения Идегеем, затем сбежавшим, некий человек по имени «Барын мырза», обращаясь к «биям Тохтамыша», говорит:

*Идегайне кем жиңса,
Житеп башын кем алса –
Хан тагына ул менәр!*

«Кто победит Идегея,
Кто отрежет ему голову –
Тот снова станет ханом!» [Идегэй: 1988. Б. 240].

После этого «двенадцать старейшин и шесть биев» гонятся за Идегеем и найдя его в тростниках у озера, сильно ранят; когда его состояние ухудшается, Барын мырза подходит к Идегею и убивает его:

*Барын мырза бер житеп,
Идегайне бер чапты.
Башы тәненнән аерылып,
Тәгәри биреп аны әйтте...*

«Барын мырза подошел,
Идегея одним ударом сразил.
Голова от тела отделилась,
Она покатилась и сказала...» [Там же. Б. 243].

Хотя покатившаяся голова успела произнести несколько загадочных слов, после этого Идегей умирает. Затем в дастане приводятся такие строки:

*Идегайнең башын кискән Барын булды,
Башын китергән Шырын булды.*

«Голова Идегея была отрублена Барыном,
Его голову принес Шырын» [Там же].

Для глубокого понимания этой части дастана нам необходимо обратиться к некоторым историческим источникам. Однако прежде чем начать их исследование, давайте взглянем на версию дастана «Идегей», сохранившуюся среди крымских татар. В ней более подробно рассказывается о вышеописанном событии. Вот как развиваются события в этой версии: Шырын мырза обращается к Барын мырзе с просьбой о передаче отрубленной головы Идегея и берет на себя ответственность за убийство, обещая «освободить» мырзу от мести. Однако, получив голову, Шырын мырза убегает, и его приводят к Кадырбирде, после чего он получает подарок – статус «хукумдара» (правителя). Барын мырза же остается просто «мырзой». Об этом негативном результате Барын мырза говорит в дастане, утверждая, что Шырын мырза воспользовался делом, выполненным другим человеком, и убийство Идегея «не сослужило службу Барыну».

Затем он произносит слова из версии дастана, записанной в Волго-Уральском регионе, или, возможно, добавленные из версии крымских татар:

Идель юрты деврильди,
Яу устюне яв кильди.
Эдиге айткан кунь кельди,
Чынгъызыңң къойган хан дагъы
Хан (правильно – кан – Д.И.) дагъына айланды.
Алтын Орду таркъалды,
Хан сарайы къалмады.
Кърым, Къазан, Аждаркан
Айры-айры иль болды.

Волжский юрт разрушился,
Войска приходили за войсками.
Пришел день, о котором вещал Эдиге,
Поставленный Чингизом ханский престол,
Золотая распалась Орда,
Не стало ханского дворца.
Крым, Казань, Аждархань
Сделались самостоятельными элями [Крымтатар: 1991. Б. 56].

На самом деле, исторические источники также говорят о вышеупомянутом эпизоде 1419 года, связанном с убийством Идегея, и мы можем из них узнать некоторые детали этого события. Например, в труде Кадыйр-Гали бека «Жамигыт-тәварих» (1602) есть такие строки: «Идеге би в возрасте шестидесяти трех лет скончался. Он был ранен в битве с Ка-дыйрбирде ханом, а Барин Сарай убил его». Таким образом, имя лица, убившего Идегея – Сарай, и он является представителем рода Барын. Также из труда Утемиши-хаджи «Каратаварих» (XVI–XVII века) видно, что когда раненый Идегей прятался у озера, его нашел Сарай бек (то есть он не только мырза, но и бек) и вытащил его из воды. В это время Идегей спрашивает его: «У вас есть хан?» – на что тот отвечает: «Тәңре рәхмәтигә барды» (то есть, что он умер). Идегей добавляет: «Что будет с вашим народом? Прежние падишахи от заботы о народе ушли» [Утемиши-хаджи: 2017. С. 146–147]. В последнем источнике других деталей не видно.

В целом, в варианте дастана «Эдиге бий», сохранившемся среди крымских татар (значительная часть которых, как известно, происходит от ногайцев), информация о смерти Идегея представлена более полно. Еще один ученый – историк Абдулгаффар Кырымлы из рода Шырын беков XVIII века, в своем труде «Умдәт ул-әхбар» предоставляет две новые информации по рассматриваемому эпизоду: во-первых, здесь прямо подтверждается, что Сарай бек является беком рода Барын; во-вторых, тем, кто принес голову Идегея хану, указан бек рода Шырын Ректимур (Үрәң-Тимур). «За это он награждается ханом Джанибеком» (вероятно, это Джалетдин), – говорится в источнике. А вот Сарай беку за это событие предоставляется статус бека-друга в Хаджи-Тархане [Там же. С. 103]. Однако Абдулгаффар Кырыми выражает сомнение относительно части этого сообщения о Уренг-Тимуре и утверждает, что он умер вскоре после Тохтамыша, а статус «баши карачы»/«главного карачи» переходит от Ректимура к Шырын беку Текене (Тегине) [Там же. С. 103–104].

Таким образом, в исторических источниках существуют некоторые противоречия относительно эпизода смерти Идегея. Тем не менее, основной поток событий и сюжетная линия совпадают с дастаном.

Исходя из имеющейся информации, мы теперь можем представить более глубокие сведения о двух знатных татарах – «Шырын мырзе» (в данном случае это беки: Уренг-Тимур или его сын Тегине) и «Барын мырзе» – Сарай беке. Для этого необходимо раскрыть социальные статусы этих беков и их родов в распадающейся Золотой Орде.

В первую очередь, для этого нам снова нужно обратиться к произведению Утемиш-хаджи «*Кара таварих*». В этом историческом труде упоминаются сыновья бека племени Шырын – Уренг-Тимура – Йахшы-ходжа и Тегине, которые находились при Кадыйрбирде и Джелалетдин ханах (оба – сыновья Тохтамыша). Затем в этом источнике описывается, как бек Тегине совместно с беком племени Конграт Хайдаром в условиях похода Улуг-Мухаммеда возвели на ханский трон [Утемиш-хаджи: 2017. С. 69–71]. Еще один знатный татарин – Айас бек, глава племени Кыпчак, вероятно, за свои успехи в войнах, получает статус даруга [бека] в Сарайчике от Улуг-Мухаммеда [Утемиш-хаджи: 2017. С. 77–78].

В одной из версий труда «*Дәфтаре Чыңғыз-намә*», написанного в Поволжье, уже упоминалось, что в эпизоде, связанном со смертью Идегея, также фигурируют Шырын бек Уренг (Үрәң)-Тимур и бек клана Барын Сарай [Исхаков: 2002. С. 34].

На самом деле, указанные личности были карачами при самом Тохтамыше и его наследниках. Поскольку представители этой династии также находились в Крымском ханстве, беки из четырех племен (Шырын, Барын, Аргын, Кыпчак) занимали место карачеев. На это есть исторические причины: как указывает Утемиш-хаджи в своем произведении «Чыңғыз-намә», именно перечисленные четыре племени («ил») считались «старыми идущими от предков владениями Тохтамыша» [Утемиш-хаджи: 1992. С. 114]. В этом случае подразумеваются племена-эли, выделенные Чингисханом во времена его правления. То есть персонажи «Идегея», именуемые «Шырын» и «Барын» мырзами, на самом деле являются эпонимами, представляющими эти племена и отражающими интересы карачи беков XIV–XV веков, поскольку именно эти племена тогда играли ключевую роль в политической жизни Золотой Орды – они возводили ханов на трон и выполняли военную службу.

Кроме того, мы считаем необходимым привести еще одну информацию. Существует источник, который был издан давно, но оставался вне внимания наших историков – это письмо митрополита Ионы из Москвы 1455 года к одному из аристократов, живущему в Казанском ханстве, сохранившееся [Акты: 1841. С. 497–498]. Его адресат называется «Шаптак Сараевич». Учитывая близкое родство Улуг-Мухаммеда хана с Тохтамыш ханом, этот человек также может оказаться родственником (сыном?) известного нам бека Барын Сарай (в Казанском ханстве Барыны, безусловно, были – см.: [Исхаков: 1998]). Таким образом, уже рассмотренные данные показывают, что другие упоминаемые в дастане знатные татары также заслуживают отдельного внимания, поскольку за ними могут скрываться татарские племена Золотой Орды. В некоторых случаях это видно явно, в других – без отдельного анализа это неясно. Прежде чем приступить к выполнению данной задачи, необходимо остановиться на одном из делений внутри государства Золотая Орда, о котором говорится в дастане.

В начале дастана есть такие строки о хане Тохтамыше:

*Татардан туган Нугай илендə
Туктамыш дигэн хан булды,*

.....
*Сарай дигэн каласы,
Сиксəн күчə арасы,
Сары мәрмəр Алтын Таши
Сигез йортка дан булды*

В Ногайской земле, рожденной от татар,
Существовал хан по имени Тохтамыш.

.....
Город, называемый Сарай,
С восемью переходами между ними,
Желтый мрамор Золотого Камня
Стал славным для восьми юртов [Идегэй: 1988. Б. 11–12].

Из приведенных слов в эпосе нам следует обратить внимание на понятие «восемь юртов», так как оно, на наш взгляд, указывает на важную проблему. Дело в том, что после того как эмир Аксак-Тимер («Бырлас Шах Тимер»)

написал письмо хану Тохтамышу, последний отправил ему ответное письмо, в котором говорится:

*Тұғыз йортка дан булған,
Кара лачын ау кошым
Сиңа булмас, Шах Тимер.*

О, Шах Тимер,
Для черного сокола,
Что стал славным для девяти юртов
Тебе не достался [Там же. Б. 13].

После этих слов он сам, обращаясь к Шах Тимеру, говорит:

*Сигез йортка сыймадың,
Тұғыз йортны куймадың...*

Ты не вместился в восемь юртов,
Не оставил [однако] девяти юртов... [Там же. Б. 14].

Из приведенной реплики становится понятно – «восемь юртов» находятся близко к владениям Аксак-Тимера (или уже входят в их состав), а «девять юртов» относятся к владениям хана Тохтамыша. Дальнейшие слова в эпосе полностью подтверждают только что приведенную мысль. Например, певец Субра-ерау говорит такие слова в адрес Идегея:

*Яу түбәгә баш егет,
Яшең утызга життәен,
Тұғыз йортка дан булдың.*

Ты, юноша, стал главой войска,
Не достигнув еще тридцати лет,
Славой ты стал девяти юртов, – говорит он [Там же. Б. 59].

В этом случае, безусловно, подразумевается, что под именем Идегея тот живет среди «юртов», расположенных в главных владениях хана Тохтамыша.

Однако в дастане также представлены другие варианты внутреннего деления Золотой Орды под названием «Ногайская земля». Например, время от времени в дастане упоминается «Туксан башлы Урда» (Орда с девяноста главами) хана Тохтамыша. Также в эпосе говорится: «Золотая Орда, Ак Орда – путь к шестидесяти юртам» [Там же. Б. 20].

Однако там чаще используется понятие «*туксан башлы Урда*». Например, когда Идегей борется за первенство среди молодежи, он говорит:

*Туксан башлы Урданың
Туксан уғылы бер булып.*

В Орде с девяноста главами
Собрались девяносто сыновей [Там же. Б. 28].

В другом месте дастана в словах Идегея Кин Джанбаю, действующему от имени хана Тохтамыша, снова упоминается та же «девяностоглавая» Орда:

*Туксан башлы Урдага
Тұнамый ия булмасам.*

Не смогу быть хозяином
В Орде с девяноста главами [Там же. Б. 85].

Та же самая численность повторяется и с 17 юношами, которые отправились с Идегеем и подтвердили его слова:

*Сине йорттан аерган,
Байтак куган Туктамыш
Туксан башлы урдасына
Тұналмый ия бұлтырысның.*

.....

Тот, кто отдал тебя от юрта,
И много раз изгнал Тохтамыш,
Сможешь быть хозяином
В Орде с девяноста главами.
.....[Там же. Б. 92].

Упоминание этой «девяносто главой Орды» в эпосе в последний раз встречается в таких строках:

*Азамат ир Туктамыш –
Унике ире алдында,
Тұғыз ире артында
Туксан башлы урдасын
Тәңре хөкеменә тапшырып,
Дәрвазасын яптырып,
Шәһәренә кереп камалды*

Герой Тохтамыш –
Впереди с двенадцатью мужами,
С девятью мужами за спиной,
Передал свою Орду с девяноста главами
На волю Творца,
Закрыв ворота,
Заперся в своем городе [Там же. Б. 154].

Из этих строк становится понятно – «туксан башлы»/ «девяностоглавое» объединение, организованное как Орда, было характерно для ведущих кочевой образ жизни золотоордынских татар.

На основе информации из дастана можно более конкретно представить вопрос о «девяти юртах», о котором упоминалось выше. Речь идет о «девяти мужах» или «девяти богатырях» хана Тохтамыша. Впервые в дастане их упоминают как «ханскую свиту», когда жена хана Йанике, обращаясь к хану Тохтамышу, говорит, что для выяснения, кто такой Кобогыл (на самом деле – Идегей), необходимо провести «свадьбу» (собрать курултай): «Позови своих девятирных мужей» [Там же. Б. 45]. Не сумевший выяснить, кто такой Кобогыл, Тохтамыш хан вызывает к себе бия Тугача, сына Туктара. Когда тот не смог разгадать загадку, он говорит:

Тұғыз батыр аласы
Кыпчак биен ә бар бұлыр,
Белсә белер Кыпчак би.

«У тебя есть старший,
Глава девяти богатырей Кыпчак би,
Который, возможно, знает» [Там же. Б. 48–49].

В эпосе приводятся качества Кыпчак бия как воина (ножи, железные доспехи – қөбә, копья), и добавляется: «Кыпчак би, родившийся от Муйтен» [Там же. Б. 49]. Это означает, что этот би, стоящий во главе «девяти», принадлежит к племени (или народу) Муйтен. Далее, когда Субрапевец (*eray*) объясняет Тохтамышу, почему необходимо догнать Идегея, который сбежал в владения Аксак-Тимера, в дастане говорится, что хан «собрал девять мужей», и когда они сели на лошадей для выполнения приказа, все они были «биями» [Там же. Б. 73]. В это время Тохтамыш хан

приказывает Кин Джанбаю, сыну Кемала, захватить Иде-
гея и говорит:

*Әй тұғыз ip, тұғыз ip!
Жәнбай белән бара күр!
Алдап-йолдан Идегәйне
Үз кашыңа ала күр!*

«О девять мужей!
Идите вместе с Джанбаем!
Обманом захватите Идегея
И приведите его к себе!» [Там же. Б. 75].

Из текста дастана видно, что Кин Джанбай б. Кемал был «советником», «старшим бием» и считался «старшим атальком» Тохтамыша [Там же. Б. 22, 49–50, 52, 115]. Однако он, похоже, не входил непосредственно в состав «девяти мужей». Таким образом, вывод таков: девять «мужей/богатырей» – все они были «биями» (беками), во главе их стоял Кыпчак би («родившийся от Муйтена»), но также в этом объединении участвовал и старший би Джанбай (*Киң Жәнбай*), сын Кемала. Здесь уже становится понятно, что речь идет о каком-то важном разделении внутри Золотой Орды, однако для раскрытия его значения нам нужно понять суть названной «девятки».

На самом деле в дастане наблюдается попытка нескользко раз перечислить «девятерых мужей/богатырей» отдельно. Хотя эти списки не совпадают полностью друг с другом, между ними есть общие черты (см. таблицу I). Информация в них раскрывает одну из тайн этой «девятки»: на самом деле эти «мужи/богатыри» – все они бии/беки – скрывают за собой татарские племена, поскольку Кыпчак, Аргын, Дурмен (*Дөрбән*), Кинегес (Кенегес), Тюмен – это названия татарских племен (элей), существовавших в Золотой Орде. В связи с этим нам стоит в первую очередь обратить внимание на три списка имен «девяти мужей/богатырей», которые приводятся в дастане (I–III). Первый из них кажется наиболее полным. Однако в нем тоже не девять названий, а 11 (в версии II – 10, в версии III – 8). Возможно, если из этого списка исключить две позиции под названием «би» юрта и «государственный би», – в этих случаях подразумеваются

не племенные вожди, а лица с административными полномочиями – тогда получится «девять». Однако, поскольку в дастане в рассматриваемом списке также используется понятие «улус би» в отношении мырзы Барына, очень близкое к понятиям «юртовский/государственный би» – этот вопрос становится еще более сложным.

Для более убедительного обоснования данного вопроса нам необходимо обратиться к версиям дастана, распространённым среди ногайцев (таблица 2). Из таблицы видно, что, по сравнению с версиями дастана, записанными у татар Поволжья и Сибири, в эпических вариантах у ногайцев список племён представлен иначе. Во-первых, он более конкретен, во-вторых, списки различаются между собой (самый полный вариант представлен в таблице 2, вариант I). Однако и здесь некоторые позиции племён неизвестны, а за некоторыми (тысяча, сотня) стоят род-племя или военное деление, что невозможно определить. В любом случае, если исключить последние две позиции из списка, получится та же самая «девятка».

Тем не менее, в эпосе «Эдигэ», записанном среди ногайцев, появляются также другие племена: Кыргыз, Мангыт, Алчын, Конграт, Керей (Герей, Кыпчак-Герей), Тамалы (Тама?), Келеши, Барын [Эдигэ: 2016. С. 32, 56, 75, 158, 210, 239]. Таким образом, и в этом случае «девять богатырей» не так легко перечислить. Однако среди них мы предполагаем наличие кланов Кенегес, Шырын, Барын, Аргын, Кыпчак (из Муйтена или Герента), Найман, Уйшын (возможно, ветвь группы – Тумен), Канлы и Дурмен. На самом деле абсолютное большинство этих племён (кроме кланов Дурмен и Барын) являются тюркскими племенами.

Как бы то ни было, собранная информация поможет глубже понять смысл «девятки» и может привести нас к весьма интересным выводам.

Для этого, в первую очередь, необходимо обратиться к списку знатных татар (титулы – беки), сохраненному в «Дәфтәре Чыңғыз-намә». В нем упоминаются имена 10 беков, однако в 6 случаях эти имена являются эпонимами племен. Вот они: 1) [Уйшын] Майкы би, 2) Калдар би, 3) Урдуж (Ордач) би, 4) Кыбчак (Кыпчак) би, 5) Тамайан

Таблица 1
«Девять мужей/батыров» в дастане «Идегей»

Исемлекнөң версияларе					
Nº	I	II	III	IV	V
1	Мәйтеннән туган Кыпчак би	Мәйтеннән туган Кыпчак би	Мәйтеннән туган Кыпчак
2	Исәнтәй улы Ходайбирде би	Исән углы Ходайбирде	...
3	Кара Күжә Аргын би	Аргынның углы Кара Күжә	...
4	Кәмалның улы Кин Жәнбай	Кәмалның улы Кин Жәнбай	...	Кәмалның углы Жәнбай	Кәмалның углы Жәнбай
5	Яңгұра – йорт бие	Яңгұра – йорт бие	Яңгұра – йорт бие
6	Илтәрәс – ил бие	Илтәрәс – ил бие	Илтәрәс – ил бие
7	Айбалталы Дәрмән би	Айбалталы Дәрмән би	Айбалталы Дәрмән би
8	Байназар – диван бие	Байназар – диван бие	Байназар – диван бие
9	Кинегесле Кәрим би	Кинәгесле Кәрим би	Кинегесле Кәрим би
10	Үймавыттан Үмәр би	Үймавытта Үмәр би	Үймавыттан Үмәр би
11	Тармавык тан Тәмән би
I – версия: Идегей 1988. Б. 142.	Күшназар-кош бие
	Аланғасар Алман би	Алаңғасар Алман би
II – версия: Идегей: 1988. Б. 116, 121.	Чакмагыштан – Чакалы би
	III – версия: Идегей: 1988. Б. 155-156.	Акның угылы Булат
		Алчагыр угылы Мырзә
IV – версия: Идегей: 1988. Б. 205.	Соргантай угылы Субра
	V – версия: Идегей: 1988. Б. 221.	Олыс бие – Барын
		Орыш бие – Шырын
		Тәмән башы – Түйбак
		Аждарканнын – Мулай

§ 4. «Эра Тохтамыша»: вопрос о знатных татарах

(Төмэн / Тэмэн) би, 6) Кирайет би, 7) Буркыт (Буртак) би, 8) Тимер Котлы би, 9) Муйтен би, 10) Теленгут / Таленгут / Тангут би [Ivanics, Usmanov: 2002. Р. 49; Мирастан: 2011. Б. 75]. В другой версии того же источника также приводится список из 10 беков (5 имен-эпонимов), но там есть некоторые различия с вышеупомянутым списком: 1) Майкы би, 2) Калдар би, 3) Уркеш би (возможно, это Урдач), 4) Кыпчак би, 5) Тамиан би, 6) Кереит би, 7) Кунрад (обратите внимание!) би, 8) Темиркутлу би, 9) Тулак би, 10) Теленгут би [История Чингиз хана: 1907. С. 131]. В обоих случаях эти беки отправляются на поиски Чингиза под давлением старших и их ведет Уйшын Майкы би. На самом деле «Кунрад би» из второго списка не мог там находиться, поскольку в первой версии «Дәфтаре Чыңғыз-намә» указано, что 4 бека отказываются от поиска Чингиза – это Кунгырат би, Кытай би, Салчут би и Кыят би [Мирастан: 2011. Б. 48; Ivanics, Usmanov: 2002. Р. 49]. Все они отражают названия монгольских племен.

Если мы восстановим полные названия племен из списков в дастане, получится следующий результат: 1) Уйшын, 2) Кимак (возможно – Албыр / Ольбер), 3) Мен, 4) Кыпчак, 5) Тумен, 6) Кирайет, 7) Буркыт, 8) Тангаур, 9) Муйтен, 10) Теленгут / Толенгут. Если задуматься, почти все они «настоящие татары», то есть тюрки. Из различных списков как монгольские можно выделить только племена Мангыт (под вопросом), Дурмен и Барын. Тем не менее, если не учитывать Калдар бека б. Балын бека из кимаков (он был из племени Албыр), перечисленные «юрты» являются «надежными» или «старыми» (пришедшиими со времен Чингизхана) племенами, и их беки оказываются близкими к Чингизидам. Возможно, здесь мы должны объяснить многочисленность тюрков на основе этнического состава «татар» Улуса Джучи.

Если среди перечисленных племен – «девятки» выделить одно (в данном случае представителя племени Кенегес), то таким же образом Уйшын Майкы би в «Дәфтаре Чыңғыз-намә» также выделяется среди других, поскольку за свои заслуги Чингизхан дарует ему титул «бека» [История Чингиз хана: 1907. С. 131; Мирастан: 2011. Б. 49; Ivanics, Usmanov: 2002. Р. 51].

Таблица 2

«Девять батыров» в дастане «Эдиге»

Варианты			
№	I	II	III
1.	Мен Болат батыр	–	–
2.	Йөз Ногай батыр	–	–
3.	Хырювның Буган батыры	–	–
4.	Найман Касай батыры	–	–
5.	Үйсын Нуқай батыр	–	–
6.	Байрабастның Толыш улы Янмухамбет батыр	–	–
7.	Кыпчак Куба батыр ⁴	–	–
8.	Канлы Кара Байысы	–	–
9.	Шырын Сылу-Мамбет	–	–
10.	Мангыт Манька йырав	–	–
11.	Кенгесе улы Кер-Янбай бий	Джанбай сын Кобая из племени кенегес	Кенегестин Кен Жанбай
12.	–	Омрук-Тимир из племени киргиз	
13.	–	Кара-Ходжа из Крыма, аргын	
14.	–	Дженгай-Кусса из племени кипчак	Каракыпчак Копланды
15.	–		Мүйтеннән чыккан Косдавлет
16.	–		Эсентай улы Кудайберди батыр
17.	–		Акбалтыр улы Увак
18.	–		Монжир улы Чувак

⁴ По другим данным – «предок девяти Гиреев», то есть ветвь клана Кыпчак-Гирей.

Таким образом, «девятку» мы можем рассматривать как 1+8, что соответствует числам «девять юртов», «девять мужей/батыров» в владениях Тохтамыша хана. Согласно монгольскому историческому источнику Лубсана Данзана, когда глава племени Кенегес (Кингит) Хукин нойон был назначен ответственным за западную часть Улуса Джучи, под его командованием находилось 8000 воинов [Лубсан Данзан: 1973. С. 232]. Это означает 8×1000, а тысяча была значимой группой воинов в Монгольской империи. У Рашид ад-Дина также указано, что племя Кенегес (Кингит) входило в состав 4 тысячных отрядов Улуса Джучи [Рашид ад-Дин: 2002. Т. I. Кн. 1. С. 172]. Однако этот историк показывает, что в этом регионе военные силы правой стороны (*барунгар*) возглавлялись Уйшын Майкы бием [История татар Западной Сибири: 2015. С. 123–124]. Это отражается в «*Дэфтаре Чыңғыз-намә*», где Уйшын Майкы би сидит справа от Чингизхана. Следовательно, племена Кенегес и Уйшын (и их беки) считались равными и отвечали за запад в Улуса Джучи. Поэтому не случайно, что в дастане «Идегей» именно этот регион представлен «девятью мужами/батырами», возглавляемыми Джанбаев б. Кемалом из племени Кенегес [Эдигэ: 2016. С. 31–32, 41, 56, 61 и др.]. Не зря в некоторых версиях этого эпоса его называют не только «везиром, великим везиром» [Там же. С. 180, 185, 244], но и «великим бием» хана Тохтамыша, «главой курултая», «первым советником», «самым мудрым бием» [Там же. С. 61, 137]. Кроме того, в эпосе он иногда представлен как «высший би Кенегеса», «ушедший из Кенегеса» [Там же. С. 31–32, 90, 160]. Это означает, что он был «выше» племени Кенегес и, вероятно, в какой-то период был беком/великим бием, контролировавшим Белую Орду – западную часть Золотой Орды, что, как мы увидим, имело историческое основание.

А что же подразумевается под другим владением Аксак-Тимура, которое не входит в «восемь юртов»? В любом случае это владение не похоже на земли самого Аксак-Тимура, поскольку в дастане Тохтамыш хан говорит о нем такие слова:

*Асылсыздан туган Тимер би
Сәмәркандақ шаһ булса,
Унике йортка баш булса*

«Тимер би, рожденный от недостойных,
Если станет шахом Самарканда,
Будет главой двенадцати юртов» [Идегэй: 1988. Б. 115].

Как видно, во владениях Аксак-Тимура оказывается не восемь, а двенадцать «юртов». Более того, «восемь юртов» рассматриваются в эпосе вместе с Золотой Ордой:

Алтын Урда, Ак Урда

.....
*Сарай дигэн каласы,
Сиксән күчә арасы,
Сары мәрмәр Алтын Таш
Сигез йортка дан булды*
.....

«Золотая Орда, Белая Орда

.....
Город под названием Сарай,
Восемьдесят переходов между ними,
Желтый мрамор Золотого Камня
Стал славой восьми юртов
.....» [Там же. Б. 12].

Тем не менее, из письма Тохтамыш хана, отправленного Аксак-Тимуру, видно, что эти «восемь юртов» имеют какое-то отношение к Шаху Тимеру, который «сидит в Самарканде», и к «амиру Барласу» (амиру племени Барлас):

*И Шах Тимер, Шах Тимер,
Тешен җитсә, таш кимер!
Сигез йортка сыймадың,
Тугыз йортны куймадың*
«О Шах Тимер, Шах Тимер,
Если сможешь, камень грызи!
Ты не уместился в восемь юртов,
Не оставил девять юртов» [Там же. Б. 14].

На наш взгляд, под «восьмью юртами» в эпосе подразумеваются племена левого крыла Золотой Орды – бывшей Кок-Орды. Это можно подтвердить не только данными из дистана, но и другим историческим источником – записками Ибн Баттуты (1304–1377). Когда он находился в Хорезмском

вилайете, он наблюдал и описывал судебный процесс, проходивший в политическом центре этого региона – городе Хорезме. Ибн Баттута указывает, что на судебных заседаниях, проходивших ежедневно в резиденции великого эмира Котлы-Тимура (Кутлудумура), присутствовали кадии и юристы, а также (обратите внимание!) «старший эмир, рядом с ним 8 [других] старших эмиров и тюркские шейхи (юристы)» [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. 1. С. 146]. Очевидно, что эти 8 «старших эмиров», участвующих в судебных делах, могли быть беками основных 8 племен этого региона. Возможно, один «старший эмир», не входящий в это «восьмерку», участвовал в суде как представитель «великого эмира» Котлы-Тимура (по племени, вероятно, был Кыйатом – см.: [Исхаков: 2009. С. 39–40]). Если мы примем эту гипотезу, то упомянутые в поэме «девять юртов» и «восемь юртов», то есть это основные племена Золотой Орды – и их общее число составят 17. Именно это число помогает нам опереться на еще одну информацию из записей Ибн Баттуты.

В 1334 году (событие произошло 2 июня) этот историк присутствовал на большом празднике (вероятно, курултае) в районе Биштау (Бишдаг / Пятигорск) (подробнее см.: [Исхаков: 2011]). Во время этого праздника, наряду с другими обрядами и церемониями, Узбек хан проводил инспекцию военных формирований, напоминающих военный парад (речь идет о туменах / десятитысячных военных объединениях). В этом событии участвовали 17 эмиров / глав туменов (темников)! (см.: [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. 1. С. 138]). Под их командованием, как видно из источника, находилось 17 десятитысячных (17×10000) войск.

В этом контексте стоит обратиться к еще одному источнику. Речь идет о новой версии «Дәфтәре Чыңғыз-намә» (см.: [Мустакимов: 2009]). Теперь этот источник опубликован в полном объеме (см.: [Чыңғызнамә: 2019]). В нем под заголовком «Имена беков во времена Джанибека хана» перечисляются некоторые знатные татары (включая известных нам Шырына Урук-Тимура, Аргына Кара-Ходжу и Барына Сарай-бия). Их число также составляет 17! Хотя перечисленные беки не все жили во времена хана Джани-

бека [Исхаков: 2009. С. 4–35], это число имеет значение, поскольку оно подтверждает вышеизложенные выводы.

Таким образом, деление Золотой Орды во времена Узбек хана и Джанибек хана на «девять юртов» (правое крыло – Ак Урда) и «восемь юртов» (левое крыло – Кок Орды) сохранилось вплоть до рубежа XIV–XV веков. Данные из дастана «Идегей» это ясно демонстрируют.

Теперь давайте остановимся на понятии «девяностоголовая Орда». На наш взгляд, за ним стоит число племен и крупных родов, существовавших в Золотой Орде в определенный период (в начале XV века). Как уже отметили историки [Султанов: 1977], в государстве Шибанидов (у «кочевых узбеков») в XVI веке существовало деление на 92 племени и рода, известное как «илатийа» (что означает – кочевники) (это также можно увидеть в труде Ахсиценди «Маджму ат-таварих» – [Сайф ад-дин: 1996. С. 6–17]). Шибаниды, возглавлявшие «кочевых узбеков» (то есть народ, оставшийся от Узбек хана), до начала XVI века (точнее, до 1509–1511 годов) жили на Урале, в Западной Сибири и в казахских степях, а затем только переместились на юг – в земли наследников Аксак-Тимура. Учитывая это, мы можем предположить, что эти 92 рода/племени отражают «девяностоголовую» Золотую Орду. Верно, что в поэме «Идегей» также упоминается, что Орда Тохтамыша – Ак Урда, была «шестидесятиголовой» (в ногайской версии: [Эдигэ: 2016. С. 79]). В версиях эпоса, записанных среди поволжских татар, также указывается, что «Ак Урда» была «путем к шестидесяти юртам» [Идегей: 1988. Б. 20]. Речь идет о том же самом объекте – о числе племен в Золотой Орде. Однако в последнем случае мы можем предположить, что речь идет о числе племен для более раннего периода – середины XIV века или XIII века. Например, как отмечает ан-Нувейри (1279–1333), к 1316 году под властью Узбек хана было 70 эмиров – глав туменов [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. 1. С. 84].

Теперь нам снова нужно вернуться к 9 «мужам / богатырям / бекам» из эпоса «Идегей». В тексте дастана перечисленные беки (в некоторых случаях вместо их имен стоят названия племен – эпонимы) на самом деле могут быть историческими личностями. Например, Кара-Ходжа

(Кара'ужа), считающийся «главой аргынов», согласно произведению Шарафаддина Али Йезди «Зафар-наме» (1424/1425), приходит к Тимуру от имени беглого Тохтамыш хана. В источнике четко указано, что он был «из слуг этого хана» [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. 1. С. 66]. Это событие происходит перед смертью Тимура в 1405 году в городе Отран. На самом деле *Kara'ужа бек* позже вместе с Улуг-Мухаммедом поселился в Казанском вилайете, а его род остался и в Крымском ханстве. Мы более подробно остановимся на этом вопросе при анализе дастана «Чура батыр» (смотрите о аргынах в Казанском ханстве: [Исхаков: 2002]). Уже упоминались «Барын мырза» и «Шырын мырза». Мы выяснили, что Барын мырза был беком племени Барын. Шырын мырзой, вероятно, должен был быть бек Тегине. Однако в некоторых версиях ногайского эпоса «Эдигэ» Шырын Сылув-Мамбет представляется как «богатырь» этого племени. В общем, в зависимости от региона записи имени и племена «мужей / богатырей» из дастана «Идегей» могут несколько различаться. Но самое важное здесь – их число – «девятка». Но это число тоже не является стабильным. Этот вопрос является весьма интересным и требует дальнейшего рассмотрения.

Теперь нам нужно перейти к другому вопросу – о различных названиях Золотой Орды и причинах их возникновения.

§ 5. Золотая Орда, Белая Орда и Серая Орда...

При изучении эпоса «Идегей» возникает возможность высказать новое мнение по еще одному достаточно сложному и в научной среде не до конца разрешенному вопросу. Речь идет о собственном названии Улуса Джучи. В основе текущих споров лежат несколько проблем: во-первых, это вопрос о делении на две части – Белую (Ак) и Голубую (Кок) Орды – и о том, как называлась каждая из этих частей; во-вторых, это возникновение термина «Золотая Орда» (в русском языке это перевод термина «Алтын Урда», в англоязычной литературе, как калька с русского, «Golden Horde») и причины, по которым такое название стало общим наименованием для Улуса Джучи. В связи с этим также стоит вопрос о правильности мнения, что понятие «Алтын Урда / Золотая Орда» вошло в историографию через русскую литературу [Кушкумбаев: 2017-а. С. 356]. Основой последнего мнения является русский источник, известный как «Казанская история / Казанский летописец», относящийся ко второй половине XVI века, поскольку в этом произведении действительно встречаются названия «царство Златыя Орда царя Ахмата», «Золотая Орда», «великие Орды Златыя» (см.: [Казанская история: 1954. С. 45, 49, 53, 55]). Однако это мнение опровергается информацией из работы одного европейского автора. В данном случае мы имеем в виду баварского солдата Иоганна Шильбергера, который служил в Улусе Джучи во времена Идегея. Этот автор, описывая данное государство, использует термины «Алтын Татария / Золотая Татария» и «Великая/Улуг Татария/Великая, Большая Тата-

рия» или просто «Татария» [Шильтбергер: 1984. С. 33–34, 43, 44–46]. Поскольку понятие «Татария» можно рассматривать как «земля татар», можно понять, что оно обозначает объединение татар, организованное как «Орда» [Исхаков: 2007а]. В общем, «Татария» является калькой с термина «Орда». Таким образом, уже в начале XV века для Улуса Джучи использовались два названия – «Алтын / Золотая Татария / Орда» и «Олуг (Великая) Татария / Орда». На самом деле в труде «Казанский летописец» также используются те же термины (где «великие Орды Златыя» отражает понятия «Улуг / Великая» и «Алтын / Золотая Орда / Татария»). Если мы обратим внимание на еще один документ – письмо Тохтамыш хана великому князю Литвы и королю Польши Ягайло, написанное в 1393 году, мы увидим, что Золотая Орда называется там «Олуг Олыс» [Özyetegin, Kemeloglu: 2017. S. 40–41]. Здесь «Олыс» отражает понятие «Орда».

Наличие этих двух рядов названий – «Алтын» и «Олуг» Олыс / Урда – требует объяснения, поскольку взаимосвязь между этими двумя терминами не совсем ясна. Ранее взаимосвязь между ними объясняли через наименование политического центра Чингизидов, правивших в Улусе Джучи, посредством обозначения ставки, связанной с термином «золотой» (см.: [Федоров-Давыдов: 1973. С. 64–67; Исхаков, Измайлова: 2007. С. 83–84]). Хотя это мнение в целом верно, оно не объясняет некоторые аспекты рассматриваемого вопроса – например, каковы были взаимосвязи между понятиями «Ак Урда» и «Алтын Урда». Очевидно, что между этими двумя терминами есть содержательные различия, их значения не идентичны. Поэтому нам необходимо обратиться к дастану «Идегей», так как содержащаяся в нем информация, по нашему мнению, может дать более полные и исторически точные ответы на вышеуказанные вопросы.

В вариантах дастана «Идегей», обнаруженных среди татар, есть такие строки:

*Алтын Урда, Ак Урда
Алтмыш йортка юл иде*

«Алтын Урда, Ак Урда
Шестидесяти юртам был путем» [Идегэй: 1988. Б. 20].

Здесь термины «Алтын Урда» и «Ак Урда» используются как взаимозаменяемые, эквивалентные понятия. Однако понятие «Алтын Урда» в татарских версиях эпоса встречается также отдельно, например, в его последних строках:

Вариант татар Идель-Урала и Сибири:

*Кырым, Казан, Эждаркан
Башлы-башлы ил булды,
Алтын Урда таралды*
«Крым, Казань, Аждаркань
Стали отдельными государствами,
Золотая Орда распалась» [Идегэй: 1988. Б. 245].

Вариант крымских татар:

*Алтын Орду торкъалды,
Хан сарайы къалмады.
Кърым, Казан, Аждархан
Айры-айры иль болды*
«Золотая Орда распалась,
Ханский дворец не остался.
Крым, Казань, Аждархан
Стали отдельными государствами» [Крымтатар: 1991. Б. 57].

В вариантах дастана, распространенных среди других народов, этот термин – «Алтын Урда» – не встречается, в том числе и у ногайцев. Однако, у них есть другой термин – понятие «Ак Урда». Например, в ногайских версиях эпоса есть упоминания «алтмыс/туксан басты Ак Урда» [Эдигэ: 2016. С. 79, 84, 302]. Подобный термин также встречается в казахских версиях дастана – «Еңесі биік Ак Орда», «Алты канат Ак Орда» [Кушкумбаев: 2015. С. 41; Эдіге: 1989. С. 90]. Напомним, что среди татар Идель-Урала также наблюдается термин «алтмыш/туксан башлы Урда», но он не обозначается как «ак». Тем не менее, в татарском эпосе «Идегей» термин «Ак Урда» все же появляется. Это видно из слов самого Идегея, обращенных к своему сыну Морадыму (Нур-ад Дину):

*Алтын тауга барғанмын,
Түрә булып алғанмын,
Халкын жысп алып килеп,
Ақ Урдага салғанмын, – ди Идегэй*

*«Я на золотую гору ходил,
Как чиновник взялся,
Собрав народ и приведя,
В Ак Урду посадил», – говорит Идегей [Идегэй: 1988.*

Б. 21].

При обсуждении исследуемого вопроса следует отметить один нюанс использования в эпосе понятий «Алтын Урда» и «Ак Урда»: термин «урда» применяется в отношении ханской ставки и стремится приблизить его к этому понятию. Например, в дастане «Идегей» говорится:

*Алтыннан суккан урдасын,
Көмештән суккан ишеген
Тәссе сүйк чын булат
Очы белән ачмасам...*

*«Золотом выбитая урда,
Из серебра сделанная дверь,
Цвет холодный – истинная сталь,
Если я не открою её...» [Там же. Б. 85].*

Такое же значение вложено и в ногайских и казахских версиях:

Ногайский вариант:

*Алтындан сокган ак орданын
Көмештен соккан ак эсик
Түбссе сувык чын болат*

*«Золотом выбитая белая орда,
Из серебра сделанная белая дверь,
Цвет холодный – истинная сталь...» [Эдигэй: 2016. С.84].*

Казахский вариант:

*Алтын соққан Ақордаң,
Күмістен соққан ақ есіқ*

«Золотом выбитая Ак Орда,
Из серебра сделанная белая дверь» [Кушкумбаев:
2017 а. С. 359].

Судя по всему, в данном случае речь идет не о государстве или народе, а о ставке – шатре, юрте. Таким образом, открываются два значения термина «Алтын Урда/Ак Урда»: с одной стороны, он обозначал политическое объединение – государство, с другой стороны, он указывает на его политический центр – хансскую ставку.

Такую же ситуацию мы можем наблюдать и по термину «Боз Урда» / «Бүз Урда», который используется в эпосе параллельно. Во-первых, в татарских, казахских и ногайских версиях дастана вместо «Ак Урда» также используется название «Боз Урда». Например, «Инәсе биек Бүз Урда» [Идегей: 1988. Б. 78, 81], «Энегесе бийик Боз Урда» [Эдигэ: 2016. С. 38, 85, 163, 183, 211, 278], «Еңсесі биік Боз Орда» [Кушкумбаев: 2015. С. 40]. С одной стороны, здесь речь идет о государстве, и термин «Бүз / Боз Урда / Орда» как будто заменяет понятие «Алтын Урда / Ак Урда». Казахский историк А.К. Кушкумбаев подчеркивает это, указывая на то, что термин «Бүз / Боз Урда / Орда» имеет значение «белесоватый / светлый», и что это образный метафорический термин, использовавшийся вместо понятия «Ак Урда» [Кушкумбаев: 2015. С. 41], что особенно подтверждает эту точку зрения. Но с другой стороны, понятие «Боз Урда» также имеет значение термина «политический центр, ханская ставка». Например, в ногайских версиях дастана есть такие строки:

Каслы, каслы, каслы орда
Босагасы боз орда,
Босагасы болаттан,
Болатка алтын ялаткан

«Каслы, каслы, каслы орда
Порог боз орды,
Порог из булата,
На булат нанесено золото» [Эдигэ: 2016. С. 214, 289].

В этом случае имеется прямая смысловая аналогия с ранее приведенным предложением о том, что эта «Урда» сделана из «золота», а ее дверь – из «серебра». Также термин

«Алты канат Ак Орда», встречающийся в казахских версиях дастана, можно интерпретировать не как государство, а как ставку – шатер, поскольку в Алтын Урде / Ак Урде не могло быть «шести крыльев», их было только два (правое и левое крыло). Еще одним интересным понятием является «Иңасе биек Бұз Урда / Ак Урда». При переводе этих слов А.К. Кушкумбаев переводит слово «иңәне» вместе со словом «биек» как «высоковерхая», «высокая, просторная» [Кушкумбаев: 2015. С. 40–41], намекая на необходимость рассматривать это как термин, обозначающий государство. На самом деле это понятие также скорее указывает не на государство, а на ханскую ставку, шатер/юрту. Именно края этого шатра – его «иңгәләре» – должны быть высокими. Например, в одной из ногайских версий дастана (сохранившейся только на русском языке) Джамбай говорит Идегею: «Приходи к Тохтамышу хану и припади к его ногам в его высоком (внимание! – Д.И.) белом шатре» [Эдигэ: 2016. С. 56].

Теперь мы можем внести ясность в рассматриваемый вопрос, опираясь на исторические материалы. При выполнении этой работы мы будем ссылааться на наши предыдущие исследования (см.: [Исхаков: 2014] и работы А.К. Кушкумбаева [2015; 2017 а; 2017 б; 2017 в]). Некоторые детали последующих мыслей следует проверять в тех статьях, если они здесь не упомянуты.

Понятие Ак Урда

Исторические источники содержат информацию о том, что в XIII веке в центре, где находился трон владения Джучи, ханская ставка имела белый цвет, что указывает на шатер/юрту. Например, Абуали Шафи б. Мухаммед (умер в Каире в 1329/30 году) в своих летописях пишет о послах, пришедших к султану Бейбарсу от хана Берке: «Они объяснили ему (султану – Д.И.) все, о каждой должности отдельно, равно как и о том, что у него (у Берке – Д.И.) войлочный шатер, в котором помещается 500 всадников и который внутри отделан жемчужинами и драгоценными камнями» [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. 1. С. 70]. Об этом большом «войлочном шатре» (юрте) более подробно пишет аль-Муфаддаль, египетский летописец (информация относится

к 1259–1341 годам), описывая посольство Бейбарса во время правления Берке хана. Этот автор говорит: «...царь Берке ...находился в большом шатре, в котором помещается 100 человек (в других вариантах – «500 человек / всадников»), покрытом белым войлоком (вот она, Ак Урда! – Д.И.), внутри обитом шелковыми материями и китайками и украшенным жемчужинами и драгоценными камнями. Он (хан) сидел (там) на престоле...» [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. 1. С. 92–93, 97]. Этот шатер также видели Плано Карпини и Вильгельм Рубрук. Первый автор, находясь при ставке Бату, упоминает «шатры» и говорит: «...они были очень большими и красивыми, сделанными из ткани, которые раньше принадлежали венгерскому королю» [Карпини Плано Джованни: 1997. С. 73]. Это указывает на то, что речь идет о военных трофеях. Тот же шатер описывает Вильгельм Рубрук: «...нас ввели в середину палатки... [Там Бату] сидел на троне, который был широким, как постель, и полностью был позолочен...» [Де Рубрук Вильгельм: 1997. С. 117]. Из текста становится понятно, что внутри шатра также находился трон, покрытый золотом. Поэтому основываясь на трудах арабского путешественника Ибн Баттуты мы можем постепенно перейти от «Ак Урды» к «Алтын Урде».

Понятие «Алтын Урда»

Ибн Баттута, побывавший в Улусе Джучи во время правления Узбек хана, основываясь на своих личных наблюдениях, описывает ханский шатер: «...в пятницу, после молитвы» хан «садится в шатер, называемый золотым (то есть, это – Алтын Урда – Д.И.), украшенный и великолепный». Шатер «состоит из деревянных решеток, покрытых золотом..., в центре которого стоит деревянный трон, покрытый золотом (помните фразу «золотой» из вышеупомянутого текста? – Д.И.); его ноги сделаны из серебра, а верхняя часть украшена драгоценными камнями», – говорит этот автор. Ибн Баттута продолжает: «Султан (Узбек хан – Д.И.) садится на этот трон». Далее он с большими деталями указывает, кто (жены хана, дети, беки) где сидит в шатре [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. 1. С. 132–133].

Таким образом, перед нами возникает описание политического центра процветающего Улуса Джучи – ханской ставки «Алтын Урда». Этот большой шатер использовался в местах кочевья, а зимой ханы и их беки жили не в степи, а в городе Сарай, который был построен как столица. О зданиях, где они проживали (видя их своими глазами!), Ибн Баттута также сообщает о дворце султана (Узбек хана), он упоминает, что его имя было «Алтынташи», связывая первую часть названия с золотом, а вторую часть – с понятием «камень», переводя ее как «голова» [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. 1. С. 143]. В татарской версии эпоса «Идегей» также упоминается «Сары мәрмәр Алтын Таши» вместе с Сараев (вероятно, подразумевается город) [Идегэй: 1988. Б. 166]. Однако для правильного понимания этого места нам нужно обратиться к труду аль-Омари. Ибн Фадлаллах аль-Омари (умер в 1348/49 году) в своем историко-географическом произведении указывает на наличие «большого дворца», где зимой живут «царь и его приближенные», и отмечает, что это место окружено «стенами, башнями и домами эмиров», а также показывает, что на вершине ханского дворца завершается «золотым полумесицем» весом около «двух мисырских кантаров» [Золотая Орда в источниках: 2003. Т. 1. С. 109]. Возможно, поэтому название дворца было «Алтынбаш», что может означать «златоглавый/алтынбашлы». Этот дворец, связанный с золотом, А.К. Кушкумбаев предлагает рассматривать как зимний (стационарный) вариант официальной резиденции правителей Улуса Джучи [Кушкумбаев: 2015. С. 40]. Мы полностью согласны с этой мыслью.

Шатер под названием «Алтын Урда», действительно существовал, и из одного исторического источника мы можем узнать, когда он был уничтожен. Об этом сообщает Утемишхаджи в своем произведении «Чыңғыз-намә». Жена Узбек хана Тай-Дула бегим, после смерти хана, позвав Хызыр хана, когда тот стал ханом, «в качестве свадебного подарка ...поставила оставленный Узбек ханом и Джанибек ханом золотую юрту». Однако, когда Хызыр хан отказался взять ее в жены, Тай-Дула бегим начинает действовать против него. В этот момент разгневанный хан «разрушает золотую юрту

и решает разделить ее золото между своими казаками». Бегим отправляет к хану человека и говорит: «...пусть они этого не делают. Для человека, который был ханом, когда нет золота и серебра, эта [золотая юрта] – богатство. Пусть не разрушают здание, построенное другими хорошими людьми», – говорит она. Но Хызыр хан не слушает ее слов и разрушает юрту [Утемиш-хаджи: 1992. С. 112].

Таким образом, «Алтын Урда» / «Алтын юрта», являвшаяся политическим центром Улуса Джучи, исчезает. Возможно, информация в этом источнике имеет аллегорический смысл, то есть является знаком того, что Золотая Орда начала распадаться, но, тем не менее, здесь также отражается исторический факт – «Алтын Урда» действительно разрушается.

Понятие «Серая Орда»/«Боз Урда»

При исследовании значения этого понятия необходимо обратить внимание на один фрагмент из труда Утемиш-хаджи «Чыңғыз-намә» (об этом писал казахский и историк А.К. Кушкумбаев, см.: [Кушкумбаев: 2017]). Автор этого произведения, описывая взаимоотношения наследников Шибана, Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Уруса, приводит такую историческую легенду, где говорится, что Чингисхан устраивает юрты для сыновей Джучи и проводит курутай, на котором рассматривается вопрос о разделе Улуса Джучи. В это время Сайн хану (Батыю) отводится правое крыло (Идель и его вилайеты), а Эдженю (Орда-Иченю) – левое крыло (река Сыр и вилайеты вдоль нее). В это время Чингисхан ставит для сыновей Джучи такие юрты: «Юрту с золотым порогом он поставил Сайын хану [Батыю], юрту с серебряным порогом – Эдженю [Орда-Иченю], юрту с железным порогом – Шибану» [Утемиш-хаджи: 1992. С. 92, 93, 121]. По мнению А.К. Кушкумбаева, термин «өргә» обозначает монгольское понятие «урга», отражающее шатер правителей [Кушкумбаев: 2017-а. С. 356]. Поэтому полное название юрты, отведенной Батыю (Сайын хану), оказывается «Алтын бусагалы ак урга/урда». В названиях юрт последующих двух Чингизидов вместо «урга» уже используется слово «урда/орда». Обратим внимание на то, что название

юрты, отведенной Шибану, – «болат босагалы боз орда». Таким образом, здесь возникает понятие «Боз Орда».

Как отмечает А.К. Кушкумбаев, с которым можно согласиться, в этой легендарной истории символически обозначаются юрты – урды, которые были даны сыновьям Джучи, и через них определяется иерархия внутри рода Джучи: ханы Ак Урды с золотым порогом – Батуиды – старшие, а ханы Кок Урды с серебряным порогом – Ордуиды – находятся на более низком уровне. Шибанидов же оставляют на еще более низком уровне как ханов Боз Урды с железным порогом. Таким образом, хотя понятие «Буз Урда» в эпосе можно соотнести с термином «Ак Урда» (это также показывает семантическую близость слова «боз»/«буз» к значению «белый, светлый»; например, «акбуз ат» означает «лошадь светлого цвета»), оно может рассматриваться в некоторой степени и как самостоятельный объект. Однако, если рассматривать это с точки зрения сравнения цветов, то сначала следует предположить, что народ «Боз Урды» входил в «Ак Урду», то есть в правое крыло Улуса Джучи. Хотя по этому поводу ведутся споры, наше предыдущее мнение было высказано исходя из этой точки зрения [Исхаков: 2009; 2013]. Некоторые другие учёные также высказывали аналогичное мнение [Парунин: 2015]. В этом случае также стоит вспомнить посвящение жене хана Тинибека Малика ханбике в произведении поэта периода Золотой Орды Котба «Хөсрөү вә Ширин» [Котб: 2003. С. 36].

Если исходить из исторических источников, западная часть Улуса Джучи, где правили Батуиды, сначала называлась «Ак Урда» (это название связано с белым цветом ханской ставки – Ак чатыр/юрта/урда), а затем начала ассоциироваться с понятием «Алтын Урда» (это название связано с золотом, использованным для украшения «Алтын чатыр/урда»). Поэтому в дастане «Идегей» эти два термина используются как синонимы. Что касается понятия «Боз Урда», хотя оно и упоминается в исследуемом эпосе, но больше связано со значением «шатер/юрта/ставка». Возможно, оно в какой-то степени заменило термин «Кок Урда», который исчез, вероятно, в эпоху Узбек хана или немного позже. Эта замена могла

быть связана с тем, что после политического кризиса в Улусе Джучи в 60-х годах XIV века ханы из Шибанидов заместив Кок Орду (*Буз Урда*) вошли в правую часть государства и пришли к власти.

В целом, название «Алтын Урда» не является истинным наименованием Улуса Джучи; его правильное официальное название появляется в письме хана Тохтамыша, написанном в 1393 году – «Улуг Улыс». Именно это понятие затем стало основным наследником государства, упоминаемого в русских документах как «Большая Орда», которая сохранило «Саинов стул», то есть ставку Золотой Орды.

Тем не менее, хотя в дастане «Идегей» термины «Ак Урда / Алтын Урда» явно обозначают политический центр/хансскую ставку, их значение также отражает и государственное объединение. Например, в произведении Котба «Хөсрэү вэ Ширин» это государство называется «Ак Урда» [Парунин: 2015. С. 56; Котб: 2003. С. 39]. Поэтому мы можем наблюдать, что термины «Алтын/Золотая Татария/Улуг (Великая) Татария», используемые Иоганном Шильтбергером, относятся к Улусу Джучи, то есть к самому государству (см.: [Парунин: 2015. С. 55]). Из этого следует вывод: использование термина «Алтын Урда» по отношению к Улусу Джучи возможно, если правильно объяснить его происхождение.

По этому названию есть интересные сведения в исторических источниках. Например, в китайских источниках Улус Джучи называется «Цзинь жань хань» / «Ханство Золотой Юрты» [Кычанов: 2000. С. 157]. В свою очередь, это название связано с упомянутыми нами ранее терминами «Алтын юрта» и «Алтун босагалы Ак өргө/урда». Однако еще до Улуса Джучи термином – «Урду-и-заррин-и-бузург» / «Большая Золотая ставка» уже обозначалась ставка Чингисхана в Монголии в 1224 году. Вероятно, именно этот политический центр китайцы Пен Да-я и Сюй-Тин упоминают в работе «Хэй-да ши-лю» («Краткие сообщения о черных татарах»): «...Золотой шатер (палатка) может вместить несколько сотен человек...». Это также замечает Плано Карпини: «...был приготовлен ...шатер, называемый у них Золотой Ордой» (то есть это та же самая «Урду-и-заррин-и-

бузург» – Д.И.) [Исхаков: 2014]. Аналогичная ставка (одна летняя, другая зимняя) существовала и во время империи Юань при Хубилай-хане, о чём оставил описание Марко Поло [Поло Марко: 1998. С. 251, 261–263]. В конечном итоге, традиция установки этой ставки под названием «Алтын Урда»/«Золотая орда» уходит своими корнями в древние времена – она была известна и в древних тюркских ханствах [Кушкумбаев: 2017-б; 2017-в].

В дастане «Идегей» повторяется выражение «урда, сделанная из золота» [Идегэй: 1988. Б. 85; Эдигэ: 2016. С. 84], «порог дворца из золота», «порог из стали, покрытый золотом» [Эдигэ: 2016. С. 246, 263, 289], что свидетельствует о том, что старые духовные традиции между татарами и ногайцами на рубеже XIV–XV веков еще сохранялись. А слова сына Идегея Нуретдина, произнесенные Тохтамыш хану в версиях дастана крымских татар, еще более подтверждают это:

*Алтын Сарайны къурдургъан
Алтын босагъа аўойдырган –
Чыңгызын, – ди бер Чыңгызый*

«Тот, кто построил Золотой Сарай,
Золотым порогом его украсил –
Я Чингиз, – говорит один Чингизид» [Къырымтатар: 1991. С. 46].

Таким образом, если тщательно изучить и проанализировать дастан «Идегей», можно найти много новой информации, обогащающей наши исторические взгляды историю.

В следующем разделе мы остановимся на дастане «Чура батыр», который перенесет нас в эпоху татарских ханств, являвшихся политическими и культурными наследниками Золотой Орды в первой половине XVI века, то есть к периоду, наступившему примерно через столетие после событий, описанных в дастане «Идегей». У этого времени были свои проблемы и особенности, и у нас есть возможность увидеть и понять их через этот дастан.

Глава IV

Дастан «Чура батыр»
и содержащееся в нем
«предостережение будущим поколениям»

«Чура батыр» – это устно передаваемый переработанный эпос. Он отражает важные аспекты национальной идентичности в Центральной Азии.

Хасан Б. Паксой

§ 1. Изучение дастана «Чура батыр» и его краткое содержание

Эпическое произведение под названием «Чура (Чора ~ Шора) батыр» сохранилось у многих тюркских народов, говорящих на кыпчакском языке (у различных групп татар, башкир, ногайцев, каракалпаков, казахов). Оно освещает важный период истории тюрко-татар – речь идет о времени, когда государства, явившиеся политическими наследниками Золотой Орды, начали терять свою независимость.

В это время (напоминаю, что середина XVI века является последним столетием Средневековья, так как Новое время начинается с XVII века) татары вступили в серьезную конфронтацию с русскими. Об этом периоде мы в основном знаем только из русских источников, поскольку исторических источников, созданных татарским обществом, сохранилось немного (больше они известны по Крымскому ханству), и на протяжении многих лет официальные историки России игнорировали прежде всего те из них, которые освещали конфликты между Русским государством и татарами. Особенно это касается источников, освещавших идеологические вопросы. Поэтому значение эпических произведений, сохранившихся с XVI века, велико. Эти произведения, будучи «несанкционированными» [Paksoy: 1986. Р. 253] со стороны завоевавших татарские государства московских правителей, сохранили аутентичные взгляды предков татар на мир того времени. Как пишет известный турецкий историк и фольклорист Хасан Б. Паксой, в исследуемом произведении «Чура батыр», помимо других

проблем, также содержится «предостережение будущим поколениям» [Там же]. О чём же предостерегает нас этот дастан? Чтобы понять его суть, нам необходимо изучить особенности татарского общества XVI века и общий контекст жизни того времени через призму этого эпоса. Тогда станет очевидным, что одностороннее освещение исторического процесса русскими источниками не позволяет соединить историю XVI века, в которой жили предки татар, с современными поколениями без информации, сохраненной в дастанах, и без понимания прошлых взглядов татар на мир и исторические события. Дастан «Чура батыр» предоставляет достаточную основу для этого.

Изучаемый нами дастан был достаточно подробно исследован фольклористами, в том числе и в Татарстане (см.: [Урманче: 1995–1996; Ибраимова: 2002]). Например, в работе Л.Х. Ибрагимовой представлена история изучения национальных версий эпоса «Чура батыр». Так же подобная работа была опубликована в Казахстане [Корганбеков: 2014]. Это дает нам возможность обратиться непосредственно к основной проблеме – истории нашего народа, сохраненной в рамках дастана, к менталитету татар, характерному для острого поворотного момента XVI века, а также к историческим прототипам героев, действующих в этом дастане.

Сначала рассмотрим основную сюжетную линию изучаемого эпоса и остановимся на вопросах о его герое.

Исходя из версий дастана, записанных у татар (см.: [Татар халык иҗәти: 1984. С. 108–119; Татар эпосы: 2004. С. 386–398; Кърымтатар: 1991. С. 57–72]), данный эпос имеет следующее содержание.

Казый би, именуемый «олуг мирзой» «Дагестанского юрта», во время своего путешествия находит мальчика и называет его Нарэн/*Наррәң/Нарәң* (что означает «краснолицый» или «пламенный»). Этот мальчик растет под опекой бия. Казый би выдает за него Минсылу, отец которой именуется «*Кабак башы Кара үзән*». Позже брат Казый бия, Канмирза, влюбляется в Минсылу, и Нарэн батыр убивает того мечом за притязания на свою жену, далее батыр забирает свою жену и уходит в город «Хаджитархан», к Акча

солтану, где начинает жить. Однако и этот солтан также обращает внимание на его красивую жену, тогда Нарэн батыр убивает и его, снова сбегая. В это время у них рождается сын, которому дают имя Чура. В конце концов, они «прибывают в Крым» и остаются там. С раннего возраста Чура, вставая во главе детей, носит имя «батыр», его слава доходит даже до «Идельского народа». Взрослея, он уходит и похищает невесту Колынчака, с которой убегает. Позже они возвращаются и, с разрешения Колынчака, вступают в брак, а Чура обещает отдать свою сестру в жены Колынчаку, и они с женой снова уезжают в Крым.

Когда Чура батыр находится «на стороне Иделя», один человек по имени Гали (Али бек), прибывший из Акташа в Крым, угрожает Нарэн батыру, оскорбляет Минсылу и уходит. Когда Чура батыр возвращается, его отец рассказывает ему об этом. Услышав это, батыр убивает Гали бека, однако в результате ему приходится покинуть место и «в это время Чура батыр отправляется в Казань». Когда он прибывает туда, Колынчак батыр также оказывается там, и Чура, вступив в ряды других батыров, участвует в боях против русской армии, пытающейся захватить Казань. В это время братья убитого Гали бека в Крыму мстят за него и отнимают все богатства у Нарэн батыра, который оказывается в бедственном положении со своей женой Минсылу.

Чура батыр сильно беспокоит русских, оказывая им серьезное сопротивление в Казани. Они даже собирают своих астрологов (*мөнәжҗимнәр*) и решают узнать через астрологии, каким образом может наступить смерть Чура батыра. Находят способ: оказывается, его смерть связана с одной девушкой. Поэтому русские выбирают красиво одетую девушку и отправляют к нему; когда она забеременеет от него, ей предстоит сбежать обратно. Она так и делает, а вернувшись, рожает мальчика. Русские воспитывают его у себя, и сын Чура батыра начинает служить в русской армии.

В это время Нарэн батыр, не в силах вынести бедности в Крыму, приходит к своему сыну Чура в Казань. Поскольку он выглядит очень бедно, Чура сначала даже не узнает его. Затем он знакомит отца со своим войском различными хитростями. Слухи о Нарэн доходят до Шахали хана. Хан вы-

зывает Нарэн к себе, в знак уважения дарит ему подарки, стараясь удерживать этого батыра при себе.

В это время дочь Шахали, Сарыкани, раздает подарки батырам в зависимости от их ранга. Чура батыр получает лишь одну «золотую шкатулку», что вызывает у него недовольство, и он решает не идти на войну. Позже Сарыкани приходит к нему и говорит: «Открой эту шкатулку». Когда Чура открывает ее, он видит там очень хороший меч по имени «Кук чыбык» (Небесный меч) и, простиив девушку, сражается с врагами, пришедшими с войском. Шахали хан дарит его отцу много скота и сокровищ и отправляет его обратно в Крым, где Нарэн батыр устраивает большой праздник.

В это время Чура батыр дает Колынчаку тысячу овец и лошадей и говорит ему, что тому нужно отправиться в Крым, чтобы узнать о делах своих родителей и увидеть свою кузину Айсылу. Колынчак отправляется в путь. Когда он прибывает в дом Чура батыра, он находит жену батыра обнимающей другого юношу. Когда Колынчак возвращается и рассказывает об этом Чуре, батыр не может с этим смириться и направляется в Крым, намереваясь убить свою жену. Однако его кузина Айсылу говорит ему: «Это не юноша, а я; мы сделали это, чтобы заманить тебя в Крым». После этого Чура остается у себя дома на одну ночь, хотя его жена просит взять ее с собой, но он, оставив ее, возвращается в Казань.

Когда Чура батыр возвращается в город, весь народ куда-то убегает. На вопрос Чуры ему объясняют: «Мы бежим, потому что Казань захвачена». Тогда Чура начинает петь такую песню:

Мин Чурамын, Чурамын,
Тұрә түгел, карамын,
Асылымны сорасаң, –
Күкес углы Тамамән.

«Я Чура,
Не князь я, а простой (черный) человек,
Если спросишь о моем происхождении,
Я тата – сын Күкеса» [Татар халық ижаты: 1984. Б. 118].

После этого он приходит «в Казань» и побеждает врача. Узнав об этом, к нему приходят Шахали хан и Сарыкани. В это время русская армия снова нападает, и на этот раз с ними уже присутствует подросший сын Чура батыра, поэтому казанская армия не может одержать победу над московской армией. Наблюдая за этой битвой, Сарыкани вызывает Чуру к себе: «Ты жаждешь, приходи и попей воды», – говорит она. Чура отвечает ей с проклятием:

*Шаһали ханның йортты очен,
Сарыканиның күңеле очен
Күк чобарым арытмай,
«Күк чыбыгым» кара канга жәбетмәй,
Бу гавернең кереш күзле малаен
Иңрә-иңен ана Иделгә колатмай,
Бу гавер менә серен чыктырмай,
Ак мәсҗедләр салдырмай,
«Аллаһ»лат азан әйттермәй,
Морадыма житкермәй
Кайтмам да, кайтмам да.*

«Ради дома Шахали,
Ради сердца Сарыкани
Мой Небесный меч не сломается,
Не окрасится в черную кровь,
Этот мальчик с кривыми глазами
Не упадет в Идель,
Эта земля не выдаст своей тайны,
Не построит белых мечетей,
Не заставит произнести азан,
Не даст мне достичь моего желания.
Не вернусь, не вернусь» [Там же. Б. 119].

После этих слов Чура батыр снова бросается в ряды войск и сильно сражается, но не может убить своего сына и мучается. В этой жестокой битве нога его лошади ломается, и он не может остановиться; лошадь вместе с хозяином прыгает в Идель, и там Чура батыр «уходит под воду» и умирает. Умирая, Чура поет:

*Казан алды катлау-катлау кара су,
Камышлап төшеп идем сай да, дип.
Тирэн да юк, сай да юк,
Индеgeдэн арбаган [уңыш, бәхет] бездәй ирләргә
Казан атлы сар [шәһәр] да юк*

«Казанская вода слоями черная,
Я спускался по камышам.
Нет ни глубины, ни мелководья,
Для таких как мы, нет удачи,
Нет и города Казани» [Татар эпосы: 2004. Б. 398].

И он умирает.

В эпизоде о смерти Чуры в одном из устных вариантов дастана, записанном среди татар, есть такое дополнение: его лошадь получает рану от сына, сражающегося на стороне врага, и именно после этого Чура падает в Идель [Татар эпосы: 2004. Б. 398]. В версии дастана, записанной среди крымских татар, говорится, что отец и сын, сражаясь друг с другом, оба падают в воду и погибают [Кърымтатар: 1991. Б. 72]. Перед тем, как утонуть, не сумев одолеть своего сына, Чура батыр в этой версии эпоса говорит:

*Алай да достлар, алай да,
Алдангъанман малайгъа.
Къатип отсин кълычым.
Озюмден тувгъан балайгъа.*

«Тем не менее, друзья, тем не менее,
Я обманулся мальчику.
Пусть мой меч ударит
Сына, что родился от меня», – говорится в тексте [Там же].

В национальных версиях других народов также есть аналогичная информация о смерти Чуры. Например, в дастане «Шора батыр», записанном у ногайцев, говорится: «После этого на Казань надвигается враг. В этой битве Шора батыр сражается с юношами, и его черная лошадь

тонет в воде Эдиля» [Ногай: 1969. С. 79]. А в казахском варианте дастана «Шора» его смерть описывается иначе: после жестокой битвы с калмыками Шора исчезает из-за того, что Колынчак, замахиваясь на появившегося с восточной стороны драконоподобного змея, убивает его, и тогда земля поглощает Шору. На самом деле этот змей оказывается душой Шоры, как утверждается в дастане [Батырлар жыры: 1989. Б. 368–369].

§ 2. Кто такой Чора (Шора) ~ Чура батыр?

Как и в других исторических эпосах, у главного героя дастана Чура батыра есть реальный прототип. Вопрос о его личности был исследован в Татарстане сначала нами (см.: [Исхаков, 1994; 1997; 2002; 2022]), затем другими учеными [Урманче: 1995–1996; Ибраһимова, 2002; Мухаметзянова: 2022; Қорғанбеков: 2014]. В результате, сейчас довольно хорошо изучено, кем был исторический Чура. Однако это исследование шло и продолжается односторонне, поскольку понять место этого батыра XVI века в тюрко-татарских государствах невозможно без точного определения его племенной принадлежности. Об этом, к сожалению, написали только мы.

Следует отметить, что при анализе различных вариантов дастана можно оценить не только племенную принадлежность Чура батыра, но и обнаружить довольно длинное его родословие. Исходя из этих данных, также возможно выяснить его место в социально-политических структурах татарских государств, которые были политическими наследниками Золотой Орды. Это очень важно для феодальных обществ, поскольку в них положение человека связано с тем, к какому социальному слою, племени или роду он принадлежал. Таким образом, жизнь героя дастана «Чура батыр» начинает лучше пониматься. В целом, быт и мышление татар того времени открывают с новой стороны, и появляется возможность взглянуть на те вопросы, которые ранее были недостаточно поняты.

Эпический Чура батыр в Казанском ханстве первой половины XVI века соотносится с известным татарским феодалом – Чурой Нарыковым (так его фамилия указана в русских источниках), что в последнее время широко распространено в литературе [Исхаков: 1994; Урманче: 1995–1996; 1998; 2022; Ибраһимова: 2002; Қорғанбеков: 2014]. Однако еще совсем недавно информация о Чуре Нарыкове была известна в основном лишь в рамках работы М.Г. Худякова «Очерки истории Казанского ханства» (1923). В ней лишь упоминалось, что он был «талантливым государственным деятелем», а сообщение о нем ограничивалось тем, что Чура Нарыков участвовал в борьбе за трон в Казани в 1545–1546 годах [Худяков: 1990. С. 102–104, 110]. Однако на основании этой информации невозможно понять, кем был этот феодал и почему ему посвящен отдельный дастан. В более поздних работах по истории Казанского ханства также не написано ничего конкретного о нем [Алишев: 1990. С. 53; 1995. С. 81–847; Бахтин: 1998. С. 92–93; История татар: 2014. Т. IV. С. 320–321]. Фольклористами были использованы в работах лишь довольно ограниченные данные, приведенные этими историками [Урманче: 1995–1996; Ибраһимова: 2002; Қорғанбеков: 2014].

На самом деле о Чуре Нарыкове есть достаточно информации в исторических источниках, но она требует систематического изучения. Кроме того, в дастане «Чура батыр» содержится очень важная историческая информация, однако для ее поиска и объяснения необходимы концептуальное мышление о татарских ханствах и сравнительные материалы; без них извлечь что-либо значительное из этого уникального источника невозможно. По правде говоря, для понимания личности Чура батыра нужно собрать информацию из исторических русских и восточных источников и на основе них заново исследовать информацию, сохраненную в дастане, посвященному этому персонажу. Только в этом случае мы сможем раскрыть истинное лицо главного героя дастана и понять, почему он оказался достоин отдельного дастана.

Начнем с исторических источников, возникших в Великом Московском княжестве, так как именно они предо-

ставляют некоторые важные сведения о времени жизни Чуры Нарыкова, о прототипе эпического Чура батыра, а также позволяют определить год его смерти и точные даты его участия в государственной политике, что дает возможность рассмотреть жизнь этой личности в конкретных хронологических рамках.

Имя Чура впервые встречается в русских источниках в 1526 году – в марте этого года в Москву прибывает делегация из трех человек из Казани, и один из двух лиц, обозначенных как «князья», называется «Чура» [ПСРЛ: 1965. Т. 13. С. 45]. Перед этим событием в Казанском ханстве наблюдаются значительные политические изменения: в марте 1519 года на трон Казани был приведен 13-летний Шахали, который был отправлен из Касимова (эта кандидатура была согласована с Москвой). Однако вскоре он начинает не нравиться казанским аристократам, и по их желанию в 1521 году на ханский трон возводят Сахиб-Герея из крымского рода Гереев. Во время этих дворцовых переворотов сторонники Шахали и находившийся рядом с ним русский отряд сильно пострадали, и молодой хан с оставшимися 300 верными ему людьми бежит в Москву. Тем не менее, новый хан тоже не задерживается на казанском троне – весной 1524 года он вызывает своего родственника Сафа-Герея из Крыма и уходит в Стамбул, откуда больше не возвращается (в 1532 году он будет отправлен по указу турецкого султана ханом Крыма).

Таким образом, очень молодой (в 13 лет) Сафа-Герей начинает править в Казанском ханстве, что совершенно не устраивает Москву, и в 1524 году русские даже пытаются совершить поход против ханства, который заканчивается неудачей, и Великое Московское княжество вынуждено признать право Сафа-Герея на ханство. Для ведения переговоров по этому поводу в состав посольства входит и «князь Чура» [Худяков: 1990. С. 77–93]. Правда, кроме имени, об этой личности русские документы 1526 года не предоставляют другой информации, поэтому можно лишь гипотетически предполагать, что это был Чура Нарыков. Однако, учитывая связь Чуры батыра с Крымом, сохранившуюся в сказаниях (см. далее), и то, что «князь Чура» был

частью посольства, пришедшего в 1526 году от Сафа-Герея, представителя крымской династии, можно предположить, что это был именно интересующий нас Чура Нарыков. Один факт, подтверждающий это, относится к 1540 году. В том году в одной из русских летописей рассказывается о нашествии войск на окрестности Костромы из Казанского ханства и говорится: «...приходили казанские люди, Чура Нарыков, а с ним было [8000] человек казанцев и черемисов и чувашей, а воевали многие Костромские места» [Шмидт: 1951. С. 288]. Однако и в этом случае мы все равно не обладаем информацией о данной личности между 1526 и 1540 годами. Тем не менее, мы предполагаем, что этот знатный татарин продолжал жить в Казанском ханстве, но долгое время больше не упоминается в русских источниках. Во второй раз он упоминается в вышеназванном источнике, а именно в продолжении Хронографа 1512 года, где Чура Нарыков фигурирует в записи о нашествии на русские земли в 1545 году. Этой зимой происходит следующее: «...приходили на Владимирские места с казанскими людьми во главе [Амона/Аманак] князь казанской да Чура [Нарико]в... А у Гороховца, у острогу, с казанскими людьми дрались мужики гороховцы, да взяли у казанских людей голову их Аманака князя» [Шмидт: 1951. С. 290].

В третий раз Чура (Чура), с указанием его фамилии Нарыков – упоминается в «Патриаршей (Никоновской) летописи» в 1546 году: он входит в состав посольства, пришедшего просить нового хана Шахали вместо свергнутого Сафа-Герея 17 января того же года. В этом случае его титул не указывается [ПСРЛ: 1965. Т. 13. С. 148]. Однако Шахали, возведенный на трон 13 июня 1546 года, не может долго править в Казани – через месяц казанцы возвращают на трон Сафа-Герея, а Шахали едва избегает смерти и бежит в Москву. Этот эпизод с бегством Шахали, ранее бывшего ханом Касимова, требует особого внимания, так как о нем есть дополнительная информация в одном из русских источников. Прежде, чем к нему перейти, отметим, что в 1546 году три посла от казанцев (Абеюрган сейид, князь Кадыш и Чура Нарыков) получили ответное письмо от Ивана IV на свое имя и «всю Казанскую землю», что под-

твёрждает высокое положение Чуры Нарыкова среди знати Казанского ханства.

Теперь остановимся на том, как исторический Чура Нарыков погиб, так как в источнике, который нас интересует, есть дополнительная информация по этому вопросу. Начнем с упоминания о татарах, которые пришли в Москву на службу 20 сентября 1547 года (среди них также упоминаются «братья Чуры Нарыкова»). Они сообщили, что «царь (то есть Сафа-Герей) в Казани побил Чуру-князя Нарыкова (обратите внимание, здесь конкретно указан его титул «князь»), Баубека-князя, Кадыша-князя и многих других» [ПСРЛ: 1965. Т. 13. С. 149]. Таким образом, Чура Нарыков был убит после возвращения Сафа-Герея на трон. Причина известна – он участвовал в свержении Сафа-Герея и привел Шахали на казанский трон.

В источнике, называемом «Казанская история» (написан неизвестным русским автором, который долгое время жил в Казани), есть такие строки: когда Шахали пришел ханом в Казань, он сблизился с Чурой Нарыковым, и когда у хана ухудшилось положение, Чура помог ему бежать, даже проводив беглецов до Волги. В этот момент он сказал хану: «Я, царь, вместо тебя умру в Казани, и моя голова будет вместо твоей головы. Ты же меня избавь и не забудь меня, когда будешь перед самодержцем в Москве, вспомни обо мне и о себе». Видимо, Чура также собирался отправиться в Москву, но немного боялся, так как ранее он клялся возвести Шахали на трон от имени казанцев. Тем не менее, как сообщает автор «Казанской истории», Чура Нарыков напоминает Шахали о необходимости ждать его в определенном месте и через десять дней уходит за ханом с богатством, семьей, домашними слугами и 500 боевыми рабами, всего с около 1000 воинов, однако тот не ждет его в назначенному месте. Казанцы преследуют их и в одном месте сталкиваются с отрядом Чуры Нарыкова; в этот момент он сам, его сын и все его «отроки» (вероятно, боевые дружины) погибают, а жены и рабыни захватываются и возвращаются в Казань [Казанская история: 1954. С. 80–82]. Если учесть, что Шахали был на казанском троне ровно месяц с 13 июня

1546 года, становится очевидным, что смерть Чуры Нарыкова произошла примерно в середине июля того же года.

Таким образом, Чура (Чюра) Нарыков («Нарыкович») – знатный татарский феодал, историческая личность со статусом князя (би, бек), активно участвовавший по русским источникам в политической жизни Казанского ханства в период с 1526 по 1546 годы. Его социальный статус подтверждается также «Казанской историей», где он упоминается как «большой князь», «волостель казанский», «храбрый воевода» (см.: [Казанская история: 1954. С. 80, 82]). Все эти понятия имеют значительное содержание, и мы проведем отдельное исследование на эту тему.

Теперь необходимо обратиться к тюркским источникам. Одним из самых содержательных является сам эпос «Чура батыр», но также существуют и другие типы источников о Чуре Нарыкове. Одним из них являются генеалогии. Мы сначала обратимся к ним, так как через генеалогии можно предположить, с каким знатным родом связан Чура батыр. Генеалогии Чура батыра сохранились на территории Идель-Урала. Кроме того, информацию о роде этой личности можно получить из двух групп генеалогий: первая – это генеалогия рода клана аргынов Крымского ханства, вторая – это несколько поколений генеалогии Чуры (Шора) из эпоса ногаев. Интересные сведения о роде Чуры (Шоры) батыра содержатся также в казахских эпических произведениях о нем и о его отце. Эти произведения имеют сложную структуру и до сих пор не были полностью изучены. Тем не менее, информацию из этих произведений также следует учитывать.

У татар существует несколько версий родословной Чура бия, однако, в конечном итоге, они, похоже, возникли на одной основе и в одном регионе. Речь идет о селах *Зур Каравужа*, *Кече Каравужа* и *Кармыш* (Зеленодольский район) в Татарстане. В местных легендах, записанных в этих селах, содержится следующая информация: «...У Каравужи был отец Кара би. [Он] жил в деревне Каравай на стороне Казани. Его сын Каравужа пришел на место Кече Каравужа и основал деревню... Каравужа... позвал своих троих сыновей...: [стрелы ваши] куда упадут, там и место жительства

вы создадите!» ...Одна из стрел упала на место будущей деревни Каратмэн. Там селение создал старший сын Каравужи. Его звали Кара Тумен. Имя второго сына – Чура би... Его стрела упала в место, где сейчас находится «Чура би чокыры» (яма). Каравужа осел на этом место с сыном Чура бием. Стрела третьего сына упала на место деревни Кульбаш, и он обосновался там. Каравужа предал Казанского хана в битве против Ивана Грозного... Его могила находится в месте, называемом *Чура би чокыры*. Сын Чура бия – Чура батыр. Когда войска Ивана Грозного захватили Казань, Чура батыр... погибает, сражаясь за земли деревни Каравужа» [Татар халык иҗаты: 1987. Б. 160].

В другой версии этой же легенды говорится, что стрела старшего сына Каравужи упала на место деревни Жэке. Также, как и в первом источнике, здесь указаны имена: сын Чура батыра – Ресмэт, его сын – Кадермэт, а у последнего – Гыйззэтулла [Эхмәтҗанов: 2011. Т. I. Б. 109–110]. Не углубляясь в детали этой легендарной истории, обратим внимание на родословную: Караби → Каравужа →

- 1)
- 2)

3) Чура би → Чура батыр → Ресмэт → Кадермэт → Гыйззэтулла и т.д. У этой родословной есть и другая, более полная версия, начинающаяся с Ресмэта (от Рыстмухаммета) и также связанная с тем же регионом (с селами Мэмдэл, Иябаш, Яна Кенэр) [Эхмәтҗанов: 1995. Б. 91–97]. М.И. Ахметзянов, исследуя эти родословные, также указывает на то, что еще одна их версия присутствует в книге Р. Фахреддина «Асар» (оставшаяся от человека, который скончался в 1858 году в городе Эстэрлетамак). Вот верхняя часть этой родословной: Каравужа би → Кармыш би → Карлыгач би → Мэржэн бабай → Рысай бабай и т.д. [Эхмәтҗанов: 2011. Т. I. Б. 111]. Вероятно, эта родословная принадлежит одному из старших сыновей Каравужи, имя которого – Кармыш би. Эта родословная связана с татарами, проживавшими на востоке Татарстана (с селом Бикбау на реке Ик), но позже она также была связана с татарами, живущими в различных местах современного Башкортостана: Кукэс → Нэрек → Чура → Уразбакты → Узи → Кайбиш и т.д. [Эхмәтҗанов: 2002. Б. 323–324].

Таким образом, у татар региона Идель-Урал сохраняется несколько версий родословной Чура батыра, основным героем которой является Чура Нарыков, а также другие связанные с ним личности. Несмотря на то что их корни общие, в них есть и различия (см. ниже):

- I. Кара би → Караужа → Чура би → Чура батыр ...
- II. ... Кукэс → Нэрек → Чура → Уразбакты...
- III. ... Караужа → Кармыш би → Карлыгач би ...

Чтобы понять суть информации, содержащейся в представленных родословных, нам также нужно рассмотреть родословные Чура батыра, сохранившиеся в других регионах и в других национальных версиях.

Сначала обратим внимание на одну из родословных, записанную в дастане «Чорабатыр» и полученную от крымских татар. Вот она: «...Чоранынъ бабасы Нарик, Нарикнинъ агъасы Арик...» [Кърымтатар: 1991. Б. 57]. Из этого дастана видно, что в некоторых случаях Нарика также называли «Чора» [Там же. Б. 58]. Это связано с тем, что в татарских ханствах у термина «чура» было не только значение «слуга», но и второе значение – «высокопоставленный служитель, вассал хана» [Валиханов: 1984. Т. 1. С. 284–285; Усманов: 1972. С. 94]. Также во время чтения дастана становится очевидным, что Чора (Чура) является сыном этого Нарика [Кърымтатар: 1991. Б. 61, 66–67]. Чора сам говорит в дастане:

*Атамнынъ адыны сорасанъ,
Нарик огълу Чораман,*

«Если спросят о моем отце,
Я – сын Нарика Чора», – говорит он [Там же. Б. 69].

Таким образом, из дастана, записанного среди крымских татар, становится известно, что Чура батыр – сын Нарика, а также раскрывается информация о том, что у Нарика был брат по имени Арик. Это указывает на необходимость обратить внимание на родословные группы некоторых феодалов, живших в Крымском ханстве. Речь идет о родословной беков аргынского племени, одного

из четырех племен карача беков Крымского ханства [Лашков: 1895. С. 129].

Вот эта родословная: Кара Коджа бек → Адил бек ...
 → Али-Шукур бек →
 → Аджи-Ямгурчы бек (1551) → Джан-Мэмбэт бек ...
 → Кара бей (1585) → Тоган мирза
 → Батырша бек (1682).

Хотя прямой связи между Чорой и Нариком в этой родословной не видно, на основании информации из родословных Чура батыра, записанных в Идел-Урале, можно предположить, что Кара Коджа бек, указанный как прародитель аргынов в Крыму, является тем же самым лицом, что и Караужа би из родословной Чура батыра.

Если рассмотреть вопрос, который изучается на основе записанных среди ногайцев и казахов дастанов, то результаты будут более обоснованными. Например, в дастане ногайцев «Шора батыр» его герой отвечает на вопрос о своем происхождении следующим образом (вторую часть ответа, касающуюся племени, рассмотрим позже):

*Аргы атамды сорасанъ
 Астын улы Байгазы,
 Онынъ улы эр Тылек,
 Нарик улы Шораман*

«Если спросят о моем отце,
 Я – сын Байгазы,
 Его сын Эр Тулек,
 Сын Нарика – Шора», – говорит Шора [Ногай халк: 1969. С. 77].

Во-первых, здесь подтверждается, что Чура (Шора) – сын Нарика, во-вторых, его родословная значительно удлиняется и уходит к началу XV века: Шора ← Нарик ← Эр Тулек ← Байгазы ← Астын. Верно, что связь Нарика с Тулеком можно установить только логически, так как в поэтических строках это напрямую не указано. Однако это можно явно увидеть в дастане о Чура батыре, сохранившемся среди татар Добруджи (Буджака). Там говорится:

*Арыслан улы Байгазы,
Аның улы Ир-Тұләк,
Аның улы Ир-Нарық
Чура улы Чурамын.*

«Сын Арыслана – Байгазы,
Его сын Ир-Туляк,
Его сын Ир-Нарык,
Я – сын Чуры Чура», – говорит он [Чура Батыр: 1993. Б. 39, 54–55].

Очевидно, что здесь термин «чура» используется в отношении Ир-Нарыка, но также многократно подтверждается, что Чура является его сыном [Там же. Б. 22, 27, 33, 38–39, 43, 53].

Далее рассмотрим варианты родословной из записанных дастанов казахов. Например, в дастане «Шора», когда Нэрык / Нарык предлагает своему сыну Шоре отправиться на войну с Акташом, он говорит своему отцу Нэрыку: «Ты, отец», – говорит он [Батырлар жыры: 1989. Т. 5. С. 386]. В том же эпизоде отец говорит сыну:

*Айналайын, Шоражсан,
Түгән балам сен болсаң,
Алпыс биді өлтеріп
Кесін басын алып кел*

«Дорогой мой, Шоражан,
Если ты мой родной сын,
Убей врагов Алпыс бия,
И принеси их головы» [Там же. С. 339].

Безусловно, из этих слов и других мест эпоса [Там же. С. 340–341, 342, 350–351] видно, что Чура (Шора) является сыном Нэрика (Нарыка), особенно из таких строк в дастане:

.....
*Сонда Шора сөйлемеді
Менің елім сурасаң,*

*Ноғайлы деген ел деді,
Әкем атын сұрасаң,
Нәрік деген хан деді.
Өз атымды сұрасаң,
Шора батыр мен деді*

«.....

Тогда Шора сказал:
Если спросят о моем эле,
Я скажу – из Ногайцев,
Если спросят о моем отце,
Я скажу – это хан Нэрык.
Если спросят о моем имени,
Я скажу – я Шора батыр» [Там же. С. 348].

Однако информация о родословной Чура (Шора) в казахских дастанах на самом деле более сложна. Поэтому необходимо рассмотреть и другие аспекты этой информации. Прежде всего, она касается его племенной принадлежности. Об этом говорят такие строки в казахском дастане «Нэрык», когда Шора отвечает на вопрос «Кто ты?»:

*Асылымды сұрасаң,
Асылым артық арғынмын.
Тегімді менің сұрасаң,
Кок Нарлы танамын,
Өз атымды сұрасаң,
Нәрікулы Шорамын*

«Если спросят о моем происхождении,
Я скажу – я лишний аргын.
Если спросят о моем роде,
Я скажу – я из Кок Нарлы,
Если спросят о моем имени,
Я скажу – я сын Нэрыка Шора» [Там же. С. 328].

В дастане «Шора» его герой, как уже упоминалось, говорит о себе:

*– Менің елім сұрасаң,
Ногайлы деген ел деді.
Әкем атын сұрасаң,
Нәрік деген хан деді.
Өз атымды сұрасаң,
Шора батыр мен деді*

«Если спросят о моем эле,
Я скажу – из Ногайцев.
Если спросят о моем отце,
Я скажу – хан Нэрык.
Если спросят о моем имени,
Я скажу – я Шора батыр» [Там же. С. 348].

Однако, когда Шора встречается с Мусаханом из калмыков и тот спрашивает его, «Какой ты ногайец?», он отвечает:

*– Ногайлышың ішінде
Асылым артік арғынмын.
Бергі атамды сұрасаң,
Көк нарлы танамын,
Атам аты қарт Нәрік,
Мен сонда туған Шорамын*

«Среди ногайцев
Я – лишний аргын.
Если спросят о моем отце,
Я скажу – я из Кок Нарлы Тана,
Имя моего отца – старый Нэрык,
Я – родившийся там Шора» [Там же. С. 366].

Таким образом, в цикле дастанов, посвященных Чура (Шора) батыру, распространенному среди казахов (их три), также отражается его племенная принадлежность. Однако по этому вопросу в вариантах эпоса среди казахов и других тюркских народов есть противоречия.

Во-первых, в казахском дастане «Тана» (в котором рассказывается о предках Нэрыка) говорится о том, что лич-

ность с титулом хана по имени Тана жил в Казани как «сын ногайца» и принимал участие в его защите, а также упоминается, что с помощью Баба Тукты Шашты Азиза (то есть Ахмеда Ясави) у него родился сын, которому было дано имя «хан Нэрык» [Там же. С. 294–297]. Действительно, в родословной племени Тама (вероятно, тана~тама) указано, что отцом Нэрыка является Кара-бура, а его отцом – Тама [Тынышпаев: 1925. С. 75]. Как указывает М. Тынышпаев, Чора Нарыков считается «предком многих тама» [Там же. С. 47]. Такое мнение уже существовало в гуманитарных науках Казахстана [Валиханов: 1984. Т. 1. С. 109] и сохраняется по сей день (см.: [Корғанбеков: 2014. 179–180, 214]). Под влиянием казахских фольклористов эта идея также проникла в работы татарских фольклористов [Урманче: 1995. 133–134].

На самом деле, дело здесь не только в информации о том, что Чора (Шора) батыр в дастанах, распространенных среди казахов, считается «тамалы», поскольку аналогичная информация присутствует и в других национальных версиях этого дастана. Например, в эпосе ногайцев «Шора баятири» главный герой называет себя «ай тамгалы Тамаман» (таминец с луноподобной тамгой) по своему «происхождению» [Ногай халк: 1969. С. 76]. То же объяснение присутствует и в дастане «Чора батыр», записанном у татар Добруджи (Буджака):

*Köyimniñ adın soracañ,
Kökìiwlı Tama derler oǵa* [Bozçigit kitabından: 1988].

Эти строки на современном татарском литературном языке звучат так:

*Каламның исемен сорасаң,
Көкешле Тамга, диерләр* [Чура Батыр: 1993. 53].

То есть: если спросите мое селение, это Кокешли Тамга.

На самом деле «көй» означает деревню или населенный пункт (включая город). В данном случае термин «тама», который является названием племени/рода у казахов

и ногайцев, используется в значении населенного пункта. Такое значение присутствует и в дастане крымских татар «Чора Батыр». Например, в одной из версий этого дастана, записанной В.В. Радловым, говорится о старце Нарике, отце Чора батыра, что он «*Кокешлу Тама[да] мäкан тикти, отурдú*» (перевод: что он жил, поселился в Кокешли Тама) ([Образцы: 1896. Ч. VII. С. 124]; см. также: [Кърымтатар: 1991. 69]). Также в этом и других вариантах дастана упоминается, что сам Чора батыр жил в месте, называемом «Кукушле Тама» или «Кокушле Кок Тама» [Образцы: 1896. Ч. VII. С. 127–129, 170; Кърымтатар: 1991. 61–62, 66–69]. Из одного из вариантов крымских татар видно, что речь идет также о населённом пункте – «көй» [Образцы: 1896. Ч. VII. С. 182].

В эпосе «Чура батыр», распространенном среди татар Волго-Уральского региона, также есть слова Чуры: «*Мин – Кукес углы Тамамән*» (перевод: Я сын Кукеса тама) [Татар халык иҗәти: 1984. Б. 118]. Эта фраза также приводится в одном из «хикаятов», посвященной другу Чуры – Колынчаку [Татар эпосы: 2004. Б. 396]. Очевидно, в этом случае подчеркивается принадлежность Чура батыра к роду Тама как сына Кукеса. На самом деле родословная башкирского племени тамьян-катаи также дает такие же результаты: там говорится о том, что «морза по имени Нурек из рода Жагалбай был казахом», и что он «переселился с Бохарского устю к реке Уил» [Хусаинов: 1985. С. 15–16], и показывается, что сыном Нурека был Сура (Чура), который связан с этим племенем тамьян-катаи. Здесь следует обратить внимание на термин «тамьян», поскольку это название также упоминается в приведенной выше родословной Чура батыра, известной среди татар – возможно, имя *Кара Төмән* (считаемый старшим сыном Караужи) связано с терминами *төмән/tämän/tamъян*, и далее мы обоснуем эту идею отдельно.

Итак, возникает вопрос: является ли Чора батыр – Чура Нарыков, представителем рода тама / тана / төмән (тамьян) или его племя называлось иначе? Этот вопрос уместен, поскольку в дастанах, посвященных Чура батыру, мы также видим, что он был связан и с другим племенем. Некоторые сведения об этом уже были приведены, и теперь нам сле-

дует уделить им больше внимания. Для анализа нам нужно обратиться к строкам из следующих дастанов:

I. Ногайский вариант:

a) Мен аргынмын аргын ман,
Ак сункардай кыргый ман,
Асылымны сорасаң,
Ай тамгалы Тамаман
б) Төyre тувыл караман,
Анадан эгиз тувмай дараман,
Асылымды сорасань,
Ноъкис улы Тамаман

- а) Я – аргын, аргын я,
Как дикий сокол,
Если спросишь о моем происхождении,
Назовут меня Тамой с тамгой Луна [Ногай халк: 1969. С. 76].
б) Если ты спросишь о моем происхождении,
Я – сын Ногайца Тамаман [Там же. С. 74].

II. Вариант татар Добруджи:

a) Мен arğınman, yorgınman

.....
б) Asılımni sorasañ,
Qırımdaki Kökişli Tama'nın
Köyinden kvılgan uliman.
в) Tőre tuvil, qaraman
Eqız tuvil, daraman
Köyimiň adın soracañ
Kökişli Tama derler oğa,
Ondan kelip baraman

- а) Я – аргын, я – ходок
.....
б) Если ты спросишь о моем происхождении,
Я – из деревни Кокешли Тама в Крыму.
в) Если ты спросишь о моем имени,
Назовут меня Кокешли Тама,
Я оттуда пришел [Bozçigit kitabindan: 1988].

III. Вариант крымских татар:

а) Тёре дигиль, къараман,
Коюмнинъ адыны сорасанъ,
Кокушли кок Тамалыман [Кърымтатар: 1991. Б. 69].

а) Не говори, что я черный,
 Если ты спросишь о моем имени,
 Я – Кокушли кок Тама [Там же].

б) Ман торо тугул, караман,
Акъю тугул, дараман,
Койумнун адын сурасан,
Кокушлу кой Тама

б) Я не знатный, я простой
 Я не двойной, я один,
 Если ты спросишь о моем имени,
 Я – Кокушлу из деревни (көй) Тама [Образцы: 1896.
 ч. VII. С. 182].

IV. Вариант татар Идель-Урала:

а) Мән Чурамын, Чурамын,
Түрә түгел карамын,
Асылымны сорасаң –
Кукес углы Тамамән

а) Я – Чура, я – Чура,
 Не знатный, а черный,
 Если ты спросишь о моем происхождении –
 Я – сын Кукеса Тама [Татар халык иҗаты: 1984. Б. 118;
 Татар эпосы: 2004. Б. 396].

V. Вариант казахов:

а) «...в древние времена в г. Казань обитали народы, носившие название «Тама». Среди них были три брата... Старшего звали Кареб-баев, среднего Нарикбаем, младшего Исым-

*бием... Скот [Нарика]... пасли 40 юртовладельцев, таминцев.
[Они] кочевали с ним, были его верными слугами...»* [Сборник:
1895. Т. IV. С. 2].

б) Асылымды ұрасаң,
Асылым артық арғынмын.
Тегімді менің ұрасаң,
Көк нарлы танамын.

б) Если ты спросишь о моем происхождении,
Я – аргын, более того, лишний.
Если ты спросишь о моем роде,
Я – Кок нарлы Тана [Батырлар жыры: 1989. С. 328].

в) Ногайлының ішінде
Асылым артық арғынмын.
Бергі атамды ұрасаң,
Көк нарлы Танамын.

в) Среди ногайцев
Я – аргын, более того, лишний.
Если ты спросишь о моем предке,
Я – Кок нарлы Тана [Там же. С. 366].

Из приведенных выше данных следует, что у Чура батыра есть два разных «происхождения»: с одной стороны, он аргын, с другой – тана/тама (*ай тамгалы*, *Көкеш* (*Новикис*) улы, *Көкешле*, *Көк нарлы*). Если рассуждать логически, личность не может одновременно быть представителем двух племен или родов. Поэтому в нашей ранее опубликованной популярной статье было предложено рассматривать род тама как часть племени аргын [Исхаков: 1994; 1998]. Однако сейчас мы считаем, что этот вопрос нужно объяснить иначе, и это новое решение можно найти через определение, данное в дастане «Нәрік», распространенное среди казахов.

Как уже упоминалось, среди казахов есть дастан под названием «Нәрік», посвященный не только Чура батыру, но и его отцу. В одном из эпизодов этого эпоса

описывается, как Нарик и его жена Менди ару, сбежав из своих земель, приходят к калмыкскому хану Угезхану. В этом эпизоде этот хан отправляет Нарика в другое место и пытается ухаживать за его женой. В этот момент «Торе-хан», то есть один из слуг Угезхана, предлагает Менди ару стать наложницей хана, на что жена Нарика отвечает следующими словами:

*Арғы атамды сұрасаң,
Карадөң сынды карт еді*
.....
Онан туған Жұбаныш.
.....
Онан туған Сүйініш.
.....
Онан туған Бегіс деп,
.....
Бегістен туған Тама еді.
.....
*Таманың улы Тана еді,
Оның улы карт Нәрік...*

«Если ты спросишь о моем предке,
Карадон был старым и мудрым....
От него произошел Жубаныш...
От него произошел Суйиниш...
От него произошел Бегис...
От Бегиса произошел Тама...
Сыном Тамы был Тана,
А его сыном был старый Нарик...» [Батырлар жыры: 1989. С. 320].

Получается интересное родословное: Нарик ← Тана ← Тама ← Бегис ← Суйиниш ← Жубаныш ← Карадон. Однако на самом деле это родословное касается не отца Чура батыра, а его материнской линии, поскольку оно говорит о ее роде и племени! Еще одна версия этой родословной присутствует в казахском дастане под названием «Тана». Там «ак төре» и «хан», стоящий во главе «Астана халкы»,

Тана (как и его сын Нарик) указывает своим отцом («арғы атам») Карадона, после чего упоминаются имена Жубаныш и Суйиниш [Батырлар жыры: 1989. С. 289, 291, 297, 300, 302]. Очевидно, это та же самая родословная, и хотя имя Нарик здесь появляется, ясно, что упомянутая линия рода принадлежит стороне его жены.

В общем, род тана (тама) оказывается частью фракционной структуры (арғын-тама), находящейся в родственных отношениях, и действительно, он связан с материнской линией, без которой невозможно представить отношения Чура (Шора) батыра. Однако в мире мужчин, который занимает первостепенное место среди кочевых тюрков, как Нарик, так и его сын Чура, связываются с «девяносто ветвями ногаев» (здесь подразумевается деление татар Золотой Орды на 90 племен) [Батырлар жыры: 1989. С. 321]. Выход на первый план родового знака со стороны матери является своеобразным явлением и требует отдельного объяснения. Первое пришедшее на ум объяснение заключается в том, что после трагической смерти Чура батыра выжившие из его рода покидают земли Казанского ханства и уезжают в родовые земли матери, что приводит к возрождению рода тана (тама) в эпосах. Однако это объяснение вызывает некоторые противоречия. Например, в исторической легенде, записанной от татар Казанской губернии, говорится о происхождении Чуры из рода Тама, сына Кукаса. Учитывая, что в версиях дастанов у татар Крыма и Добруджи упоминается название «Көкешле кок (кой) Тама» как населенный пункт, остается вопрос о значении этого имени. У нас есть гипотеза по этому поводу, но, прежде, чем углубляться в ее содержание, необходимо остановиться на некоторых генеалогических и исторических данных, связанных с родом аргын.

Как уже упоминалось, в исторических легендах, записанных в деревнях, расположенных около Казани, упоминается сын Кара бия Каравужа. У крымских татар Кара Коджа считается предком аргынов. В этом контексте стоит отметить: аргынская родовая группа, входившая в состав казахских родов Средней Орды (Жуза), делится на два рода – Ақжол и Кара Ходжа [Тынышпаев: 1925. С. 29], и во втором

из них видно имя *Кара Хужа*. Напомним, что это имя также встречается в дастане «Идегей», где Тохтамыш хан говорит: «Ты был главой аргынов, мой батыр Кара Коджа» [Идегей: 1988. Б. 47]. В эпосе он также появляется в других местах как «Кара Кужа, сын Аргына» [Там же. Б. 205] и «Кара Кужа, би Аргынов» [Там же. Б. 141], и уже известный нам список «девяти батыров/биеv» Тохтамыша включает это имя. На самом деле *Кара Кужа/Хужа* – историческая личность. Как видно из произведения Шареф ад-дина Йезди «Зафэр-наме» (завершенного в 1424/1425 году) – автор служил Тимуриду Шахруху и его сыну султану Ибрагиму – в год своей смерти Тохтамыш хан посыпает Кара Ходжу как посла от имени своего «древней свиты из нукеров», когда «некоторое время находился в плохом состоянии в степях», и просит прощения от имени хана. В результате Тимур обещает вернуть «Улус Джучи» Тохтамышу и отправляет его с подарками из Оттара перед своим походом [История Казахстана в персидских источниках: 2006. Т. IV. С. 350–351]. Это событие происходит перед смертью Тимура, наступившей 18 февраля 1405 года. Таким образом, би аргынов *Кара Хужа* (*Каражая* / Кара Коджа) уходит к хану в 1405 году и затем начинает считаться основателем рода аргынов сразу в двух ханствах – Крымском и Казанском, а в казахских степях со временем его начинают упоминать в связи с родом аргын и некоторыми другими (тама / тана, каратамыр). О чем же говорит эта информация?

Чтобы понять это, необходимо кратко рассмотреть события, предшествовавшие распаду Золотой Орды. Как уже упоминалось, Тохтамыш хан (1377/78–1406), который почти собрал распавшееся государство, пришел в центральную часть Золотой Орды с её левого крыла (известно, что его предки владели землями в районе Мангышлака) и привёл с собой четыре племени, которые исторически подчинялись этому роду (шырын, барын, аргын и кыпчак). Известно, что племя шырын в то время уже обосновалось в Крыму (оно захватило владения темника Мамая из племени кыят) [Исхаков, Измайлова: 2007. С. 154–155]. Возможно, другие племена, связанные с Тохтамыш ханом, также жили в этих местах. В любом случае, после 1399 года Тох-

тамыш хан, который больше не смог приблизиться к трону Золотой Орды (этот трон занимали ханы, которые ранее были возведены на него Идегеем), даже в 1405 году, когда он скрывался, имел при себе бия аргынов Кара-Хужу, что говорит о многом; вероятно, упомянутые четыре племени, его каучины, продолжали оставаться вокруг хана. Позднейшие исторические материалы показывают, что вокруг сыновей и родственников хана Тохтамыша (сам хан был убит в 1406 году ханом Шадибеком и Идегеем в Сибири, в окрестностях Тюмени/Чимги-Тура) почти все эти племена упоминаются. Значит, они действительно остались рядом с этим ханским родом.

Как известно, после смерти хана Тохтамыша, который к тому времени уже был стар (приблизительно 55–60 лет перед смертью) и оказался в трудной ситуации, его сыновья (их было пятеро) разбежались по разным сторонам, но не прекратили борьбу за трон Золотой Орды. В этих кровопролитных войнах их противников долгое время возглавлял Идегей. Сыновья Тохтамыша один за другим восходили на трон и исчезали. Идегей также после одного поражения в 1419/1420 году по приказу младшего сына Тохтамыша Кадыйрбирде был убит беком племени барын по имени Сарай (более подробно об этом времени см.: [Миргалеев: 2003; Гулевич: 2018]). Однако политические события не останавливаются, и представители рода Тохтамыша продолжают участвовать в них. Нам нужно немного их проследить, так как без этого невозможно понять историю предков Чура батыра во всей её глубине.

В 1418 году, когда на землях Золотой Орды разгорелась борьба между различными татарскими группами, младший сын Тохтамыша Кадыйрбирде (которого в 1407/1408 году отправила в Крым его сестра Жаника, бывшая замужем за Идегеем) был возведён на трон беками Крыма, и он отправился в поход против Идегея. В его армии главные роли играли бек племени шырын Тегине и бек племени конграт Айдар (Хайдар). Несмотря на то, что Идегей пытался договориться с этой группой (у них было, как минимум, 100-тысячное войско), в конечном итоге в 1419 году он терпит поражение и, как уже упоминалось, был убит. По раз-

личным данным, в его убийстве участвовали бек племени барын Сарай и бек племени шырын Тегине, а также вскоре ставший ханом Улуг-Мухаммед и его отец Ичките Хасан оглан (более подробно см.: [Гулевич: 2018. С. 129–145]). Как было описано ранее, именно во время этого сражения тяжело раненый Кадыйрбирде хан также умирает, и вместо него стараниями бека племени шырын Тегини и бека клана конграт Айдара на трон восходит Улуг-Мухаммед из рода Тохтамыша. В это время в его армии безусловно находились племена барын и кыпчак. Хотя племя аргын прямо не упоминается, есть основания полагать, что оно также находилось рядом с Улуг-Мухаммедом (это мнение будет обосновано далее).

Чтобы понять судьбу Кара-Ходжи, предка Чура батыра, после 1405 года, необходимо немного остановиться на периоде правления Улуг-Мухаммеда, так как перед его прибытием на земли Болгарского / Казанского вилайета ему предстоит пройти довольно сложный политический путь.

Прежде всего, следует отметить, что в 1419 году, когда Улуг-Мухаммед восходит на ханский трон, он становится ханом Улуг Орды (генуэзцы называли его «императором Орды», «великим императором»/«imperatoris de Lordo»), то есть он занимает трон на уровне хана Саая. В то же время некоторые из его ближайших родственников находятся на территории Крыма (и в прилегающих землях) и также получают титулы «императора», «Солхатского императора» (хана или султана) [Гулевич: 2018. С. 149–162]. Улуг-Мухаммед, несмотря на то, что это время является периодом распада Золотой Орды, весной 1423 года, когда большая часть Большой Орды переходит под контроль его соперника Мухаммед-Барака, отступает к Крыму. В результате в начале 1424 года в Солхате устанавливается власть его представителя – бека племени шырын Тегини, а через несколько месяцев сам хан приезжает туда и либо смещает с поста своего родственника Давлет-Бирде, ранее занимавшего эту должность, либо ставит рядом с ним своего наместника Тегине бека для более надежного контроля. В конечном итоге Улуг-Мухаммед укореняется в Крыму, а Давлет-Бирде бежит оттуда. Однако на грани-

цах 1424–1425 годов Давлет-Бирде удается вернуть свои земли, а Улуг-Мухаммед, в свою очередь, скрывается в Великом княжестве Литовском. С помощью Витовта он быстро улучшает свое положение и снова берет Крым под контроль, но сам проводит зиму 1425–1426 годов на Нижнем Днепре, а весной 1426 года начинает наступление против Мухаммед-Барака и сына Идегея Мансура. Пока Улуг-Мухаммед находится в походе на востоке, Давлет-Бирде восстанавливает свое правление в Крыму. Улуг-Мухаммед же возвращается город Сарай и вытесняет Мухаммед-Барака в Среднюю Азию. В конечном итоге Давлет-Бирде добивается определенных успехов и захватывает Сарай (по крайней мере, известны монеты, выпущенные от его имени в 831 году хиджры/1427/1428 годах). Однако на самом деле после 1427 года, он больше не упоминается в источниках, тогда как Улуг-Мухаммед с помощью Великого литовского князя Витовта добивается возвращения Крыма.

В этих событиях активную роль играет бек племени шырын Тегине. В целом, в Большой Орде, подчиненной Улуг-Мухаммеду, в это время помимо бека Тегине сильными лидерами также считались бек клана конграт Айдар и сын главы мангытского племени Идегея Науруз. Однако последний не смог достичь уровня своего отца и поэтому был недоволен ханом. Тегине (его ставка находилась в Солхате / Старом Крыму) зимой 1431–1432 годов, отправляясь из Поволжья на свою ставку в Крыму, порывает отношения с Улуг-Мухаммедом (из-за несогласия между мнением хана и беком конгратов Айдаром по вопросу назначения кого-либо в Московское великое княжество). Вместе с другими политическими событиями этот конфликт во дворце плохо заканчивается для Улуг-Мухаммеда: осенью 1433 года его зять Айдар поднимает на трон Сайед-Ахмета (то есть брата Давлет-Бирде), а у Улуг-Мухаммеду достается лишь часть Большой Орды (Крым, земли между реками Днепр и Дон). Кроме того, в 1436 году мангыт Науруз переходит на сторону хана Кече-Мухаммеда, который правил вокруг города Хаджитархан на Волге, что, в свою очередь, создает возможность для Сайед-Ахмета захватить Крым (см.: [Гулевич: 2018. С. 159–182]). Улуг-Мухаммед со своими

близкими и небольшой армией (всего около 3500 человек) отступает на север – к границам русских земель, к Белеву, и вскоре проникает на земли Болгарского / Казанского вилайета, где и остается. Об этом важном политическом событии – ведь оно в конечном итоге приводит к основанию Казанского ханства – необходимо отдельно поговорить, но эта задача здесь не ставится, к тому же этот вопрос уже был исследован. Однако требуется ответить на один вопрос: ушли ли полностью племена, служившие Улуг-Мухаммеду (шырын, барын, аргын, кыпчак) с ним или лишь их часть направилась на север?

На этот вопрос невозможно дать полный ответ, тем не менее можно подтвердить, что часть «старых слуг» Улуг-Мухаммеда и его рода переселилась вместе с ним со своими людьми. Например, существование двух деревень (Большой Каравуж и Малый Каравуж), недалеко от Казани, а также связанного с ними (в настоящее время находящегося внутри Казани) поселения «Каравай»/«Караби», а также родословная основателей этих населенных пунктов, связывающая их с Чурой бием Нарыковым, по нашему мнению, подтверждает переселение группы представителей племени аргын под руководством Кара-ходжи туда. Учитывая, что последний раз бек клана аргын Кара-ходжа упоминается в исторических источниках в 1405 году (он, вероятно, был не очень молодым, когда прибыл как посланник), это могло произойти только во времена Улуг-Мухаммеда и его сына Махмутека. Подтверждением того, что такое переселение действительно имело место, служит также имя Шаптяк Сараевича, упомянутое в Казанском ханстве в 1455 году. Если он был беком племени барын и был связан с Сараем – а это вполне возможно, то барыны также могли переселиться на земли Казани вместе с Улуг-Мухаммедом в тот же период.

Связанные с Чурой батыром деревни находились на «Галичской дороге» (Галицкая даруга) в северо-западной части Казанского уезда в XVI–XVII веках [Исхаков: 2002. С. 348–353], поэтому эту территорию и следует считать владением беков аргынского племени в Казанском ханстве. Мы еще отдельно рассмотрим этот вопрос, а пока остано-

вимся на другой проблеме. Она касается четырех племен, о которых мы уже говорили и которые остались в Крыму. Основная суть проблемы заключается в следующем: когда Улуг-Мухаммед был вынужден покинуть Большую Орду (в которую, как уже упоминалось, входила и территория Крыма), возник вопрос о том, осталась ли часть племен, идущих от предков Тохтамыша, в Крыму. Их нахождение там подтверждается историческими источниками. Давайте их рассмотрим, ибо только так можно выйти на «следы» Чуры Нарыкова в Крыму.

Для нас важная информация сохранена в труде крымского историка Реммалия-хаджи (Кайсуни-заде Мехмед Нидаи) «*Тарих-и Сахиб-Герей хан*». В этом источнике, относящемся к первой половине XVI века, описываются военные походы Крымского ханства в 1538–1551 годах, и автор предоставляет информацию о племенных войсках, входивших в состав крымской армии 1543 года, показывая военный потенциал трех из четырех племен, подчиненных известным нам бекам карачам (четвертым в этом случае является мангытское племя, усилившееся в Крыму после 1502 года): в том году ширины выставили 5 тысяч воинов, а аргыны и кыпчаки – по 3 тысячи [Инальчик: 1995. С. 76]. Нам известно общее число представителей племени шырын в начале XVI века – это 20 тысяч человек [Исхаков: 2009. С. 41]. Исходя из последней цифры, соотношение общего числа населения оставшихся в Крыму племен и участников военных действий составляет 4:1. Таким образом, можно предположить, что в первой половине XVI века общее число аргынов и кыпчаков было около 12 тысяч человек. Ясно, что точное число представителей аргынского племени нам неизвестно. В любом случае, это число не могло быть слишком большим. Тем не менее, мы можем утверждать, что часть аргынского племени осталась в Крымском ханстве и играла значительную роль даже после Улуг-Мухаммеда. Мы можем привести еще несколько фактов, подтверждающих эту мысль. Например, в 1501 году, когда Иван III отправлял подарки знатным татарам в Крым, среди них упоминается также вместе с руководителями племен шырын, барын и других личность по имени «Мардан Аргын» [Сборник:

1884. Т. 41. С. 352]. Он действительно был беком, поскольку во второй раз он упоминается в письме крымского хана Менгли-Герея в 1508 году вместе с другими беками (которые делятся на две группы: первая группа – это беки Большой Орды, присоединившейся к Крымскому ханству после 1502 года, то есть лидеры племен кыйат, мангыт, салжигут и конграт; вторая группа – лидеры племен шырын, барын, аргын и кыпчак) как «князь Аргын Мардан» [Сборник: 1895. Т. 95. С. 20]. Очевидно, что обе группы (возможно, это деление связано с распределением войск Крымского ханства на правый и левый фланги) представляют основные племена государства. Безусловно, за беком Марданом стояло аргынское племя Крымского ханства. Беки племени аргын продолжают упоминаться в документах, относящихся к Крымскому ханству. В «Слове» крымского хана Менгли-Герея 1515 года упоминается аргын Манташ как «князь» (источник на русском языке), который фигурирует в списке других знатных людей. Также известно, что в 1519 году среди «хороших слуг» султана Бахадир-Герея был аргын Али-Шукур, также обозначенный как «князь» [Сборник: 1895. Т. 95. С. 161, 610]. Кроме того, в 1517 году, когда крымский хан Махмед-Герей обсуждал заключение соглашения с Великим князем Московским Василием Ивановичем, среди беков, которые должны были дать согласие на соглашение, были названы четыре известные нам племени, среди которых также упоминается аргынское племя [Сборник: 1895. Т. 95. С. 388]. Наконец, в списке знати Крымского ханства, составленном для подписания соглашения с Москвой в 1519 году, наряду с беком кыпчакского, конгратского и кыйатского племен также присутствуют представители двух аргынов – один из них уже знакомый нам Али-Шукур «князь», а другой – Корбан-Али «князь» [Малиновский: 1863. С. 415]. На самом деле в этом списке представлены две группы лидеров племен: первая начинается с главы племени шырын Мемеша «князя», а вторая (беки аргынского племени указаны там) начинается с лидера кыпчакского племени «князя» Исмаила. Как уже упоминалось, это связано с делением племен Крымского ханства на правую и левую стороны; аргыны и кыпчаки вместе с другими некоторыми

племенами (конграт, кыят) составляли левое крыло этого государства. Давайте запомним этот вывод, так как он нам еще пригодится. В данный момент мы можем с полной уверенностью утверждать, что часть аргынского племени уже с XV века проживала в Крымском ханстве.

На основе этого вывода вернемся к вопросу о социальном статусе Чуры Нарыкова в Казанском ханстве.

§ 3. Чура Нарыков – «волостель», «воевода», «большой князь»

Выше уже было установлено, что Чура Нарыков происходил из знатных аристократов и носил титул «князь», то есть бек (би/бей) в Казанском ханстве в период с 1526 по 1546 годы. Однако при определении его социального статуса необходимо объяснить некоторые противоречия, отраженные в эпосах, и прийти к более четкому выводу. Дело в том, что в эпосах, с одной стороны, говорится о высоком социальном статусе Чуры-батыра, а с другой стороны, он определяется как «черный» человек. Например, в версиях эпоса, записанных на Идель-Урале, Чура говорит о себе:

*Мән Чурамын, Чурамын,
Тұра түгел карамын*

«Я – Чура,
Я не чиновник, я черный <человек>» [Татар халық ижаты: 1984. Б. 118].

Такая же ситуация наблюдается и в версиях эпоса, собранных среди татар Добруджи (Буджака):

*Töre tuvil, qaraman.
Egiz tuvil, daraman
«Тұра тувел, караман.
Эгиз тувел, дароман»* [Bozçigit: 1988; Чура Батыр: 1993. Б. 53].

В версиях крымских татар также говорится:

Тёре дегиль, къараманман [Кърымтатар: 1991. Б. 69].

В ногайском эпосе «Шора баятир» рассказывается о том, как отец Чуры, Нарик, убивает Али бия, и говорится:

Хан казагын (то есть, Али бия – Д.И.) *оьтирген,*
Кадемсез бизим Шора уывыл ды.

.....

Төре туыл, кара оьлтирген кутылмас,
Меним улым эр Шора [Ногай халк: 1969. Б. 71].

В этой версии повторяется тот же смысл, что Чура (Шора) человек «черный».

Только в казахских циклах эпических произведений о Чура батыре его мать Менди описывает Чуру как «Асыл тұған Шорасың», «Ақ сүйек туған төресін» [Батырлар жыры: 1989. С. 344, 351], то есть, как знатного человека, представителя аристократии, а хан по имени Аделше (упоминается как казанский хан) говорит о нем не только как о «Ақ сүйек тұган баласың» (урожденном аристократе), но и как о том, что его отец Нарик был ханом («Атаң Нәрік хан еді») [Батырлар жыры: 1989. С. 354–355]. На самом деле в этих случаях казахские версии эпоса ближе к истине, так как Чура Нарыков имеет право называться «асыл тұган» и «аксояқ». Однако информация о том, что он упоминается как «чёрный» <человек> и не является знатным (<тура> / <турә>), все же заслуживает внимания, поскольку за этими понятиями стоит определенная историческая реальность. Во-первых, хотя Чура происходил из рода беков и занимал более высокое положение среди своих соплеменников, он все равно считался правителем «чёрного народа» (у древних тюрок – «будун») по сравнению с представителями династии Чингисхана, которые достигли величайших статусов (императорского статуса) (их род не зря называли «золотым» – «Алтын ыру / уруг»). Во-вторых, как уже было показано ранее, у термина «чура» есть значение «вассал», «представитель служебной группы», что также придает некоторый «чёрный оттенок» образу Чуры

Нарыкова в эпосе (дополнительно можно предположить, что эта тенденция усиливается тем, что понятие «чура» также имеет значение «раб»). Кроме этих двух причин существует еще одно объяснение уникального социального статуса Чуры-батыра, но его «понимание» не так просто. Речь идет о следующем.

В вариантах дастана, посвященного Чура батыру, записанных у казахов, дается следующая характеристика его главного героя: «артык туган Шора», «артык туган туре», «артык туган султан», «артык аргын» [Батырлар жыры: 1989. С. 328, 334, 338, 344–345, 354, 366]. Почему же в этих дастанах Чура (как *туре* или *султан*) упоминается как «лишний» («артык»)? Чем он был «лишним»? Ответы на эти вопросы должны быть найдены внутри содержания дастана. Для этого необходимо вновь обратиться к различным версиям их содержания.

Как уже упоминалось, согласно версиям дастана, записанным в Волго-Уральском ареале, Чура батыр рождается, когда его отец и мать переезжают из города Хаджитархан (до этого его отец Нарик-батыр, вероятно, жил в «Дагистанском юрте»), и это место рождения находится близ Крыма или даже в самом Крыму. В период своего взросления герой дастана также совершает путешествие к «Иделу» и возвращается обратно в Крым, поскольку в дастане указывается, что «его юрт» находится там. Затем, убив Гали бека, сын Нарика Чура батыр приходит в Казань и остается там до конца своей жизни (хотя один раз он возвращается в Крым) (см.: [Татар халык иҗаты: 1984. Б. 108–109, 111, 113, 115–118]).

Обратите внимание: несмотря на различные перемещения, в вариантах дастана, распространенных в Идель-Урале, указывается, что владение отца Чура батыра находится «в Крыму», а не в Казани, то есть главный герой дастана происходит из Крыма. Еще один важный момент – когда Чура батыр служит в Казанском ханстве (возможно, не до самого конца), его отец еще жив и управляет своим владением в Крыму, откуда он также один раз приезжает в Казань.

Если обратиться к дастану, записанному у татар Добруджи (Буджака), то там также говорится, что Чура батыр приходит в Казань из Крыма, его отец тоже живет

там, а земли Нарыка находятся рядом с городом «Кукешле Тамга», и известно, что эта территория близка к границам Крымского и Казанского ханств. Более того, в исследуемой версии дастана утверждается, что Нарык в свое время переселился во владения в Кукешле Тамга из «Казанского ханства». Поэтому, когда Чура решает убить Али (Гали) бека и отправиться «в страну Казан», он оказывается в «юрте своего отца», точнее, на территории, которая ранее принадлежала ему [Чура Батыр: 1993. Б. 23, 28, 30, 32–33, 44–45, 50, 53–56, 59–60]. В этом случае Чура батыр также покидает Крым и направляется в Казань, когда его отец еще жив.

В вариантах дастана «Чора батыр», записанных среди крымских татар, также утверждается, что отец Чуры Нарик жил в Крыму, в Кукешле Тамге. Когда герой дастана вынужден отправиться «в Казань как казак», его отец остается в Кукешле Тамге. Когда Чура батыр собирается покинуть Крым, он заявляет о том, что если его сделают ханом или же будут делать султаном, он не останется там [Кърымтатар: 1991. Б. 61–62, 66–67, 69]. Видимо, в крымской версии имеются некоторые противоречия с версией татар Добруджи, но с одной стороны они схожи – Чура Нарыков приходит в Казань из Крыма и когда он покидает Крым, владение его отца находится в Кукешле Тамге и Нарик-батыр еще жив.

В эпосе ногаев также присутствует аналогичная сцена: Шора-батыр, убив Али-бия в Крыму, отправляется в Казань, но сначала он видит этот путь во сне. Когда его сын живет в Казани, к нему приходит Нарик. Нарик говорит ему еще до того, как тот собирается в Казань: «Если ты будешь ханом в Казани». Это путешествие в данную страну воспринимается в дастане как казакование / «казак шыгу» [Ногай халк: 1969. Б. 71–72, 74, 78–79]. Интересно, что в этой версии дастана, когда герой собирается в Казань после убийства Али-бия, он называет себя «Нарик улы мен Шора» и добавляет: «Я родился от матери так» [Ногай халк: 1969. Б. 68]. Смысл этой фразы близок к понятию «артык туган», которое нам уже знакомо.

Теперь нам нужно рассмотреть варианты дастана, сохранившиеся у казахов, так как в них есть особенности, которые не совпадают с другими национальными версиями.

Во-первых, в казахских вариантах этого эпического произведения говорится о том, что Нарик (Нарык) родился в Казани и даже был там ханом, а его уход из этой местности связан с убийством Али-бия (см.: [Батырлар жыры: 1989. Б. 306–307, 313, 327, 334, 354]). В некоторых вариантах дастана Шора сам же и убивает этого бия [Там же. Б. 333]. Во-вторых, в исследуемых версиях дастана Шора (Ер-Шора) направляется в Казань из места, где его отец находится – это где-то «в степи», в определенном «регионе», где он является ханом. В казахских вариантах дастана приводятся несколько причин его похода туда: 1) Шора идет в Казань, чтобы «не дать кяфирям ее захватить» и чтобы «золотой трон» его отца – это известный нам «золотой трон» – дабы «не остался в руках врагов»; 2) Он также отправляется в эту землю, чтобы взять в жены дочь хана Казани по имени Ханжан [Там же. Б. 332–334, 352]. Направляясь туда, Шора говорит: «Я буду ханом в Казани». Ханбике Адилше, встретившая его в Казани, признает, что отец Шоры Нарик родом оттуда и ранее был «ханом» в Казани [Там же. Б. 354].

Таким образом, в дастанах, посвященных Чура батыру, мы находим несколько объяснений о родине его отца: сначала он живет вне Крыма (в Дагестане, Хаджи-Тархане, Казани или в степи), а затем оседает в Крыму. В большинстве случаев его сын Чура-батыр приходит в Казань из Крыма. Однако дастан «Чура батыр» также показывает возможность его выхода из степей за пределами Крыма. Следовательно, у героя дастана есть две возможности для прихода в Казань: одна – из Крыма, другая – из неопределенных «степных земель». Последнее важно, поскольку в записанных версиях дастана среди татар Идель-Урала также упоминается о его путешествии «по Иделю». Скорее всего, Чура Нарыков не пришел напрямую из Крыма в Казань, а какое-то время жил как «казак», прежде чем осесть. Почему же важны все эти детали? Потому что без них невозможно объяснить информацию о том, что Чура батыр является «лишним»/«артык туган». Теперь необходимо отдельно остановиться на этом вопросе.

Начнем с того, что после распада Золотой Орды в татарских ханствах, которые возникли, политическую

основу составляла система из четырех племен, дающих карачи-беков. Каждое племя представляло собой отдельное владение (бейлек), и эти владения возглавляли лидеры племен (титулы – *бий*, *бай*, *бак*). Естественно, лидер племени мог быть только один. Кроме того, в каждом племени история возглавляющего его благородного рода начиналась как минимум с времен Чингисхана (см.: [Дэфтэрэ: 2011]) и не могла быть заменена представителями других родов. Это подтверждается историей рода Идегея, то есть лидеров мангытского племени, которая была достаточно хорошо известна и последовательна. Однако в вопросе преемственности рода есть одна тонкость: если племя разделяется и расселяется по разным государствам (что часто происходило на землях Золотой Орды), то род правивших беков также распадается вместе с частями племени, и представители новых групп, образовавшихся на новых местах, занимают руководящие позиции. На примере аргынского племени мы уже видели такую ситуацию: после Токтамыша и его сыновей на трон взошел Улуг-Мухаммед, и часть племени аргын осталась в Крыму, а другая группа под руководством прежнего лидера племени Кара-ходжа бека переехала в сторону Казани. Естественно, между разделенными родами сохранились родственные связи, и их родословные, а также взаимосвязи, выходящие за пределы государственных границ, позволяли представителям этих родов знать о своих родственных отношениях.

Таким образом, если в определенном ханстве прерывалась линия нобилитета среди карачи беков (например, если не оставалось детей мужского пола), то можно было назначить беком представителя того же рода и племени из другого ханства (для этого требовалось решение хана). В этом случае выбирали не основных наследников лидера племени, а одного из его сыновей или других родственников. То есть, поскольку у этого лица не было возможности занять «место» в клане, то есть, получить статус бека, он становился «артык» (избыточным) нобилем. Также следует отметить, что из истории Крымского ханства нам известно: у каждого султана был свой дворец и связанные с ним нобили, в том числе и из рода карачи беков. Они могли подняться на более

высокий уровень, если этот султан восходил на трон. Если же султан уезжал в другое государство и достигал там статуса хана, его нобили также могли уехать вместе с ним. Такие изменения могли происходить и во время смены ханов. Не будем забывать: земли всех татарских ханств, являющихся наследниками Золотой Орды, считались общими владениями представителей «Золотого рода»/«Алтын урук», то есть Чингизидов, и племен, представляющих карачи беков. Особенно это единство касалось Крыма, Казани и Касимова, так как именно там правила одна и та же родственная группа Чингизидов (род Тохтамыша) и одна и та же группа племен (аргин, барын, шырын, кыпчак).

Исходя из сказанного, мы можем сформулировать такую гипотезу: «лишность»/«артыклык» Чура батыра, возможно, не связана только с его убийством Али (Гали) бея. Поскольку, согласно дастану, он уже до этого ходил к Иделью, а его отец тоже где-то в степи был казаком. Эта информация может говорить о том, что, хотя Нарык батыр и его сын Чура батыр связаны с родом лидеров аргинского племени, возможно, они не принадлежали к «старшей» ветви, или же из-за политических причин (например, смены хана) могли утратить свои статусы. Для размышления в таком направлении есть несколько оснований. Во-первых, из записанных в Идель-Урале генеалогиях Чура батыра видно, что у него были и другие братья. Во-вторых, в дастане «Чорабатыр», записанном в Крыму, упоминается о наличии у Нарыка брата по имени Арик [Кърымтатар: 1991. Б. 57]. А это представитель «старшего» поколения. Также в генеалогии, начинаящейся от Кара-Коджа бека, говорится о том, что в Крыму существовала другая ветвь беков аргинского племени. В дастане о группе «Тама», записанном среди казахов и переведенном на русский язык, также упоминаются три родных брата: старший – Кариббай (Кара би?), средний – Нарикбай (Нарик би), младший – Исым бий [Сборник. Т. IV: 1895. С. 2]. Здесь также упоминаются два брата отца Чура батыра (один старше, другой младше). Однако в другом варианте дастана «Тама», сохраненном на казахском языке, эти имена почему-то не упоминаются (см.: [Батырлар жыры: 1989. С. 271–285]). Тем не менее, мы должны продолжать использо-

вать приведенную информацию, включая известные исторические источники по Крымскому ханству. Например, как уже было сказано, в 1519 году в Крыму одновременно упоминаются два представителя аргынского племени – знатный Али-Шукур и Корбан-Али с титулом «князь». Эти же лица появляются в списке знати Крымского ханства за 1524 год [Малиновский: 1863. С. 115]. Имя одного из них – Али Шукур бек – присутствует в генеалогиях беков аргынского племени, начинающихся от Кара Коджа. Это значит, что речь идет в документах 1519 и 1524 годов о лидере этого племени. Если исходить из такого вывода, то как определить статус Корбан-Али бека («князя»), который был современником лидера племени Али-Шукура? Ведь одновременно два человека не могут занимать место бека племени. Вероятно, Корбан-Али получил титул «бек» другим путем. Например, он сам или его отец могли приехать в Крым из другого ханства после того, как уже получили титул «князя» (бека). В любом случае, такая гипотеза имеет место быть. Следует отметить, что под ханствами могут подразумеваться Казань или Касимов. Как бы то ни было, нам нужно помнить о приведенных ранее рассуждениях при возвращении к территории Крыма и Казанского ханства.

Начнем с Казанского ханства, поскольку именно на этой территории с 1521 года начинают править представители династии Гереев: с 1521 по 1524 годы ханский трон занимает Сахиб-Герей, затем его брат Сафа-Герей правит в 1524–1531, 1533–1546 и 1546–1549 годах с определенными перерывами. В связи с этим возникает вопрос: не мог ли отец Чура батыра Нарык появиться здесь впервые в 1526 году вместе с представителями династии Гереев? Это вполне возможно, особенно если он был «лишним» в Крыму и если у его отца (или предков) уже были владения в Казанском юрте. Некоторые места дастана о Чура батыре намекают на это.

Скажем, в версиях дастана, записанных среди татар Добруджи (Буджака) и казахов, о Чура батыре упоминается, что его отец имел владения в «Казани». Сказано, что позже он по каким-то причинам переселился в Крым (эта версия не встречается у казахов). Мы не можем оставить без внимания информацию о том, что Нарык батыр некоторое

время жил «в Казани». Конечно, за таким неопределённым сюжетом может скрываться обобщённая информация о наличии у аргынского племени определённого владения (бекства) на территории Казанского ханства. Если такое владение действительно существовало, его главой мог быть привезённый из Крыма знатный феодал, произошедший из аргынов, когда в Казани произошла смена династии (при восшествии на трон Гереев). Не будем забывать, что в борьбе за трон Казани в 1487–1518 годах (в котором в 1496 году также участвовал Шибанид Мамук) основные лидеры племён могли оказаться «непригодными» в связи с различными ханами. Возможно, в этот период Чура батыр или его отец Нарык были вынуждены покинуть Казанское ханство. Да, это всего лишь гипотеза, но не безосновательная. Ещё один исторический факт: после смерти Менгли-Герея, который долгое время сидел на троне Крымского ханства, его сын Мухаммед-Герей, после больших побед в 1523 году в Хаджитархане неожиданно был убит лидерами мангытского племени (см.: [Смирнов: 2005. Т. I. С. 299–300]), что привело к политической нестабильности в Крыму. Возможно, эти события также стали причиной ухода некоторых местных феодалов. В любом случае, сообщение о том, что отец Чура батыра Нарык когда-то приезжал в «город Хаджитархан», не может быть случайным.

Таким образом, отец Чура батыра Нарык оседает в Казанском ханстве, и русский источник под названием «Казанская история» утверждает, что Чура батыр был «волостелем», «воеводой» и «большим князем». Теперь мы можем раскрыть истинные значения этих понятий.

«Волостель» – безусловно, за этим термином стоит тюркское слово «олыс/улыс/улус» (русское слово «волость» также может происходить от него). Понятно, что «волостель» означает «владелец улуса». Таким образом, на самом деле именно это понятие указывает на то, что Чура батыр владел одним из улусов, то есть бекством (княжеством) в Казанском ханстве. В XVI–XVII веках, когда русские подчинили Казанское ханство, эта территория называлась «Галицкая/Галичская дорога (даруга)». Мы можем предположить, что её политическими центрами были

поочерёдно Караби (Караваево) и Кара-Ходжа, а также село Екеево (Жәке), расположенные недалеко от Казани. На левом берегу Волги (пока нельзя точно определить границы на правом берегу) можно примерно оценить границы этой территории [Исхаков: 1998. С. 42–56].

«Большой князь» – это понятие непосредственно связано с тюркско-татарским термином «олы / Улуг бәк / бий», или оно является калькой с термина «*baş karacı /bæk/*», характерного для Крымского ханства [Inalcik: 1979–80. Р. 447]. Это означает, что данное определение подтверждает, что Чура батыр, сын Нарыка, был карачы беком в Казанском ханстве. Также стоит отметить: в Крыму два племенных бека – лидеры клана шырын и барын – считались статусно более высокими по сравнению с остальными двумя (аргыны и кыпчаки) [Сыроечковский: 1940. С. 29; Manz: 1987. Р. 286]. Это может быть связано с древней традицией. Не известно, наблюдалось ли такое же положение и в Казанском ханстве. Однако, если исходить из численности войск под командованием Чуры Нарыкова (об этом будет сказано позже), можно предположить, что аргыны также имели здесь второстепенное положение.

«Воевода» – эквивалентом этого термина на наш взгляд, в тюркском языке является слово «батыр». Однако, чтобы подтвердить это, нам нужно обратиться к некоторым историческим источникам, касающимся Крымского ханства. В первую очередь, стоит обратить внимание на следующую информацию: в письме Крымского хана Менгли-Герея, отправленном в Москву в 1508 году (сохранившемся только в русском переводе), упоминаются 4 «князя», то есть карачи беки (Ширин Агиш, Барын Давлет, Аргын Мардан и Кыпчак Магмуд), с пояснением – «воеводы князя» [Малиновский: 1863. С. 185]. Упомянутое понятие соответствует фразе «*Орыш бие Шырын*» из дастана «Идегей» [Идегэй: 1988. Б. 221], и это не случайно, поскольку карачи беки, возглавлявшие «племенные войска», выполняли роль гвардии в татарских ханствах и составляли ядро военной силы государства. Поэтому, если военное подразделение, состоящее из карачи беков и их соплеменников (обычно 10–12 тысяч профессиональных воинов),

по каким-либо причинам восставало против хана, тот не мог ничего сделать [см.: Инальчик: 1995. С. 76–77]. Эта особенность также ярко проявляется в дастанах о Чура батыре – основным «ремеслом» этого знатного татарина было занятие войной. Сохранившиеся русские источники подтверждают это. В одном из сообщений (относится к 1540 году) говорится о том, что Чура Нарыков возглавлял армию из 8 тысяч человек, но в бою участвовали не только татары, но и мари и чуваши, поэтому число татар в его армии, вероятно, было меньше. В некоторых версиях дастанов о Чура батыре, записанных казахами, упоминается, что его герой и младший брат его отца Исым бий, а также неизвестный нам Тосан мурза возглавляли армию из 6 тысяч воинов [Сборник материалов: 1895. Т. IV. С. 86]. Однако на самом деле реальное число воинов Чура бека могло быть не столь велико, поскольку «Казанская история», описывая эпизод его побега из Казани, говорит о том, что с ним было 1000 «воинов» и 500 «рабов-служителей», то есть всего 1500 человек в военном объединении [Казанская история: 1954. С. 81]. Ранее также упоминалось о похожем числе для Крымского ханства – в 1543 году сообщалось о том, что объединенные армии аргынов и кыпчаков насчитывали 3000 человек. Если предположить, что из этих двух племен было равное число воинов, получится как раз число воинов армии Чура батыра в Казанском ханстве.

Таким образом, Чура Нарыков действительно оказывается «воеводой» – «батыром». Его наименование «*ир*»/«муж» имеет такое же значение, поскольку содержание этого термина аналогично (см.: [Орлов: 1945. С. 8]).

Основываясь на новых данных о Чура батыре, мы можем теперь вернуться к эпизоду его гибели. Как уже упоминалось, при исследовании этого вопроса мы столкнемся с различием между исторической реальностью и легендарным (эпическим) описанием. Если нам удастся понять суть этого различия, мы сможем представить этническое сознание и историческое мышление татарского общества в период падения Казанского ханства. Именно тогда станет ясным основной смысл предупреждения будущих поколений, заложенного в дастан о «Чура батыре».

§ 4. Смерть Чура батыра и «предостережение будущих поколений»

Для того, чтобы восстановить историческую реальность вокруг вопроса о смерти Чуры Нарыкова, необходимо вновь обратиться к русским источникам, освободившись от легендарных и мифологических наслоений. Однако в данном случае эти источники следует исследовать более конкретно, в отличие от ранее проведенных анализов. Это исследование невозможно без версий дастана, посвященных Чура батыру, и исторических легенд, так как известные нам русские источники имеют очень ограниченные информационные возможности по интересующей нас проблеме.

Ранее мы обращали внимание на два русских источника, сообщающих о смерти Чуры Нарыкова – «Патриаршую (Никоновскую) летопись» и «Казанскую историю» (известную и как «Казанский летописец»), написанную в 1564–1565 годах. Теперь необходимо вернуться к информации в них и обсудить ранее оставленные в стороне вопросы.

Первое, что следует отметить, это то, что смерть Чуры Нарыкова приходится на середину июля 1546 года (это наше предположение, которое будет уточнено далее), и он был убит Сафа-Гереем, вернувшимся на трон Казанского ханства. Информация о данном событии попадает в «Патриаршую (Никоновскую) летопись», согласно которой она относится к 20 сентября 1547 года, и сообщение об этом было передано группой татар (76 человек), эмигрировавших из Казанского ханства в Великое княжество Московское. То есть между реальным событием и его записью в летописи прошло некоторое время. Однако, учитывая, что

среди передавших сообщение были братья Чуры Нарыкова, не остается сомнений в том, что он был убит по приказу хана Сафа-Герея (как мы знаем, в то время подвергались наказанию и другие знатные татары), так как нет никаких объективных причин для обмана москвичей по этому вопросу.

Тем не менее, в «Казанской истории» есть несколько других сведений, вызывающих размышления. Что же имеется в виду в данном случае? Из указанного источника видно, что когда Шахали бежал (напомним, именно тогда ему помогал Чура Нарыков) во время большого праздника (возможно, собрания), организованного по его приказу, были убиты 20 крупных татарских вельмож, которые спали пьяные, а еще 20 таких же вельмож он увел с собой связанными [Казанская история: 1954. С. 81]. На следующее утро, когда татары пришли во дворец хана и увидели мертвых, они поняли, что хан сбежал, и начали преследовать Шахали; не сумев его поймать, они вступили в конфликт друг с другом и, в конце концов, начали обвинять Чуру Нарыкова, однако тех, кто признавал его доблесть и ум, в Казани было достаточно [Там же. С. 82]. В это время, согласно этому источнику, он через 10 дней после Шахали уходит в свои деревни на отдых (ведь это лето!), но с большой группой затем бежит в сторону Москвы и начинает ждать Шахали в назначеннем месте. В этот момент татары из Казани понимают, что Чура Нарыков сбежал, и идут к его лагерю. «Казанская история» далее рассказывает: «...казанцы ...догнавше (Чуру – Д.И.). Он же, обострившись в месте крепце, чаяхся отбити от них; и бывшеся с ними долго. И убиша храброго своего воеводу Чуру Нарыковича с сыном его, и со всеми отроки его...» [Там же. С. 82]. Обратите внимание, что в описанном эпизоде не упоминается Сафа-Герей, но ясно, что армия казанцев была не маленькой. Если автор «Казанской истории» жил в это время в Казанском ханстве, почему он не говорит ни слова о Сафе-Герее при обсуждении смерти Чуры Нарыкова? В общем-то, участвовал ли Сафа-Герей в битве с войском Чура батыра?

Ответить на заданные вопросы непросто. Если обратиться к «Патриаршей (Никоновской) летописи», то 13 июня 1546 года в Казани на трон был возведен Шахали, который

пробыл там всего месяц, так что его побег, как уже упоминалось, приходится на середину июля [ПСРЛ: 1965. Т. 13. С. 148]. Когда он сбежал, казанцы уже вернули Сафа-Герея «на берег Камы» [Там же]. Как мы уже говорили, согласно «Казанской истории», Чура батыр отправляется в путь через 10 дней после Шахали. Понятно, что за эти 10 дней Сафа-Герей должен был успеть утвердиться в Казани – ведь трон был пуст, а «казанцы» сами позвали этого хана обратно. Следовательно, если учесть общий ход событий, Чура Нарыков и его сторонники должны были ответить перед ханом, который вернулся к власти, за то, что они привели Шахали на трон. Таким образом, эпизод о смерти этого знатного татарина в «Казанской истории» хотя и содержит интересные детали, можно считать неполным; по крайней мере, в описанных событиях не упоминается никакая роль Сафа-Герея.

На самом деле, к этой неполной информации можно добавить некоторые исторические легенды, сохранившиеся у татар. Например, в родословной истории, связанной с селом Каравужа, есть такие строки о «Чура бии»: «...Чуру бия убивают за предательство Казанскому хану (обратите внимание! – Д.И.), налив ему в рот расплавленное серебро (золото). «Вот тебе и богатства не хватало, вот!» – говорят. Чура би продал секреты московскому царю. Его могила находится на новом кладбище села Зур Каравужа» (см.: [Эхмэтҗанов: 1995. Б. 34; Татар халык иҗаты: 1987. Б. 160]). Видимо, хотя имя «Казанского хана» не упоминается напрямую, он все же является причиной смерти Чуры бия. Скорее всего, Сафа-Герей участвовал в событиях, описанных в «Казанской истории». В эпизоде о смерти Чуры Нарыкова в «Патриаршей (Никоновской) летописи» также есть интересная деталь: одновременно с ним хан (то есть Сафа-Герей) убивает не только князей Баубека и Кадыша, но и «многих других» («иных многих») [ПСРЛ: 1965. Т. 13. С. 149]. Это соответствует одному месту в «Казанской истории», где упоминаются не только Чура Нарыков и его люди (1500 воинов), но и другие знатные татары: «...и пристальных к нему – со всем богатством князей, з женами и з детми» [Казанская история: 1954. С. 82]. Таким образом,

среди тех, кто покидал Казань, были не только Чура батыр, но и другие высокопоставленные лица; и если следовать «Казанской истории», то они были убиты не в Казани, а вне ее, когда их настигла армия под предводительством Сафа-Герея и началась битва.

Таким образом, Чура батыр погибает вместе с сыном в июле 1546 года (вероятно, не в середине месяца, а немножко позже, примерно в двадцатых числах) в битве с ханской армией недалеко от Казани, возможно, в окрестностях своего родного села Караужа. Реальные исторические события развивались именно так.

А что же говорят об этом эпизоды дастанов, посвященные Чура батыру? В них смерть героя изображается совершенно иначе (см. выше). Поскольку об этом уже говорилось, сейчас следует остановиться на некоторых нюансах различных версий дастана, посвященных смерти Чура батыра.

В дастане «Чура батыр», характерном для татар Идея и Урала, герой погибает в бою с русскими войсками от рук своего сына (точнее, во время сражения с ним он тонет). То есть здесь Чура батыр героически погибает, защищая Казань. В дастане «Чорабатыр», записанном у крымских татар, герой после возвращения в «дворец Казанского хана» женится на «Сары ханым», которая позже оставляет его и переходит на сторону врагов. Когда у них рождается ребенок и он вырастает, он участвует в бою с Чура батыром, и оба они тонут во время сражения [Кърымтатар: 1991. С.72]. Этническая принадлежность этого вражеского войска в данном случае в дастане не уточняется, однако в конце произведения говорится: «После того как Чорабатыр утонул, Казань захватывают русские» [Кърымтатар: 1991. С. 72; Образцы: 1896. Ч. VII. С. 132]. Таким образом, можно предположить, что в этом случае Чура батыр тоже погибает в бою с русскими войсками и при участии своего сына.

В дастане, записанном у татар Добруджи (Буджака), прямо не указано, с кем именно сражался Чура, но говорится о том, что он отправляется в Казань для защиты от «казаков», то есть, прежде всего, от православных врагов крымских татар и ногайцев [Чура Батыр: 1993. Б. 54], а затем рассказывается о том, как большая армия

подрывает крепость Казани, и как одинокий герой, сражаясь с врагом на мечах, прыгает на своем коне с крутого берега в Волгу, чтобы не попасть в плен [Там же. Б. 60]. Здесь также речь идет о том, что Чура батыр погибает в битве с русскими войсками. В дастане ногайцев «Шора баятири» также упоминается: «... на Казань пришла война. В этом сражении Шора баятири сражался со своими молодцами и утонул в воде Эдиля» [Ногай халк: 1969. С. 79]. Эта версия полностью совпадает с версией татар Добруджи, и, таким образом, здесь также говорится о том, что Чура батыр «мужественно» погиб в бою. Хотя враг в дастане не упоминается явно, им оказывается русская армия.

В казахском дастане «Шора» дело обстоит иначе: «Когда Чура взял в жены дочь хана Казани, вместе со своим другом Колыншаком сражается против калмыков. После одной битвы, когда они сидели и обсуждали между собой, появилась душа Чуры в облике дракона (*айданар*). Когда Колыншак ударили его своим мечом, он исчез, и в тот же момент Чура тоже исчез в земле», – говорится в этом дастане [Батырлар жыры: 1989. С. 368–369]. Таким образом, хотя в казахском дастане упоминается о сражениях Чура батыра с врагами, они ассоциируются с калмыками, которые нанесли значительный ущерб казахам. При этом образ смерти героя не имеет героического оттенка. Однако здесь также присутствует интересный мифологический «след» – долго живущий змей. Мифологический дракон является таким существом, которое, согласно некоторым древним верованиям, могло принимать облик женщины (в татарской традиции – *юха* – змея). Поэтому возникает мысль, что мифологический образ Чура батыра, сохранившийся у казахов, может намекать на его смерть через женщину. Верно, это всего лишь гипотеза, которую трудно подтвердить, и в вариантах дастана у казахов нет упоминания о сыне Чуры. Тем не менее, данная мысль все же имеет право на существование.

Таким образом, в большинстве дастанов, посвященных Чура батыру, их главный герой сражается с врагами за свою Родину и трагически погибает. Именно через эту оценку мы можем реконструировать этническое сознание татар в средние века перед завоеванием Москвой Казанского

ханства: далекие предки татар не хотели видеть внутренние противоречия среди своих и не признавали их, даже смерть Чуры Нарыкова в дастане не совпадает с историческими событиями, но отражает дух того времени. Такие взгляды действительно были характерны для той эпохи, как показывают некоторые документальные источники. Например, в письме Кол-Шерифа (Шерифа Хажитархани), последнего великого сейида Казанского ханства, написанном в 1550 году под названием «Зафэр-намәи вилайете Казан» и адресованном турецкому султану, есть такие слова:

*Шәрифи, китмә бу йирдән, газа өмидегәр булса,
Бу көндөн соң дигәйләр кем, будыр сахиб Казан шәһре.*

«Шерифи, не покидай эту землю,
если есть надежда на газу,
После этого дня кто будет хозяином города Казан»
[Кол Шериф: 1997. Б. 80].

Эти слова подтверждают необходимость противостоять неверным. Когда русские захватили Казань в 1552 году, Кол Шериф, ведя своих товарищей, до конца сражался с захватчиками и был убит в последнем бою на крыше медресе; его тело упало на землю (в Казани его тело позже увидел князь Андрей Курбский). Упомянутые взгляды даже проникли в «Казанскую историю», так как о Чуре Нарыкове в этом произведении сказано: «...Инии же почиташе Чуру за храбрость его и за высокоумие его во всем граде» [Казанская история: 1954. С. 82]. После этого автор этого произведения, прекрасно понимая причины смерти Чура батыра, добавляет: «...И несть болши сея любви ничтоже, аще кто за друга (то есть за Шахали – Д.И.) душу свою положит или за господина» [Там же].

Однако народ на самом деле знал, как погиб Чура Нарыков – об этом очень ясно говорит легендарная история, связанная с селом Каравужа. Таким образом, образ Чуры б. Нарыка в дастане был создан в соответствии с основным психологическим состоянием татарского общества середины XVI века. Это было время, когда татары, обладающие

славной историей, создавали свои последние героические образы. После этих времен у татар не появилось новых дастанов, посвященных таким «батырам», то есть военным вождям, связанным с родами караби беков, поскольку времена изменились, ханства исчезли, а оставшиеся в живых аристократы начали служить своим прежним врагам. Поэтому в татарской литературе (в отличие от казахской и ногайской) в последующий период не осталось места для средневековых «подвигов» и их героических «батыров».

Теперь мы подошли к вопросу о «предупреждении» будущих поколений, заложенном в дастане «Чура батыр». На самом деле такое «предупреждение» присутствует лишь в некоторых вариантах этого дастана и, по нашему мнению, тесно связано с исторической реальностью Поволжья и Урала. Как мы уже упоминали ранее, что в дастане рассказывается о том, что смерть Чура батыра произошла через его сына, рожденного от жены другой нации (русской?). Однако в других национальных версиях дастана, существующих за пределами татар Волго-Уральского региона, этот сюжет отсутствует. У крымских татар упоминается только «дочь казанского хана» Сары ханым (которая в вариантах татар Идель-Урала также фигурирует как дочь Шахали [Татар халык иҗаты: 1984. Б. 115]), которая выходит замуж за Чуру, а затем покидает его и переходит на сторону врага; ее взрослый сын вырастает среди врагов и сражается с отцом как «батыр» [Кърымтатар: 1991. Б. 72]. Вероятно, это также можно рассматривать как отражение союза Шахали с русскими. Однако в других случаях жена Чура батыра (Сылубике, Алтын) остается в Крыму [Татар халык иҗаты: 1984. Б. 118; Чура Батыр: 1993. Б. 51; Ногай халк: 1969. С. 74], или же этот батыр планирует жениться на дочери хана Адельши по имени Ханжан [Батырлар жыры: 1989. Т. 5. С. 352]. В любом случае, прежде всего, мы должны выделить смерть Чура батыра через сына, рожденного от русской жены или дочери татарского хана, связанного с русскими, который стал врагом своего отца.

На самом деле этот сюжет может быть реакцией татарского общества на актуальные события после падения Казанского ханства, поскольку именно в этот период многие

знатные татары переходят на сторону русских, становятся пленниками и быстро подвергаются крещению (прежде всего политика христианизации проводилась по отношению к карачи бекам и Чингизидам [Исхаков: 1998. С. 233–234]), женятся на русских женщинах, что означает – в семью проникают чуждые взгляды и неверные. Данный дастан предостерегает об этом – подчеркивается мысль о том, что ребенок из смешанной семьи может оставить свою страну без защитника, если он станет врагом своего отца-героя, стоящего на страже Отечества. Это – важное сообщение, отправленное предками будущим поколениям [Paksoy: 1986].

§ 5. Неизученные аспекты дастана «Чура батыр»

Несмотря на все наши усилия, при работе над представленным текстом нам не удалось полностью раскрыть все исторические тайны исследуемого дастана. В первую очередь это связано с недостатком надежных источников. Поэтому в заключительной части нашего текста мы решили указать на некоторые вопросы, касающиеся истории, которые пока остаются в тени. Мы написали эту часть нашего труда с надеждой, что другие исследователи также подумают над этими вопросами и постараются найти ответы на них в ходе своих научных изысканий.

1. Необходимо продолжить исследование родословной отца Чура батыра – Нарык (*Нәрик*, *Нәррәң*) батыра, поскольку между Кара-ходжа беком, жившим в начале XV века, и Нарыком должно быть как минимум 3–4 поколения. Эти поколения сохранились только в дастанах ногайцев и татар Буджака: Чура ← Ир-Нарык (Чура би) ← Ир-Туляк ← Байгазы ← Астын (Арслан).

В одном из мест дастана ногайцев «Шора баятир» имя отца Нарыка упоминается как «Эсебий». Возможно, это имя связано с именем «Гайса / Иса» бий. Однако родословные, сохранившиеся в деревнях Казанского края, выглядят иначе: Чура батыр ← Чура би (Нарик) ← Караужа ← Кара би. Понятно, что во второй родословной не хватает поколений между Караужой и Чура бием (Нарыком) в части, относящейся к XV веку. Они присутствуют в первой родословной, но пока не связаны с Кара-ходжа беком. Поэтому необходимо искать документальные источники о перечисленных

личностях из последней родословной. Это касается и самого Нарык батыра, о котором также должны быть исторические источники.

Если такие исторические источники будут найдены и подтвердится правильность приведенной выше ногайской версии родословной, информация о генеалогии Чуры Нарыкова станет более обширной.

2. Во всех версиях дастана, посвященных Чура батыру, его отцу, их врагом называется «Акташлы» (Акътачлы) Али (Гали) бий. В свое время Чокан Валиханов, основываясь на казахском эпосе о Чуре, представил эту личность как «главу рода», стоявшего во главе ногайцев «актаци», живших в окрестностях Урала (вероятно, реки Урал/Жаек) и Сарайчика. Также, по его мнению, имя Али бека упоминается в ярлыке крымского хана Саадат-Герея, относящемся к 930 году по хиджре (1524 год), в котором он имел статус «конюшего» (ответственного за ханских лошадей) ([Валиханов: 1984. Т. 1. С. 109]. См. ярлык: [Тарханные: 1851. С. 22]). Возможно, с этим мнением стоит согласиться, ведь конфликт начинается с того момента, когда Али (Гали) бек забирает у Чуры любимую лошадь Нарык (*Нарәң*) батыра [Татар халық иҗаты: 1984. Б. 113; Кърымтатар: 1991. Б. 63; Чура Батыр: 1993. Б. 37; Ногай халк: 1969. С. 67]. Однако о данной личности необходимо собрать дополнительные сведения. Часть из них содержится в записанном на русском языке дастане «Шура-Батыр», где Али бий правит в «Ак-кала» и служит Кара хану, сыну Тимер хана, имея под своим командованием 40 тысячных «айракты» [Сборник материалов: 1895. Т. IV. С. 8]. Не является ли это названием племени? Также можно ли рассматривать название «Ак-кала» как вариант имени «Ак таш / Акташ / Акътачи»? Где же находится это поселение – «кала»? На эти вопросы еще предстоит найти ответы. Тем не менее, название «айракты» похоже на название племени «иректе», известного на территориях современного восточного Татарстана (в окрестностях реки Ик) и южных землях северо-западного Башкортостана. Эта группа связана с племенем табын (кара-табын), которое мигрировало из Западной Сибири (из района р. Миасс и Тоболо-Иртышского междуречья) [Исхаков:

1993]. Однако численность группы «иректе», расположенной в окрестностях Ика, была не столь велика, тогда как под командованием Али бия находилась большая военная масса в размере четырех туменов. Не следует забывать, что термин «иректе» происходит от тюркского слова «*ıræk*», то есть «укрепление, крепость», следовательно, это понятие может означать «служащие в укреплении», и в этом случае данный термин не будет обозначать название племени или рода. Что касается места «Ак ташлы/Ак-кала», его, вероятно, следует искать в Крыму или в близлежащих районах, поскольку в дастане «Чорабатыр» (крымскотатарская версия) упоминается, что злой Али бий приходит в место под названием «Кокушле Кок Тама» [Образцы: 1896. Ч. VII: С. 170]. Это означает, что эти два места не были очень далеко друг от друга и должны находиться в регионе, принадлежащем Крымскому ханству. В любом случае, по этим вопросам необходимо будет внести дальнейшую ясность.

3. В некоторых версиях дастанов, сохранившихся у казахов, Нарика называют «ханом», а его сына Чуру (Шору) – «султаном», при этом, когда он отправляется в Казань, он говорит: «Я стану ханом». Возникает вопрос: почему Нарик и Чура батыр получают такие титулы, если они были присвоены только Чингизидам, политическим наследникам правителей Золотой Орды? Действительно, здесь существует неразрешенная проблема – исторические источники показывают, что Чура Нарыков имел статус «князя» (бек, бий, бэй), а другие личности из его родословной также носили титул «бек», включая самого Кара-ходжу, стоявшего в начале генеалогического древа. Тем не менее, мы не можем игнорировать оценки, указанные в версиях дастанов, записанных у казахов, поскольку среди представителей рода Бачман-султана, выходца из восточных кыпчаков (кимаков), существовавших в Казанском ханстве, также встречается титул «хан» [Исхаков: 2010. С. 101–104, 206]. На наш взгляд, эти факты заслуживают внимания. Согласно некоторым данным (подробности см.: [Исхаков: 2018в]), в этих случаях мы наблюдаем явление, связанное с древней (домонгольской) историей кочевых бекских родов (например, в начале XII–XIII веков военные лидеры кочевых

кыпчакских племен с числом воинов в 10000 человек в государстве Хорезмшахов имели титул «хан»). Очевидно, этот вопрос также требует дальнейшего исследования.

4. Еще одной такой проблемой является вопрос о племени по материнской линии Чуры батыра. Как уже упоминалось, у клана его матери есть различные варианты наименований: тама / тана, төмән / тамайан. На первый взгляд, это племя может показаться противостоящим аргынскому племени по материнской линии и не имеет прямого отношения к отцовской линии. Однако этот вопрос может быть сложнее, чем мы думаем, поскольку в дастане «Шура-Батыр» содержится интересная информация. Согласно дастану, «тамалинцы», владеющие «40 юртами», пасли «бесчисленные стада» Нарика (Нарикбая) и были его «верными слугами» [Сборник материалов: 1895. Т. IV. С. 1]. Также Али бий спрашивает Чуру (Шору): «Ты не тамалинец?» – на что он отвечает: «Не называйте меня сыном тамалинцев, а называйте сыном Аллаха (*Тәңре*)» [Там же: С. 44]. Времена-ми в казахских версиях дастана тамалинцы (в некоторых случаях – «узбеки») выглядят как его собственный «народ» (например, в эпосе есть такие строки: «...в Казани ...бесчисленное множество таминцев во главе с твоим (Чуры – Д.И.) дядей Исым бием» [Сборник материалов: 1895. Т. IV. С. 49]), однако в приведенных выше строках их статус оказывается ниже. Таким образом, в казахском дастане «Тана» отец Нарыка Тана обозначен как «хан *Ак түрә*», «хан народа Астаны» [Батырлар жыры: 1989. С. 289, 291, 297, 300, 302], но это может свидетельствовать о том, что статус племени по материнской линии Чуры Нарыкова ниже статуса аргынов. Тем не менее, кто же были эти тамалинцы? Согласно нашим ранее проведенным исследованиям, группа тутмат (тума+множественное число с монгольским суффиксом –ыт/ут/ат), проживавшая в зоне Саян-Алтая, была подчинена Джучи между 1207 и 1218 годами и затем вошла в его владения, участвуя в походах монголов 1230-х годов и захвате Крыма в составе большого военного отряда под командованием Шибана, после чего долгое время оставалась в этом районе [История и культура: 2015. С. 125; Исхаков: 2009б. С. 278; Исхаков: 2009в. С. 25–26]. В последнем случае

название этой группы могло звучать как «төмән» (мы предполагаем, что название «Тамань» происходит от него), хотя точная форма могла быть – *тәмйән~тамә*. Если эта группа осталась в окрестностях Крыма позже, возможно, она была подчинена аргынскому племени, пришедшему с ханом Тохтамышем в конце XIV века. Однако пока это всего лишь гипотеза и вопрос требует дальнейшего изучения.

5. Последний вопрос, который еще не до конца понятен, касается географии распространения дастана, посвященного Чура беку. Например, понятно, что эпическое произведение об этой исторической личности известно среди татар Крыма, а также буджакцев и казанцев (то есть татар Идель-Урала) – это естественно, поскольку Чура Нарыков, ставший героем дастана, имел прямое отношение к Крымскому и Казанскому ханствам, а также к Касимовскому ханству (возможно, через дружбу с его правителем Шахали ханом). Однако почему дастаны, посвященные Чуре, сохранились среди ногайцев, казахов и даже каракалпаков? На этот вопрос ответить сложнее. Можно предположить, что в данном случае эпическое произведение проникло к соседним народам (в том числе к башкирам) в целом благодаря влиянию татар. В частности, это можно рассматривать как результат «влияния» личных (аргинских) и родственных (тама/тамян) племен Чура бека. Более широко это можно объяснить тем, что ногайцы, особенно ногайские татары, имели очень тесные этнические и политические связи с татарами Идель-Урала и участвовали в формировании этих народов. Не зря в версиях дастана о Чуре (Шоре), сохранившихся у казахов, этот благородный представитель знати называется человеком из народа «ногай». Однако данный вопрос требует дальнейшего изучения, прежде всего, необходимо специально исследовать среди каких представителей родов и племен были записаны известные версии дастана о данном «батыре» из перечисленных народов. Мы полагаем, что тогда станет более ясным, кому принадлежит историческое наследие конкретного татарского знатного лица, о котором рассказывается в данном дастане.

Таким образом, будущим поколениям ученых будет необходимо тщательно проанализировать дастан «Чура

батыр», в котором заложен ценнейший исторический материал. Но, прежде, чем приступить к этому, нашим фольклористам необходимо собрать и издать все национальные варианты эпического произведения. В первую очередь, эту работу должны выполнить татарские ученые, поскольку речь идет о духовном наследии тюрко-татарского народа.

Заключение

Дастаны, которые составляют важную часть богатого наследия татарского народа, собранного на протяжении веков, и другие источники, которые могут быть использованы для их глубокого понимания (летописи, генеалогии, предания/легенды, истории деревень, топонимические названия, имена племен и родов и т.д.), ясно показывают, что в национальных эпосах сохранены различные слои нашей истории, относящиеся к XIII–XVI векам, а также отражено множество аспектов общественно-политической реальности татарского общества того времени. На самом деле информация о жизни и быте наших средневековых предков, дошедшая до современности через тюрко-татарские дастаны, уникальна и очень ценна для исторической науки.

Изученные дастаны («Ак Кубэк», «Туляк и Сусылу», «Идегей», «Чура батыр») описывают события, происходившие в широких географических рамках (Крым, Буджак, Идель-Урал, Западная Сибирь, Алтай, Центральная Азия), но, в конечном итоге, речь идет об одном и том же народе – о народе, состоявшем из многочисленных племен, сформировавшихся в XIII–XIV веках и ставших общими предками в том числе и для ныне существующего народа, который носит этноним «татар», а также других народов, принявших разные наименования в более поздние времена. Именно поэтому дастаны «Идегей» и «Чура батыр» распространены среди многих тюркских народов, а эпос «Туляк и Сусылу» известен не только татарам, но и башкирам, тогда как дастан «Ак Кубэк» существует и у алтайских тюрков.

Мы считаем, что систематическое исследование национальных дастанов как исторических источников может привести к множеству новых открытий. Самое главное, что история татарского народа в средние века начинает лучше пониматься на основе этих уникальных и недостаточно изученных источников. В это время особенности государственной жизни также проявляются во всей своей сложности: здесь есть «золотой трон», «государственная птица», связанные с системой племен «девять» и «восемь батыров», церемония возведения хана на трон, роль благородных аристократов в этом процессе, их связи и противоречия с Чингизидами – все это присутствует во всех дастанах. Более того, эпические произведения народа освещают переход от кыпчакских объединений к Золотой Орде и от Золотой Орды к татарским ханствам, описывая трагические аспекты этого перехода (безжалостная борьба за трон между Идегеем и ханом Тохтамышем, роль Аксак-Тимура в кровопролитных войнах и т.д.).

Из дастана «Туляк и Сусылу» видно, что Болгарский вилайет Золотой Орды начинает превращаться в «землю с золотым троном», что подтверждается народными преданиями и источниками, называемыми «летописями». Они описывают переселение из Болгара в Старую Казань и основание Болгаро-Казанского владения. Именно при анализе указанных источников лучше понимается история возникновения Казанского ханства, связанная с приходом Улуг-Мухаммеда на территорию Казани («Болгар аль-Жадид»), и его предпосылки раскрываются более глубоко.

Дастан «Чура батыр» многогранное освещает судьбу Казанского ханства, одного из значительных политических наследников Золотой Орды, объясняя, что события развивались не в пользу татар. Династическая война, отраженная в этом эпическом произведении, изображает захват Казанского ханства Московским государством, который оправдывает это завоевание как столкновение христианского и мусульманского миров. Судьба Чуры Нарыкова представляется как предостережение для будущих поколений.

Национальные дастаны стремятся представить своих главных героев в качестве идеальных персонажей (хотя эта особенность не так ярко выражена в эпосах «Туляк и Су-сылу» и «Ак Кубэк»). Однако на самом деле Идегей и Чура Нарыков – спорные исторические фигуры, и если начать объективно их оценивать, придется уйти от оценок, представленных в дастанах. Несмотря на то, что между историками могут возникнуть дискуссии по этому поводу, важно помнить: оценки героев дастанов даны самим народом. Хотя они и являются историческими личностями, как эпические герои они отражают не реальный мир, а идеальный поток жизни. Следовательно, в будущих спорах мы также должны учитывать этот аспект.

Необходимо продолжать исследование наследия, связанного с дастанами и другими произведениями устного народного творчества. Мы уверены, что новое поколение ученых сможет заняться этой работой и сделать новые открытия в этом направлении.

Список источников и литературы

I. Источники

1. Ак Күбәк // Сибирские татары. Из сокровищницы духовной культуры. Антология фольклора сибирских татар: дастаны, мунаджаты, байты / авт. сост. Ф.Ю. Юсупов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. С. 403–413, 423–433.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. 1334–1598. СПб., 1841. Т. I. 622 с.
3. Батырлар жыры. Бесінші том. Қырымның қырық батыры (Мұрын жыраудан жазылған мұралар). Алматы: «Жазушы», 1989. 384 б.
4. Башкирские родословные / Состав. предисл., пояснения к переводу, перев. на рус. яз., послесловие Р.М. Булгакова, М.Х. Надерголова; указ., факсимиле Р.М. Булгакова. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: «Китап», 2016. 480 с.
5. Гибадуллин И.Р. Анонимное персоязычное сочинение «Хикаят»: источник по истории Волго-Уралья // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review. 2019. № 7 (4). С. 687–719.
6. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. Ч. I. Извлечения из сочинений арабских. Ч. II. Извлечения из сочинений персидских. Сост., ввод. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М., 2003. 448 с.
7. Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-та'рих. Полный свод историй / Пер. с араб. яз., прим. и комм. П.Г. Булгакова, доп. к перев., прим. и комм., введ. и указ. Ш.С. Камоледдина. Ташкент: «Узбекистан», 2006. 560 с.
8. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV / Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собр. В.Г. Тизенгаузеном и обраб. А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Доп. и перераб. издание. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. 620 с.

9. История Татарии в документах и материалах. М.: Гос. соц-экон. изд-во, 1937. 503 с.
10. История Чингис хана и Тамерлана // Труды Оренбургской УАК. 1907. Вып. 19. С. 115–117.
11. Казанская история. Под-ка текста, вступ. ст. и прим. Г.Н. Моисеевой. Под ред. чл.корр. АНССР В.П. Адриановой-Перетц. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 191 с.
12. Карпини Джованни дель Плано. История монголов // История монголов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: «Мысль», 1988. С. 30–85.
13. Кырымтатар халкъ ағызы яратыджылыгы. Хрестоматия. Тертип этиджи Дж. Бекиров. Ташкент: «Ўқитувчи», 1991. 248 б.
14. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. 1: Транскр., факсимиле. Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскр. Деръя Дерин Паشاоглу; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
15. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage», Вып. 5 / Перевод с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисл. и comment. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
16. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, comment. и прилож. Н.П. Шастиной / Памятники письменности Востока. М., 1973. 439 с.
17. Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского ОИД. Т. 5. Одесса, 1863. С. 178–419.
18. Ногай халк йырлары. М.: «Наука». Гл. ред. вост. лит-ры, 1969. 215 с.
19. Образцы народной литературы тюрksких племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В.В. Радловым. СПб., 1866. Ч. I. 420 с.
20. Образцы народной литературы тюрksких племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собранные В.В. Радловым. СПб., 1872. Ч. IV. 411 с.
21. Образцы народной литературы северных тюрksких племен. Наречия Крымского полуострова. Собр. В.В. Радловым. СПб., 1896. Ч. VII. 935 с.
22. Образцы народной литературы тюрksких племен, изданных В. Радловым. Ч. IX. Наречия урэнхайцев (сойотов), абаканских татар

- и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб., 1907. 660 с.
23. Поло Марко. Книга Марко Поло // История монголов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны. / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марка Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: «Мысль», 1998. С. 192–380.
24. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003. 91 с.
25. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: «Наука», 1965. 266 с.
26. ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: «Наука», 1965. 532 с.
27. ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2006. 540 с.
28. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М., Л.: «Наука», 1963. 411 с.
29. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Ч. VII. СПб., 1859. 302 с.
30. Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. С. 555–594.
31. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. Т. I. Кн. 1. 315 с.
32. Рубрук де Гильом. Путешествие в Восточные страны // История монголов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: «Мысль», 1998. С. 88–189.
33. Сайф ад-дин ибн дамулло Шах Аббас Аксикенти, аның уулу Нурумхаммад. Тарыхтардын жыйнагы («Маджмуат ут-таварих») / көтөр. М. Досболов, Д. Сооронов. Бишкек: «Ақыл» мамконцерни, 1996. 128 б.
34. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. IV. Ташкент, 1895. 240 с.
35. Сборник РИО. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турциею. Т. 1. С 1474 по 1505 гг. Эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884. 558 с.
36. Сборник РИО. Т. 95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турциею. 1508–1521 гг. Под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана. СПб., 1895. 706 с.

37. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадеть-Гирея. С введением, предисловием и примечаниями изданные И. Березиным. Казань: Типография ун-та, 1851. 56 с.
38. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перев., транскр., текст, прим., исследование В.Т. Юдина. Коммент. и указ. М.Х. Абусаитовой. Алма-Ата: «Гылым», 1992. 296 с.
39. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на рус.яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научн. редакция И.М. Миргалеева / Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage» Вып. 4. Отв. ред. выпуска И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
40. Худуд ал-’алам // Материалы по истории Киргизии. Вып. I. М.: «Наука». Гл. ред. вост. лит-ры, 1979. С. 35–44.
41. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Пер. с немецкого Ф.К. Бруна. Изд., ред. и прим. академика АН Азерб. ССР З.М. Буниятова. Баку: Изд-во «Элм», 1984. 162 с.
42. Шмидт С.О. Продолжение хронографа 1512 г. // Исторический архив. Т.VII. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 254–299.
43. Эдіге // Батырлар жыры. Т.В.Қырымның кырық батыры (Мұрен жыраудан жазылған мұралар). Алматы: «Жазушы», 1989. 70–95 бб.
44. Эдигэ: Ногайская эпическая поэма / Под ред. Н.Х. Суюновой; Карабаево-Черкесский ин-т гум. исслед. при Правительстве КЧР. М.: «Наука», 2016. 512 с.
45. Ак Күбәк // Татар эпосы. Дастаннар. Казан: «Раннур» нәшрияты, 2004. Б. 530–538.
46. Башкорт халық ижаты. Т. III. Уфа: «Китап», 1998. 448 б.
47. Дәфтәре Чыңғыз намә // Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкарләре/ [Транскр. эш., хәзерге татар әдәби тел. күчерүче, иск. һәм сүзл. төзүче, кереш мәкаләләр авт. С. Гыйләҗетдинов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 38–96 бб.
48. Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: «Мәгариф» нәшр., 2002. 343 б.
49. Әхмәтҗанов М.И. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 128 б.
50. Әхмәтҗанов М.И. Татар шәжәрәләре. Т. I. Казан: Г. Ибраһимов исем. ТӘСИ, 2011. 584 б.
51. Идеғәй. Татар халық дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 254 б.
52. Кол Шәриф. И күңел, бу дөньядыр... Газәлләр, кыйсса. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 94 б.

53. Котб. Хөсрәү вә Ширин. Казан: «Мәгариф» нәшр., 2003. 367 б.
54. Мирастан биш сәхифә. XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядъярләре / [транскр. эшләүче, хәзәрге татар әдәби теленә күчерүче, иск. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләр авт. С. Гыйлажетдинов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 331.
55. Татар теленең диалекталь сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.
56. Татар халык дастаны «Идегәй». Н. Исәнбәт жыйнамасы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. 39–76 бб; № 12. 34–82 бб.
57. Татар халык иҗаты. Дастаннар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 383 б.
58. Татар халык иҗаты. Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. 367 б.
59. Татар эпосы. Бәэтләр. Казан: «Раннур» нәшр., 2001. 506 б.
60. Татар эпосы. Бәэтләр. Казан: Татар. Кит. нәшр., 1983. 351 б.
61. Татар эпосы. Дастаннар. Казан: «Раннур» нәшр., 2004. 639 б.
62. Чура Батыр. Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 63 б.
63. «Чыңғызнамә». Тарихи дастаннар / Татар археографиясе се-
риясе, 23нче китап. Казан: «Милли китап» нәшр., 2019. 288 б.
64. Bozçigit. Dobruca Tatar Masalları. Birinci kitap / Toplagon,
kaytabaştananlatkan hem azirlegenler: N. Mahmut, E. Mahmut.
Bucureşti: Kriterion Kitap Üyi, 1988. – 258 с. (электронный ресурс:
<http://qirimtatar-bg.blogspot.ru/2012/09/cora-batr-destan.html>. Керү
датасы: 11.01.2019).
65. Ivanics Maria, Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis – Legende
(Däftär-i Čingiz-nämä). I (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch,
Faksimiles). Studia Uralo-Altaica 44. Szeged, 2002. 324 pp.
66. Özyetgin A. Melek, Kemaloğlu I. Altın Orda Hanlığına ait Resmi
yazışmalar. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017. 170 s.

II. Литература

67. Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV–XVII века): монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 316 с.
68. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начала XIX в. Отв. ред. д.и.н. З.И. Гильманов, А.А. Преображенский. М.: «Наука», 1990. 270 с.
69. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отноше-
ния в XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 160 с.

70. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н.В. Екеев (отв. ред.), Н.М. Екеева, Э.В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2014. 464 с.
71. Амирханов Х. Таварих-е Булгариа (Булгарские хроники). М.: Изд. дом Марджани, 2010. 232 с.
72. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1989. 293 с.
73. Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008. 252 с.
74. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. полигр.-изд. комб., 1998. 191 с.
75. [Березин И.] Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадеть-Гирея. С введ., переписью и прим. изданные И. Березиным. Казань: Типогр. ун-та, 1851. 56 с.
76. Валиханов Ч.Ч. [Заметки при чтении книги] проф. И.Н. Березина «Тарханные ярлыки» // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской сов. энциклопедии, 1984. С. 104–114.
77. Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б.Я. Владимирцов; редкол.: В.М. Алпатов (пред.) и др.; Сост. Слесарчук Г.И. М.: «Вост. лит.», 2002. 557 с.
78. Горский А.А. Москва и Орда. М.: «Наука», 2000. 214 с.
79. Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.
80. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1962. 434 с.
81. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1974. 727 с.
82. Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т. Узбекский народный героический эпос. М.: ОГИЗ Гос. изд-во худ. лит-ры, 1947. 519 с.
83. Закирова И.Г. Дастан «Ак Кубек» тюркских народов // Вестник Чувашского ун-та. 2009. № 44. С. 296–301.
84. Закирова И.Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Казань, 2011. 268 с.
85. Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бомо, гуй, яномо) // Вопросы истории Казахстана и восточного Туркестана. Ама-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. С. 104–122.
86. Инальчик Х. Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под правлением Сахиб Гирея // «Панорама-Форум». 1995. № 5. С. 73–94.

87. История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 728 с.
88. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Под-ка к нов. изд., введ., дополнения и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Мукминовой. Алматы: «Дайк Пресс», 2005. 711 с.
89. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН СССР, 2009. 1055 с.
90. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.
91. Исхаков Д.М. Патронимия у чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. С. 60–67.
92. Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 60–67.
93. Исхаков Д. Чора батыр – кто он? // Татарстан. 1997. № 12. С. 24–30.
94. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. Казань: «Мастер Лайн», 1998. 276 с.
95. Исхаков Д.М. Титулы «князь Болгарский» и «князь Казанский» // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова. Тез. науч. конф. Болгар, 1999. С. 86–87.
96. Исхаков Д.М. О титулах «князь Болгарский» и «князь Казанский» // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Сб. ст. к 50-летию научной деятельности члена-корр. РАН Р.Г. Кузеева. Уфа: Изд-во «Гилем», 2000а. С. 146–155.
97. Исхаков Д.М. Из истории титула «Болгарский князь» // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Матер. науч. конф., Казань, 25 апреля 2000 г. Казань: «Матбуат йорты», 2000б. С. 46–49.
98. Исхаков Д.М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 329–366.
99. Исхаков Д.М. Князья казанские, князья болгарские // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2005. № 2. С. 161–171.

100. Исхаков Д.М. Еще раз о казанских князьях рубежа XIV–XV вв. // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. / Сост. Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина; науч. ред. И.А. Гилязов. Казань: Каз. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 151–156.
101. Исхаков Д.М. «Дом Чингиз-хана» (Алтын Урук): Клановая принадлежность и ее атрибуты // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. I. Материалы итоговой конференции Института истории АН РТ, Казань, 2007 а. С. 18–27.
102. Исхаков Д.М. Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Сборник материалов Международного конгресса «Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики» (Казань, 18–19 апреля 2007 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007б. С. 293–300.
103. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Тат. кн. изд-во, 2009 а. 142 с.
104. Исхаков Д.М. Комментарий к одному месту из «Таварих-игзуида Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009б. С. 274–278.
105. Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XVвв.)». 17 марта 2009 г. Сб. ст. Вып. 1. Казань: Изд- во «Фэн» АН РТ, 2009в. С. 24–34.
106. Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009г. 164 с.
107. Исхаков Д.М. Булгарский вилает накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Гасырлар авазы. Эхо веков. № 2. 2009д. С. 123–138.
108. Исхаков Д.М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей». 80-летию Р.Г. Кузеева. «Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа, 17–19 апреля 2009». Уфа, 2009е. С. 224–227.
109. Исхаков Д.М. Новые данные о правителях Болгарского (Казанского) вилаята конца XIV – начала XVвв. // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Сост. Д.А. Мустафина, М.С. Гатин; научн. ред. И.А. Гилязов. Казань: Изд-во МО и Н РТ, 2010а. С. 231–237.

110. Исхаков Д.М. Булгарский вилаят накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. I. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.», посв. 80-летнему юбилею докт. истор. наук С.Х. Алишева (Казань, 24 марта 2009 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010б. С. 118–130.
111. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010в. 224 с.
112. Исхаков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории АН РТ, 2011. С. 119–127.
113. Исхаков Д.М. В поисках истоков и смысла изображения двухглавых птиц (орлов) на золотоордынских монетах // Нумизматика Золотой Орды. Golden Horde Numismatics. 2013а. № 3. С. 120–127.
114. Исхаков Д.М. Между Булгарам и Казанью: Этнополитические процессы в Булгарском (Казанском) вилайете в 60–70-х годах XIV–40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013б. 68 с.
115. Исхаков Д.М. Золотоордынская этнология татар: Эпический и исторический «золотой трон» («калтын тәхәт») // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review. 2014. № 3(5). С. 175–190.
116. Исхаков Д.М. История рода Яушевых в средневековый период и кимакская проблема. Казань-Воронеж: ООО «Фаворит», 2018в. 116 с.
117. Исхаков Д.М. История племени Кай (Кайы) и вопрос о происхождении династии Османов. // Туган жир. Родной край. 2020. № 1. С. 34–50; № 2. С. 52–68.
118. Исхаков Д.М. По следам одного татарского дастана: в поисках исторических реалий в эпическом произведении «Ак Күбәк» // Туган жир. Родной край. 2021. № 4. С. 20–33.
119. Исхаков Д.М. Чура Нарыков – Чура батыр: «большой князь», «волостель», «воевода» (исторические основания определений «Казанской истории») // Новое прошлое. The new Past. 2022. № 1. С. 43–56.
120. Исхаков Д.М., Измайлова И.Л. Этнополитическая история татар (III–середина XVI вв.). Научное издание. Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
121. Кавелин А. Древние болгары (из бумаг Кафтанникова) // Библиотека для чтения. Т. 82. СПб., 1847. С. 41–65.

122. Катанов Н. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904. Вып. XIV. Тобольск, 1905. С. 1–28.
123. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав. История расселения. М.: Изд-во «Наука», 1974. 570 с.
124. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. 155 с.
125. Кушкумбаев А.К. «Ак Орда» в тюркском эпическом жыре «Ер Едіге» // Золотая Орда: история и культурное наследие. Сб. научных материалов / отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BY-PRINT» 2015. С. 36–42.
126. Кушкумбаев А.К. «Алтын Орда»: об одном символе власти в империи Джучидов // Байырғы түрік құндылығтары – 2017. Халықаралық ғылыми–теориялық және практикалық конференциясының мокалалар жинағы. Астана: ЕҮУ баспасы, 2017 а. С. 356–361.
127. Кушкумбаев А.К. «Болат босағалы боз орданы Шәйбанға салды»: «Йуз Орда» или «Боз Орда» в восточных источниках // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственных и культурных традициях народов Евразии. Материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.). К 750-летию образования Золотой Орды. М.: Изд. дом «Медини», 2017 б. С. 84–91.
128. Кушкумбаев А.К. Термин «Орда» в кочевых империях Центральной Азии (домонгольское время) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2017 в. № 10. С. 84–91.
129. Кушкумбаев А.К. Сведения казахских шежере по истории средневековых кыпчаков // Средневековая история Дешт-и Кыпчака: международная научная конференция. 13–14 сентября 2017 г. Павлодар: ТОО НПФ «Эхо», 2018. С. 76–82.
130. Кызласов Л.Р. Ранние монголы (К проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь. Центральная Азия и Восточная Азия / История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отд., 1975. С. 170–177.
131. Кыргызы / отв. ред. А.А. Асанканов, О.И. Брусила, А.З. Жапаров; Ин-т этнологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории и культурного наследия НАН КР. М.: «Наука», 2016. 623 с.
132. Кычанов Е.И. «История династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. Вып. 19. С. 146–157.

133. Қорғанбеков Б.С. «Шора батыр» эпосы: нұсқалары, генезисы, тарихылығы. Монография. Астана: «Фолиант», 2014. 304 б.
134. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической УАК. 1895. № 23. С. 71–129.
135. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во вост.литры, 1963. 461 с.
136. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. втор., дополн. Т. I. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. 630 с.
137. Миргалиев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана. Казань: «Алма-Лит», 2003. 164 с.
138. Мустакимов И.А. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников (к вопросу о статусе г. Булгары на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2008. № 1. С. 142–157.
139. Мустакимов И.А. Владения Шибана и Абул-Хайра-хана по данным «Таварих-и гузда-айи Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009а. С. 114–132.
140. Мустакимов И.А. К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009б. С. 185–189.
141. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос. Книжные дастаны. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2014. – 379 с.
142. Мухаметзянова Л.Х. Чура Нарыков – политический деятель Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. Golden Horde Review. 2022. Т. 10. № 1. С. 212–228.
143. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: «Наука». Главная ред. вост. литературы, 1989. 281 с.
144. Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 148 с.
145. Парунин А.В. Сведения об Ак Орде в свете устной исторической традиции // Золотая Орда: история и культурное наследие. Сб. научн. материалов. Астана: ИП «BG-PRINT», 2005. С. 52–61.
146. Плетнева С.А. Половцы. Ответ. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М.: «Наука», 1990. 208 с.
147. Плетнева С.А. Половцы. М.: Изд-во «Ломоносов», 2010. 216 с.
148. Пономарев П.А. Данные о городах Волжской Булгарии. Кошан // Известия ОАИЭ. Т. XI. Вып. 6. 1893. С. 111–138.
149. Потанин Г.Н. Тангутско-тибетские окраины Китая и Центральная Монголия. Путешествия Г.Н. Потанина. 1884–1886. Т. Второй. СПб., 1893. 436 с.

150. Потапов А.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отд., 1969. 196 с.
151. Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / Карл Райхл; пер. с англ. В. Трайстер; под ред. Д.А. Функа. М.: «Вост. лит.», 2008. 383 с.
152. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I. Книга первая. М.: «Ладомир», 2001. 315 с.
153. Рыбушкин М. Поездка в Старую Казань // Заволжский муравей. 1833. Ч. III. Кн. 21. С. 1169–1189.
154. Салахетдинова М.А. Об одном неизвестном персидском сочинении по истории народов Поволжья // Страны и народы Востока. Вып. IV. 1965. С. 147–154.
155. Сафаргалеев М.Г. Распад Золотой Орды / Ученые зап. Мордов. НИИ при СМ Мордовской АССР. Вып. 11. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 274 с.
156. Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск: Карабаево-Черкесский ин-т гуманитарных исследований, 1994. 326 с.
157. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством оттоманской Порты до начала XVIII века. Т. I. М.: Изд. дом «Рубежи XXI», 2005. 541 с.
158. Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков «племен илатий» // Средняя Азия в древности и средневековые (история и культура). М.: «Наука», гл. ред. вост. лит-ры, 1977. С. 165–176.
159. Сыроечковский В.Е. Мухаммад-Герай и его вассалы // Ученые зап. Московского ун-та. Вып. 61. История. Т. 2. 1940. С. 3–71.
160. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ры» РАН, 2001. 763 с.
161. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа (Читаны в Туркестанском отделе РГО в 1924 и 1925 гг.). Ташкент: Вост. отд. Киргиз. гос. изд-ва, 1925. 62 с.
162. Урманчеев Ф.И. Героическое сказание «Ак Кубек» // Советская тюркология. 1977. № 3. С. 13–25.
163. Урманче Ф. Героический эпос татарского народа. Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. 312 с.
164. Урманче Ф. Чура батыр (эссе) // Мирас. 1995. № 7–8. 145–152 бб.; № 9. 98–109 бб.; 1996. № 1–2. 165–170 бб. (дэвамы № 7–12).
165. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: Изд-во «Фэн», 1999. 200 с.
166. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 222 с.

Список источников и литературы

167. Фалёв П.А. Ногайская сказка об Ак-Кобоке // Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837–1917). Т. 5. Вып. 1. Пертоград, 1918. С. 189–196.
168. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: «Наука», 1984. 214 с.
169. Фахрутдинова А.Р.Дастан «Туляк и Сусылу»: тюрко-татарские варианты: монография. Казань, 2011. 124 с.
170. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. 180 с.
171. Хоанг Мишель. Чингисхан / сер. «След в истории». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. 352 с.
172. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Репринтное воспр. издания 1923: Казань: Фонд ТЯК, 1990. 310 с.
173. Хусаинов Г.Б. Шежере как историко-литературный памятник // Башкирские шежере (Филологические исследования и публикации): Сб. ст. Уфа: БФ АН СССР, 1985. С. 3–23.
174. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаротатарские памятники Казанской губернии. Репринтное изд. Казань: Изд-во С. Бузукина, 2012. 704 с.
175. Атласи Һ.М. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы (Тарихи әсәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 448 б.
176. Әхмәтова Ф.В.Дастаннар // Татар фольклоры жанrlары. Казан, 1978. Б. 26–50.
177. Госманов М.Г. Каурый каләм эзеннән: археограф язмалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. 463 с.
178. Ибраһимова Л.Х. Төрки халыклар иҗатында «Чура батыр» дастаны. Казан: «Фикер», 2002. 192 б.
179. Исхаков Д. Тарихи туганлық, этник берлек (Көнбатыш Себер һәм Идел-Урал буе татарлары тарихыннан) // Татарстан. 1993. № 2. 39–48 бб.
180. Исхаков Д. Чура батыр кем ул? // Идел. 1994. № 9. 16–19 бб.
181. Исхаков Д.М. Милли дастаннарыбызда, тарихи ривааятыләребездә төбәк тарихы // Туган жир: Төбәк тарихы буенча басма [Родной край: Краеведческое издание]. Вып. 1. Казан: ТРФА Ш. Мәрҗани исем. Тарих институты, 2017. 34–38 бб.
182. Исхаков Д.М. Халкыбызының эпик әсәрләрендә яшеренгән милли тарихыбыз. Икенче язма: «Идегәй» дастанының серләре // Туган жир. Родной край. 2018 а. № 4. Б. 19–26; 2019. № 1. Б. 49–65; № 2. Б. 58–68.

183. Исхаков Д.М. «Дәфтәре Чыңгыз-намә» әсәренен бер урына комментарий // Туган жир. Родной край. 2018 г. № 2. Б. 25–28.
184. Мөхәммәтҗанова Л.Х. Иделдәнме, Себердәнме син, Идегәй? // Туган жир. Родной край: 2019. № 1. 35–48 бб.
185. Надиров И. «Идегәй» дастаны» // «Идегәй». Татар халык дастаны. Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. 5–10 бб.
186. Сәетов Р.С. Бүләр (Бараж) шәжәрәсе // Туган жир. Родной край. 2018. № 4. 99–116 бб.
187. Урманче Ф. Татар халык иҗаты. Казан: «Мәгариф», 2005. 383 б.
188. Урманчеев Ф.И. Татар халык иҗаты. Казан: «Мәгариф», 2002. 335 б.
189. [Jouzjani] Tabakat-i Nasiri: A General History of the muhammadian dynasties of Asia, Including Hindustan; from h. 194 (810 a. d.) to a. h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidele Mugals into islam by Maulana Minhaj-ad-din, Aby-Umar-i Usman [ibn Sirajol-din al Juzjani]. Transl. by Major H.G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation. 1970. Vol. I. 718 p. Vol. II. 1296 p.
190. De Weese, Devin. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam In Historical and Epic Tradition. Pennsylvania State univ., 1994. 638 pp.
191. Golden Peter B. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. III–IV. Part I. PP. 296–309.
192. Golden P.B. Cumanica II. The Ölberli (Ölperli): the fortunes and mistofortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1986. Vol. 66. PP. 5–30.
193. Golden P.B. Ethnicity and state formation in pre-Cinggisid Turkic Eurasia. Indiana university, 2001. 46 p.
194. Horvath, Andras P. Pechenegs, Cumans, lasians. Steppe peoples in medival Hungary. Budapest: «Corvina Kiado», 1989. 142 p.
195. Inalcik H. The khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian studies. Vol. III–IV. Part I. 1979. Pp. 445–466.
196. Kirzioğlu F. Yukarı-Kür ve Çoruk boyları’nda Kipçaklar. Ankara: Türk tarih kurumu basimevi, 1992. 278 s.
197. Manz Beatrice F. The clans of Crimean Khanate. 1466–1532 // Harvard Ukrainian studies. 1987. Vol. 2–3. Pp. 282–309.
198. Paksoy H.B. Chora Batir: A Tatar Admonition to Future Generations // Studies in Comparative Communism. 1986. Vol.19. Nos 3-4. PP. 253–265.

Научное издание

Исхаков Дамир Мавляеевич

Исторические реалии в тюрко-татарских дастанах

(«Ак Кубэк», «Туляк и Сусылу», «Идегей», «Чура батыр»)

*Рекомендовано к изданию Объединенным ученым советом
Уральского отделения РАН по гуманитарным наукам
по представлению Ученого совета ФГБУН «Тобольская
комплексная научная станция УрО РАН»*

Макет и верстка А.Э. Якубовский

Подписано в печать 29.09.2025. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.

Уч.-изд. л. 8,9. Усл. печ. л. 12,1.

Тираж 300 экз. Заказ

ISBN 978-5-7691-2596-6

 ТОБОЛЬСКАЯ
ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в типографии ИП Жмурев С. В
626152, г. Тобольск, ул. Октябрьская, д. 39
Тел. (3456) 22-59-29